

Усадьба и дача в литературе XX–XXI вв.

В настоящей подборке представлены 6 статей участников проекта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), реализуемого в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. Материал подборки включает в себя писателей как раннесоветского (Б. А. Пильняка, К. А. Федина), так и позднесоветского (А. Г. Битова, Ю. В. Трифонова, Ю. М. Нагибина) периода, а также авторов, чье творчество уже во многом принадлежит постсоветскому времени (В. С. Токареву, В. О. Пелевину).

Помимо широты диапазона, предлагаемую читателю подборку характеризуют разнообразие и новаторство проблематики: здесь проводится компаративное сопоставление «усадьбы-санатория» в западноевропейской и советской прозе первой половины XX в. (в статье О. А. Богдановой), впервые дается обзор дачных сюжетов в рассказах и эпистолярной Б. А. Пильняка 1910–1920-х гг. (в статье М. В. Скороходова), выявлен и охарактеризован «усадебный свертхтекст» Империи как единого культурного пространства в творчестве А. Г. Битова 1960–2000-х гг. (в статье Е. Ю. Кнорре), показано своеобразие «дачного топоса» у Ю. В. Трифонова (в статье Е. О. Яцкив) и у Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой (в статье Д. М. Борисовой), исследована деконструкция «усадебного мифа» русской классики в романистике В. О. Пелевина (в статье В. Г. Андреевой).

В плане поэтики «усадебный топос» рассматривается в разных литературно-художественных направлениях XX–XXI вв. (неореализме, социалистическом реализме, экзистенциализме, метамодернизме) с помощью инновационного литературоведческого инструментария («гетеротопия усадьбы», «криптоусадебная мифология», «усадебный свертхтекст», «поэтосфера усадьбы» и др.). Добавим также, что подборка объединяет в принадлежности к новому научному направлению – «Литературная усадьба и дача» – как заслуженных докторов и опытных кандидатов наук, так и совсем молодых магистров филологии. Статьи расположены в хронологическом порядке.

О. А. Богданова, д.ф.н., в.н.с. ИМЛИ РАН,
руководитель проекта РНФ

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 78–91.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 78–91.

Научная статья
УДК 821.161.1.09.18
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-7>
<https://elibrary.ru/qijkxa>

**«Дачный топос» в прозе Б. Пильняка 1910-х – начала 1920-х годов:
автобиографические переключки**

Максим Владимирович Скороходов

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
msk2002@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

Аннотация. В статье рассматривается одна из не изученных ранее тем, связанных с биографией и творчеством Б. А. Пильняка, дается анализ дачной тематики в прозе и письмах писателя 1910-х – начала 1920-х гг. Б. А. Пильняк имел достаточно богатый личный опыт дачной жизни – весной 1915 г. он снял избу в деревне Кривякино Коломенского уезда Московской губернии и неоднократно бывал там позже. После национализации помещичьих усадеб Б. А. Пильняк некоторое время проживал на их территории как на дачах. Сопоставительный анализ писем и прозы писателя, а также письма И. И. Лажечникова 1855 г. и воспоминаний Енишерловых позволяет охарактеризовать условия дачной жизни Б. А. Пильняка и проследить истоки его творчества. «Дачный топос» актуален для таких ранних рассказов писателя, как «Смерти» (1915), «Снега» (1917), «Смертельное манит» (1918), «Коломенская пастила» и «Лесная дача» (оба – 1922). В статье обращается внимание на то, что Б. А. Пильняк неизменно приглашал на арендуемые им дачи (включая бывшие усадьбы) родных, друзей и знакомых. Это не только свидетельствует о его гостеприимстве, но и является продолжением традиций русской усадьбы.

Ключевые слова: Б. А. Пильняк, «дачный топос», русская литературная усадьба, автобиографические произведения, рассказы, русская проза

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Скороходов М. В. «Дачный топос» в прозе Б. Пильняка 1910-х – начала 1920-х годов: автобиографические переключки. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 78–91. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-7>; EDN: QIJKXA

The dacha topos in B. Pilnyak's prose of the 1910s – early 1920s:
autobiographical echoes

Maxim V. Skorokhodov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

msk2002@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

Abstract. This article examines a previously unexplored topic related to the biography and work of Boris Pilnyak: it analyzes dacha themes in the writer's prose and letters from the 1910s and early 1920s. Pilnyak had a considerable personal experience of dacha life: in the spring of 1915, he rented a hut in the village of Krivyakino in Kolomensky District of Moscow Province and then he often visited that place. After the nationalization of the estates, Pilnyak lived for some time on their territory as in dachas. A comparative analysis of the writer's letters and prose, as well as a letter from I. I. Lazhechnikov of 1855 and the memoirs of the Yenisherlovs, allows us to describe Pilnyak's dacha life and trace the origins of his work. The dacha topos is relevant to such early stories as "Deaths" (1915), "The Snows" (1917), "Deadly Beckoning" (1918), "Kolomenskaya Pastila", and "Forest Dachas" (both 1922). The article draws attention to the fact that Pilnyak invariably invited family members, friends, and acquaintances to his rented dachas (including former estates). This not only demonstrates his hospitality but also continues the tradition of Russian estates.

Keywords: B.A. Pilnyak, "dacha topos", Russian literary estate, autobiographical works, short stories, Russian prose

Acknowledgements. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P "Estate and Dachas in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal" (project manager O. A. Bogdanova), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Skorokhodov M. V. The dacha topos in B. Pilnyak's prose of the 1910s – early 1920s: autobiographical echoes. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 78–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-7>; EDN: QJJKXA

Посвящая памяти Владимира Петровича Енишерлова (1940–2026)

Введение

Несколько десятилетий проза Бориса Андреевича Пильняка была в Советском Союзе практически под запретом и не изучалась, а произведения писателя с конца 1930-х до второй половины 1970-х гг. в нашей стране не публиковались. Наиболее полным являлось восьмитомное собрание сочинений, выпущенное в 1929–1930 гг. Госиздатом. Произведения писателя печатались за рубежом, в том числе в переводах, и привлекали внимание исследователей. Том «Избранные произведения» вышел в свет в 1976 г. в московском издательстве «Художественная литература», а в 1978 и 1979 гг. – в Ленинградском отделении упомянутого издательства (составление, вступительная статья и комментарии В. Новикова). В последующие годы в качестве составителей и авторов вступительных статей выступали Б. Б. Андроникашвили-Пильняк и К. Б. Андроникашвили-Пильняк – сын и внучка писателя, а также профессор И. О. Шайтанов и др. Публикация произведений Б. А. Пильняка в толстых литературных журналах и отдельными книгами способствовала росту интереса филологов к его творческому наследию и биографии.

Значительная часть прозы писателя представлена в его собрании сочинений в шести томах, составленном и прокомментированном К. Б. Андроникашвили-Пильняк (Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003–2004). Большую ценность для исследователей представляют письма Б. А. Пильняка, выпущенные в 2010 г. в двух томах (составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек). Уже три с половиной десятилетия в Коломне выходит издание, целиком посвященное писателю, – «Б. А. Пильняк. Исследования и материалы: межвузовский сборник научных трудов», в котором опубликовано большое число научных статей.

Несмотря на названный регулярно выходящий сборник и отдельные статьи в научных журналах и книгах, наследие Б. А. Пильняка изучено далеко не полностью, не все аспекты его творчества всесторонне и глубоко проанализированы. К числу практически не разработанных тем относится анализ дачной тематики в прозе писателя в контексте его биографии, что нашло отражение не только в его творчестве, но и в переписке. При этом актуальность для Б. А. Пильняка традиций «усадебных» и «дачных» авторов отмечали уже его современники в ранних откликах на творчество писателя. Показательными в этом отношении являются слова литературного критика Г. Е. Горбачева, писавшего в 1925 г.: «Пильняка, конечно, очаровали навсегда Тургеневские, ставшие в 80-х гг. Чеховскими, а в 90-х Зайцевско-Бунинскими, “лирические”, обывательские, реакционно-обломовские, мелкопоместные и интеллигентски-уездные мотивы русской жизни. <...> подновленная “Лесная дача” и “Земляника в июле” радостно и любовно описывают послеоктябрьскую уцелевшую бестолковотомную лень и лирическую эротику “лишних людей” и прекраснотомных кисейных женщин»¹.

Основная часть

Б. А. Пильняк относится к тем авторам, значительная часть прозы которых имеет ярко выраженный автобиографический характер, поэтому для изучения творчества писателя необходимо учитывать факты его жизни. И здесь наиболее надежным источником сведений становятся письма писателя. При отсутствии научной биографии и летописи жизни и творчества Б. А. Пильняка именно они позволяют установить места его проживания, основные события жизни, круг общения и встречи.

Письма второй половины 1910-х – начала 1920-х гг. раскрывают Б. А. Пильняка как радушного и гостеприимного, открытого к общению человека. Поскольку для нас сейчас важна дачная тема, именно ей мы и уделим основное внимание.

На протяжении целого десятилетия – с 1912 по 1922 гг. – не только для Б. А. Пильняка, но и для всей семьи Вогау как место проживания были важны Коломна и несколько населенных пунктов Коломенского уезда Московской губернии². Отец Б. А. Пильняка, ветеринарный врач А. И. Вогау, прослужил в Коломенском уезде Московской губернии несколько лет. В Коломне жил и начинающий писатель,

¹ Горбачев Г. *Очерки современной русской литературы*. Ленинград: Государственное издательство, 1925, с. 82.

² Приношу искреннюю признательность за уточнение биографических данных и предоставленные материалы Кире Борисовне Андроникашвили-Пильняк.

а весной 1915 г. он снял под дачу дом в деревне Кривякино, в полутора верстах от которой была «железнодорожная станция Воскресенск, а при ней почтовое отделение “Кривякино”»¹. Появление вблизи крупного города железнодорожной ветки со станцией приводило к развитию дачного строительства. Не стала исключением и деревня Кривякино Колыберевской волости Коломенского уезда².

Историю Кривякина 1830-х гг. фиксируют «Записки» Н. И. Мамаева, отметившего, что он прибыл в сельцо в распоряжение своего взвода и сразу же поселился в «крестьянской избе». Отдохнув после заселения, он «отправился к владелице имения, вдове генерала Курманалеева, Надежде Ивановне. Старушка <...> предложила мне занять комнату внизу своего двухэтажного дома <...>. Со старушкой жило семейство ее племянника, Гаврилы Степановича Карновича». Сам племянник находился по делам в Москве, в усадьбном доме были его жена, дети, две гувернантки – немка и англичанка, а также иеромонах отец Пимен³. Как видим, в Кривякине была традиционная русская усадьба. О Кривякине мы узнаем и из «Указателя селений и жителей уездов Московской губернии», составленного в середине XIX в. К. М. Нистрем: «Кривякино, сельцо, 1-го стана, Ложечникова, Николая Иван<овича>. Подполковн<ика> (пребывает постоянно), крестьян 100 душ м<ужского> п<ола>, 84 ж<енского пола>, 26 дворов, 75 верст от стол<ицы>, 25 от уездн<ого> гор<ода>, на просел<очной> дор<оге>»⁴. В 1913 г. Кривякино – это «сельцо в сорок два крестьянских двора, где проживало 236 жителей: 104 мужского и 132 женского пола»⁵.

О намерении Б. А. Пильняка снять в Кривякине жилье свидетельствует его письмо редактору альманаха «Жатва» А. А. Альвингу (Соколову) от 5 марта 1915 г. из Коломны: «На страстной уеду в деревню на дачу – приезжайте в гости»⁶. Дублирование информации – в письме тому же адресату от 21 марта: «На четвертый день я уезжаю из Коломны на дачу. Адрес тогда сообщу»⁷. Следующее письмо А. А. Альвингу, отправленное 29 марта, подтверждает, что замысел уже реализован. Писатель сообщает, что его адрес «с 1-го апреля таков: ст. Воскресенск,

¹ Лысенков В. И. «Адрес мой: ст. Воскресенск...»: Борис Пильняк в Кривякине. Воскресенск: ВИА, 2005, с. 27.

² Ныне на этом месте пролегает улица Куйбышева в городе Воскресенск Московской области.

³ Мамаев Н. И. Записки. Шиповник Подмосковья, вступительная статья В. Викторовича, подготовка текстов и комментарии Н. Ваткина, В. Викторовича, Т. Залата, А. Индзинской, Е. Ломако, М. Муромского, А. Шаблина. Серия: Коломенский текст. Коломна: Лига, 2024, с. 294–295.

⁴ Нистрем К. М. Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. Москва: Типография ведомства Московской городской полиции, 1852. [6], III, [7], 954, 73 с.

⁵ Лысенков В. И. «Адрес мой: ст. Воскресенск...»: Борис Пильняк в Кривякине. Воскресенск: ВИА, 2005, с. 27.

⁶ Пильняк Б. А. Письма: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 209.

⁷ Пильняк Б. А. Письма: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 210.

Моск<овско->Казанск<ая> ж<елезная> д<орога>, деревня Кривякино, Земский ветеринарный пункт» и разъясняет: «Снял себе избу за 7 целковых»¹.

Снятая на теплое время года изба – один из вариантов типичной для начала XX в. дачи, размер и место расположения которой были обусловлены прежде всего материальными возможностями арендатора и его устойчивыми связями с одним из крупных городов. Для Б. А. Пильняка в 1915 г. таким городом была Москва, поскольку начинающий писатель являлся студентом Московского коммерческого института. Выбор конкретного места проживания был связан с тем, что Б. А. Пильняк на протяжении довольно длительного времени жил в расположенной недалеко Коломне – центре уезда.

Уже первые впечатления от проживания на даче очень яркие. Показательно в этом отношении письмо Б. А. Пильняка А. А. Альвингу из Кривякина от 3 апреля: «Живу здесь только несколько дней, но кажется – много-много дней, и дни похожи на плиссированный шелк – складка к складочке дни идут. Встаю, на холоде, на дворе моюсь, зубрю, готовлю обед, ем, читаю, хожу на реку, и – ложусь спать. Так каждый день. Рядом имение кн. Ливен, и там в парке кричат совы. А засыпаю под песни деревенских девушек; на горе, около нашей избы – гулянки устраивают»².

В Кривякине жила в 1915 г. и невеста Б. А. Пильняка – Н. А. Павлович, о которой писатель сообщал А. А. Альвингу 21 мая 1915 г.: «Павлович она живет в сущности у меня: у меня пьет-ест, сидит весь день и мешает мне, и только ночевать ходит в клеть соседней избы»³.

Главное занятие для писателя – вне зависимости от места проживания – литературный труд. Остальное же время дачники-арендаторы проводили сходным образом. Показательно в этом отношении письмо Б. А. Пильняка из Кривякина, отправленное О. И. и Н. А. Вогау, матери и сестре: «Удовольствия масса: я катаюсь на лодке, езжу верхом, ловлю кригой рыбу, вечером – песни, разговоры – на гулянках»⁴. Этим письмом писатель в ближайшее воскресенье приглашает в гости не только родных, но и друзей: «Нинка, бери Маньку, Хандажевских, Ив. Ал. Будет весьма весело. Погуляем, попоем, посмеемся, поострим. В оное воскресенье к двухчасовому поезду выйду Вас встречать»⁵. Приведенные слова свидетельствуют о том, что дачная обстановка позволяла писателю принимать гостей.

¹ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 210.

² Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 211.

³ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 214.

⁴ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 212.

⁵ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 212.

О месте расположения арендуемой дачи свидетельствует письмо Б. А. Пильняка А. М. Чернышеву от 29 мая, в котором он от имени своего и Н. А. Павлович приглашает редактора и издателя журнала «Млечный путь» «погостить немного» и дает краткую характеристику кривякинских окрестностей: «У нас здесь река, Екатерининская усадьба, парк, пруды, совы, кукушки, соловьи, рыбы, грибы, цветы... Приезжайте, если это устраивает Вас. Я буду очень рад, буду водить и показывать Вам местные красоты. <...> Будет весьма “пейзанно”, просто, солнечно и – хорошо»¹. Сходное описание и в письме Н. А. Павлович и Б. А. Пильняка тому же адресату от 1 июня 1915 г. Письмо завершается приглашением, написанным Б. А. Пильняком: «Приезжайте к нам. Как раз минуты три тому под окнами шел и кричал пароход. Наша изба стоит на горе, у реки, а на излучине, справа высится усадьба Екатерининских времен»². Очередное приглашение в гости, адресованное А. М. Чернышеву, – в письме от 10 июня – с крайне важной для нас информацией: «Пишу – много. И удачно. Приедете – зачитаю до смерти»³.

Письма от второй половины июня 1915 г. и более поздние уходили уже из Коломны (за исключением письма А. А. Альвингу, написанному 1 июля 1915 г. между Нижним Новгородом и Казанью). Однако писатель продолжал бывать в Кривякине. Об этом свидетельствуют, в частности, слова из его письма А. М. Чернышеву, отправленному из Коломны 24 июня («На днях я уезжаю недели на три – две с половиной на Волгу поскитаться. Но все же мой постоянный адрес – Кривякинский. <...> В Кривякине – слишком много писал. Написал и закончил два рассказа: “Последнее” и “Земское дело”»⁴), а также помета под текстом рассказа «Смерти», впервые напечатанном в альманахе «Творчество» в 1917 г.: «Кривякино. / Август 1915».

В 1918 г. Б. А. Пильняк жил на даче Поллерз под Коломной и приглашал И. А. Белоусова снять одну из комнат. «Вместе с Белоусовым на дачу собирались приехать брат И. А. Бунина писатель, член литературного объединения “Среда” Ю. А. Бунин и Е. Н. Чириков»⁵. В следующем, 1919 г., Б. А. Пильняк написал цикл «Рассказы о морях и горах»; в одном из вошедших в него произведений, «Первый день весны», о своем дачном детстве вспоминает главная героиня – как и в ряде других рассматриваемых нами произведений Б. А. Пильняка, это воспоминания о давно ушедших годах. Дачная жизнь ассоциируется здесь с мирной жизнью, где все идет своим чередом, когда все времена года – весна, лето, осень, зима – возникают в че-

¹ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 215–216.

² Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 217.

³ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 218.

⁴ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 218.

⁵ Андроникашвили-Пильняк К. Борис Пильняк: Житие «на Посадах». *Наше наследие*, 2004, № 69, с. 80.

ловческом сознании вместе. Во время войны, когда женщина получает с фронта письмо с засушенными в нем цветами, привычный порядок меняется – и героиня «после давно-давно ушедшего лета почувствовала весну»¹.

Значительно позже, 23 июня 1922 г., в письме к супругам Е. И. и Л. Н. Замятиным из Коломны Б. А. Пильняк вновь зазывал гостей к себе на дачу, только теперь этой дачей была не крестьянская изба, а та самая «екатерининская усадьба», которую он упоминал ранее: «...если Вы оба соберетесь ко мне, буду ОЧЕНЬ рад: тем паче, что в Коломне, у Николы мои дни подсчитываются: осенью меня здесь уже не будет, я переезжаю в Деревню, в Кривякино, в усадьбу, поближе к Москве»². Как отметил В. И. Лысенков, в то время «в Кривякине уже был совхоз, а в усадьбе разместился Спасский сельскохозяйственный техникум»³.

Дачная жизнь своей нацеленностью на отдых и вариантами использования свободного времени была во многом похожа на жизнь усадебную, хотя и с некоторыми ограничениями, связанными в первую очередь с более скромными материальными возможностями владельцев или арендаторов дач. За несколько десятилетий до Б. А. Пильняка, в июне – июле 1855 г., сходным образом проводил время в том же Кривякине писатель И. И. Лажечников, проживавший у брата в усадьбе Красное Сельцо. Прозаик писал 23 июня 1855 г. А. К. Жизневскому: «Здесь я <...> вполне наслаждаюсь деревенскою жизнью. Гуляю, купаюсь, ужу рыбу <...>. Местоположение прекрасное, сад огромный, вода и воздух превосходные; по Москве-реке движутся караваны барок. Думаю, пробуду еще дней десятков в этом земном раю»⁴.

В первые советские годы Б. А. Пильняк успел пожить в еще одной старинной усадьбе под Коломной, вновь рассматривая ее – и для этого у него были все основания – в качестве дачи. Несколько писем лета 1921 г. прозаик отправил из бывшей усадьбы генералов Вильяшевых, располагавшейся на берегу реки Коломенки вблизи от деревни Новоселки Коломенского уезда. Прозаик 26 июля 1921 г. сообщал В. С. Миролюбову о плачевном состоянии разоренной за время революции усадьбы: «Пишу это письмо Вам, сидя в мезонине стариннейшего в уезде имения генералов Вильяшевых. За революцию тут были – и коммуна, и совхоз, и детская колония: поэтому теперь в доме ни одной рамы, – в стариннейшем, прекраснейшем доме. Жена уехала сюда на дачу. В мезонине кое-как можно спастись от ветра – ставнями.

¹ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 364.

² Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 465.

³ Лысенков В. И. «Адрес мой: ст. Воскресенск...»: Борис Пильняк в Кривякине. Воскресенск: ВИА, 2005, с. 41.

⁴ Жизневский А. К. Мои воспоминания об Иване Ивановиче Лажечникове, публикация и примечания А. Ю. Сорочана. Приложение. Письма Ивана Ивановича Лажечникова к А. К. Жизневскому. *Лажечников и Тверской край: статьи и материалы*, редактор – А. Ю. Сорочан. Тверь: Марина, 2005, с. 223–224.

Неделю мы никак не могли добиться мебели: вчера, наконец, привезли...»¹. В тот же день ушло и письмо И. А. Белоусову с сообщением о том, что писатель живет «на даче, в полуразрушенном имении»².

Об усадьбе под Новоселками говорится в рассказе Б. А. Пильняка «Коломенская пастила» (1922)³: «Мой спутник, старенький женский велосипед <...>. Я накачивал моего спутника и ехал на нем к жене в Новоселки. Когда-то были помещики Енишерловы, они исчезли вместе с революцией, но дом остался, в старом парке, засаженном лиственницами и кленом; на холме между оврагом и рекой Коломенкой, совсем один в лесу. В революцию дом отбыл пстои и детской колонии и трудармии; потом его заколотили за неимением в России стекол. И тогда в мезонине на лето поместилась моя жена с дочерью и собачкой-малышом. <...> дом с главной аллеи утверждал мне подлинность Тургенева, верилось в тургеньскую девушку, которая сейчас выйдет из виноградника с террасы. <...> Мы все в Новоселках сходим с ума о грибах. В Новоселках, в мезонине, у нас нет ни одного стула и только один стол...»⁴.

Издатель журнала «Наше наследие» – В. П. Енишерлов, предки и родственники которого владели этой усадьбой и жили в ней, процитировав Б. А. Пильняка, приводил дневниковые записи своего родившегося в усадьбе отца – Петра Николаевича Енишерлова: «В саду Новоселок. Бабушка и все спят. Какая ночь! Серебряно светит, в тысячах капель отражается луна – полная, чистая, точно омытая холодной, хрустальной, кристально-прозрачной водой. И как легкие, чистые мысли, набегают облака – маленькие и прозрачные; набегают, но не затеняют царственного блеска серебра, победно заполняющего всю землю. Цветы дышат, живут, чувствуют эту ночь. Она божественно прекрасна»⁵.

Последним владельцем усадьбы в Новоселках был дед В. П. Енишерлова – действительный статский советник – Н. М. Енишерлов. Его внук писал о протекавшей здесь типично усадебной жизни: «Летом в Новоселках и Дубенках»⁶ всегда было многолюдно <...>. Скакали на лошадях, играли в крокет и теннис, купались, катались на лодках по Коломенке, ставили спектакли, увлекались шарадами, осенью ходили за грибами»⁷. В Новоселках «был потрясающей красоты романтический парк с

¹ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 357–358.

² Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 358.

³ Раннюю редакцию рассказа «Коломенская пастила» под заглавием «Три брата» см.: Пильняк Б. А. Три брата. *Пильняк Б. [Сочинения] Том III. Рассказы*. Москва: Издание автора; Никола-на-Посадах, 1924, с. 77–90.

⁴ Пильняк Б. А. Коломенская пастила. *Октябрь*, 2010, № 1, с. 160.

⁵ Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие*, 2012, № 102, с. 56.

⁶ «Если перейти овраг и пройти от Новоселок около километра по проселочной дороге – вскоре доберешься до деревни Дубенки, где была усадьба ближайших родственников Вельяшевых – Расторовых. <...> любили гулять здесь обитатели Новоселок» (Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие*, 2012, № 102, с. 71).

⁷ Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие*, 2012, № 102, с. 68.

липовыми и лиственничными аллеями, декоративными кустарниками, куртинами пионов и роз, живописными полянами и различными экзотическими породами деревьев <...> и, конечно, бесконечно любимая всеми обитателями Новоселок сирень <...>. И цветы любили душистые – левкой, ночной табак, горошек, розы, резеду»¹; «Гости и жители Новоселок очень любили, когда Петр Николаевич играл в доме, при открытых окнах, Шопена или Рахманинова»².

В экспозиции рассказа Б. А. Пильняка «Снега», под текстом которого указаны место и время создания «Коломна. Март 1917», предстает типичная русская усадьба: читальня-гостиная, просторный кабинет с письменным столом и лежащими на нем книгами, старинное оружие над кожаным диваном, игроки за шахматным столиком, ужин с гостями под шум закипающего самовара, разговоры об искусстве... Владелец усадьбы Полунин – любящий муж и счастливый отец – общается здесь с гостями, среди которых Ксения Ипполитовна Енишерлова, с которой его когда-то связывали романтические отношения. Если усадьба Полунина наполнена жизнью и детским криком – грудной дочери Полунина и Алены, то усадьба Енишерловой, «последней в роде», отличается явными приметами ветхости и умирания: «...старинный дом, опиравшийся на свои колонны целое столетие, архитектуры классической, с фронтоном, двухсветною залю, с гулками коридорами, с мебелью, застывшей так, как ставилась она последний раз при прадеде, <...> дом, уже отживший», с «холодными комнатами, темными и страшными ночью, многолетней пылью»³. Дом ожил только к Новому году, когда «по старинным правилам»⁴ нужно было собирать гостей, в числе которых ожидаемо был и Полунин.

В Кривякине в августе 1915 г. написан рассказ «Смерти». Его действие разворачивается в старинной родовой усадьбе, где прошла жизнь главного героя, Ипполита Ипполитовича, которому «сто лет без года и трех месяцев с днями», и где ему суждено умереть. Скорая гибель ждет и дом: белая терраса залита «холодным солнцем», сын владельца, Илья Ипполитович, «ходит по пустынным комнатам умирающего дома. <...> На подоконниках, на столах, на полу – везде насталась серая пыль. <...> Твердая затаившаяся тишина застыла в доме»⁵.

Усадьба Марьин Брод⁶ становится местом действия рассказа «Смертельное манти» (1918): Полунин, бывший студент, «заречный барин», «метался с женой по

¹ Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие*, 2012, № 102, с. 68–69.

² Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие*, 2012, № 102, с. 69.

³ Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003, с. 337.

⁴ Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003, с. 337.

⁵ Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003, с. 304–307.

⁶ Коломенские исследователи полагают, что это «Марфин-Брод – деревня в Можайском районе Московской области, расположена на левом берегу Москвы-реки примерно в 3,5 километра к северо-западу от г. Можайска, в котором прошли первые десять лет жизни Пильняка» (Мамаев Н. И. Записки. *Шиповник Подмосковья*, вступительная статья В. Викторовича,

России и за границей, все время тоскуя по тихой, разумной жизни; разошелся с женою не скоро и трудно, потратив на это все, что было отпущено ему для творения жизни; вернулся наконец в свою усадьбу, в Марьин Брод, поселился один в старом доме, зарылся книгами»¹. К нему, уже немолодому, пришла жить простая девушка Алена – она «родилась в лесной сторожке, где были небо, сосны, песок и река»². Они жили в усадьбе вдвоем, и Полунин, который «был из тех русских бар, что ищут правду и Бога», надеялся найти в Алене «правдивое и естественное, отдохнуть с ней и создать жизнь правильную и крепкую»³.

Алена вела в усадьбе жизнь простой деревенской женщины: «вставала с зарей, молилась Богу, шла доить коров, готовила к обеду, снова в полдень доила коров, была с ребенком, кормила его, пеленала, мыла». Она ни с кем не общалась и уходила из дома только в церковь. Образ жизни Полунина соответствовал его статусу обедневшего помещика – он «сидел за книгами, рубил дрова, говорил о правде»⁴, учил Алену грамоте и читал ей жития. После смерти дочери Алена уходит скитаться по монастырям. Полунин же остается в умирающей усадьбе в полном одиночестве.

Для нашей темы важен рассказ «Лесная дача» (1922), который М. А. Дубова справедливо рассматривает как рассказ-миниатюру, «повествующий о неизбежности принятия природного закона людьми»⁵. Действие произведения развивается там же, где жили персонажи рассказа «Смертельное манит», – в Марьином Броде. Только теперь герои рассуждают о том, является ли Марьин Брод усадьбой или дачей. Показателен в этом отношении диалог художника Минтза, который считает Марьин Брод захудавшей родовой усадьбой, и Лидии Константиновны, которая была когда-то невестой хозяина дома лесничего Иванова и знает историю этого места:

подготовка текстов и комментарии Н. Ваткина, В. Викторовича, Т. Залата, А. Индзинской, Е. Ломако, М. Муромского, А. Шаблина. Серия: Коломенский текст. Коломна: Лига, 2024, с. 504).

¹ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 323, 325.

² Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 322.

³ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 325.

⁴ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 326.

⁵ Дубова М. А. «Лесная дача» Б. Пильняка: роль перцептивной лексики в рецепции рассказа. *Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции: сборник трудов*, ответственный редактор – Д. Н. Жаткин, Т. С. Круглова. Москва; Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2024, с. 31. EDN: RLRVBS

«– Я сейчас был в парке¹. Этот пруд, эти аллеи из кленов, вырождающееся, умирающее, уходящее <...>. Почему нельзя вернуть романтический осьмнадцатый век и можно лишь грустить о халатах и трубках? Почему мы не знатные владельцы?..

Лидия Константиновна усмехнулась и ответила:

– Ну, да. Это поэтический вымысел. Но в действительности это много, очень много хуже. В частности, Марьин Брод никогда не был помещичьим гнездом, это – лесная дача, лесническая контора, и только... и только...»².

Однако нельзя сказать, что Марьин Брод в рассказе «Лесная дача» – это только контора, предназначенная для решения каких-то задач, связанных с сохранением и заготовкой леса. В приведенных словах Минтза характеризуется парк с аллеями и прудом – значимыми элементами русской усадьбы. Территорию охраняет сторож Игнат, он же работает на скотном дворе – скотнике. Главный дом имеет несколько комнат, крыльцо и террасу, под окнами – кусты сирени, которые являются типичными для усадебного парка.

В рассказе детально описана гостиная. Здесь есть многие предметы, характерные для помещичьей усадьбы: «у больших окон с погрязневшими стеклами еще остались от разрушения – ковер, кресла, кенкеты, стоял старый концертный рояль, висели портреты»³. На рояле играет Лидия Константиновна; дом для нее – это память о молодости, о прошлом, которое уже никогда не вернется.

В кабинете Иванова имеются столярные инструменты и охотничье снаряжение («У стены стояли верстак и диван <...>. Иванов зажег свечу на верстаке и <...> стал набивать машинкой ружейные патроны»⁴), что было характерно для традиционных русских усадеб.

Марьин Брод находится на грани гибели: «дом был старым, большим, разваливающимся»⁵. В углы некоторых комнат «вошло уже окончательно разрушение, исчезли от неведомой руки стулья, кушетки, кресла и лишь была свалена рухлядь в углу...»⁶. Хотя в спальне Лидии Константиновны, как и в годы ее молодости, стоит двуспальная кровать из красного дерева и прочая мебель, характерная для женской

¹ В рассказе говорится о том, что в усадебном парке кричат совы – этих птиц Б. А. Пильняк неоднократно упоминал в письмах из Кривякина.

² Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003, с. 429–430.

³ Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003, с. 429.

⁴ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 428.

⁵ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 431.

⁶ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 435.

комнаты, – «комоды, шкафы, шифоньерки, огромный гардероб», здесь «темно и холодно»¹.

Выводы

В 1910-е – начале 1920-х гг. Б. А. Пильняк длительное время жил в небольшом деревянном доме в Коломне, как он писал, «на Никола-на-Посадах, на церковном дворе, около древнейшей церкви», иногда называя это свое жилище дачей². В настоящую дачную жизнь он смог погрузиться в деревне Кривякино Коломенского уезда Московской губернии, где весной 1915 г. снял избу. Позже он возвращался в Кривякино в качестве дачника, а в первые советские годы использовал как дачу национализированные и разоренные помещичьи усадьбы. Б. А. Пильняк – гостеприимный хозяин, который зазывал к себе в гости на дачу как родных, так и знакомых.

Имея достаточно богатый личный опыт дачной жизни, Б. А. Пильняк отразил его в своей ранней прозе. При описании усадеб и дач, их интерьеров он обращает внимание на неухоженность, дряхлость, заброшенность домов, владельцы которых не могут сохранить в надлежащем порядке места своего проживания. Такие дома – это место для воспоминаний о прошедшей молодости и подтверждение того, что нельзя вернуть былые отношения и воскресить утраченные чувства. В рассказах первых советских лет помещичьи усадьбы предстают как находящиеся в состоянии крайнего запустения, на грани гибели, а их владельцы либо погибают, либо остаются в одиночестве.

Приведенные нами цитаты из письма И. И. Лажечникова 1855 г. и из воспоминаний представителей семьи Енишерловых показывают динамику развития и гибели усадеб в окрестностях Коломны. Эти тексты могут использоваться при комментировании произведений Б. А. Пильняка, раскрывая историко-литературные и культурные контексты, что дает возможность для более глубокого и всестороннего восприятия текстов писателя.

Список литературы / References

Андроникашвили-Пильняк К. Борис Пильняк: Житие «на Посадах». *Наше наследие*, 2004, № 69, с. 78–85.

Andronikashvili-Pilnyak K. Boris Pilnyak: Life “on the Posad’yakh”. *Our Heritage*, 2004, no. 69, pp. 78–85. (In Russ.)

Горбачев Г. *Очерки современной русской литературы*. Ленинград: Государственное издательство, 1925. 218 с.

Gorbachev G. *Essays on contemporary Russian literature*. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925, 218 p. (In Russ.)

¹ Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 432.

² Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 277.

Дубова М. А. «Лесная дача» Б. Пильняка: роль перцептивной лексики в рецепции рассказа. *Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции: сборник трудов*, ответственный редактор – Д. Н. Жаткин, Т. С. Круглова. Москва; Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2024, с. 30–38. EDN: RLRVBS

Dubova M. A. “The Forest Dachа” by B. Pilnyak: The role of perceptual vocabulary in the reception of the story. *Russia in the World: Problems and Prospects for the Development of International Cooperation in the Humanitarian and Social Spheres. Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference. Collection of Papers*. Editors-in-chief: D. N. Zhatkin, T. S. Kruglova. Moscow; Penza: Penzenskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet, 2024, pp. 30–38. (In Russ.) EDN: RLRVBS

Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие*, 2012, № 102, с. 54–71.

Yenisherlov V. P. Return to Novosyolki. *Our Heritage*, 2012, no. 102, pp. 54–71. (In Russ.)

Жизневский А. К. Мои воспоминания об Иване Ивановиче Лажечникове, публикация и примечания А. Ю. Сорочана. Приложение. Письма Ивана Ивановича Лажечникова к А. К. Жизневскому. *Лажечников и Тверской край: статьи и материалы*, редактор – А. Ю. Сорочан. Тверь: Марина, 2005, с. 205–231.

Zhiznevsky A. K. My memories of Ivan Ivanovich Lazhechnikov. Published and annotated by A. Yu. Sorochan. Appendix. Letters from Ivan Ivanovich Lazhechnikov to A. K. Zhiznevsky. *Lazhechnikov and Tver Region: Articles and Materials*. Edited by A. Yu. Sorochan. Tver: Marina, 2005, pp. 205–231. (In Russ.)

Лысенков В. И. «Адрес мой: ст. Воскресенск...»: Борис Пильняк в Кривякине. Воскресенск: ВИА, 2005. 104 с.

Lysenkov V. I. “My Address: Voskresensk Station...”: Boris Pilnyak in Krivyakino. Voskresensk: VIA, 2005. 104 p. (In Russ.)

Мамаев Н. И. Записки. *Шиповник Подмосковья*, вступительная статья В. Викторовича, подготовка текстов и комментарии Н. Ваткина, В. Викторовича, Т. Залата, А. Индзинской, Е. Ломако, М. Муромского, А. Шаблина. Серия: Коломенский текст. Коломна: Лига, 2024, с. 293–307.

Mamaev N. I. Notes. *Rosehip of Moscow Region*. Introduction by V. Viktorovich, text preparation and commentary by N. Vatkin, V. Viktorovich, T. Zalata, A. Indzinskaya, E. Lomako, M. Muromsky, A. Shablin. Series: Kolomna Text. Kolomna: Liga, 2024, pp. 293–307. (In Russ.)

Нистрем К. М. *Указатель селений и жителей уездов Московской губернии*. Москва: Типография ведомства Московской городской полиции, 1852. [6], III, [7], 954, 73 с.

Nistrem K. M. *Index of villages and residents of the districts of Moscow Province*. Moscow: Tipografiia vedomstva Moskovskoi gorodskoi politsii, 1852. [6], III, [7], 954, 73 pp. (In Russ.)

Пильняк Б. А. Коломенская пастила. *Октябрь*, 2010, № 1, с. 158–162.

Pilnyak B. A. Kolomenskaya Pastila. *October*, 2010, no. 1, pp. 158–162. (In Russ.)

Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010. 568 с.

Pilnyak B. A. *Letters*: in 2 vol., vol. 1. 1906–1922, compilation, text preparation, preface, and notes by K. B. Andronikashvili-Pilnyak and D. Kassek. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2010, 568 p. (In Russ.)

Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. 448 с.

Pilnyak B. A. *Collected works*: In 6 vol., vol. 1: The naked year: Novel; Stories; Short Stories. Compiled, introduced, and commented by K. B. Andronikashvili-Pilnyak. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub, 2003. 448 p. (In Russ.)

Пильняк Б. А. Три брата. Пильняк Б. [Сочинения] Том III. Рассказы. Москва: Издание автора; Никола-на-Посадыях, 1924, с. 77–90.

Pilnyak B. A. Three brothers. *Pilnyak B. [Works] Volume III. Stories*. Moscow: Author's publication; Nikola-on-Posadiyah, 1924, pp. 77–90. (In Russ.)

Сведения об авторе

Максим Владимирович Скороходов – кандидат филологических наук, <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>, msk2002@rambler.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); **Maxim V. Skorokhodov** – Candidate of Philological Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>, msk2002@rambler.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 92–112.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 92–112.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19/21"

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-8>

<https://elibrary.ru/pqotee>

Усадьба-санаторий в творчестве К. А. Федина: европейская парадигма и традиции русской классики

Ольга Алимовна Богданова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

olgabogda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Аннотация. Впервые в науке роман советского писателя К. А. Федина «Санаторий “Арктур”» (1940) анализируется как художественная репрезентация усадьбы-санатория, в первой половине XX в. представленная и в западноевропейской (К. Гамсун, Т. Манн, Э. М. Ремарк и др.), и в советской (Н. А. Островский, Б. Н. Полевой и др.) литературе. Выясняется, помимо классово-идеологической (противостояние социализма и капитализма), философско-экзистенциальная (общая с европейскими писателями) и национально-мифологическая (восходящая к «усадебному тексту» русской классики, прежде всего к Л. Н. Толстому) проблематика фединского романа. Сделан вывод о том, что благодаря включенности в большую литературную генеалогию основной конфликт «Санатория “Арктур”» выходит за рамки соцреалистического канона и, при сопоставлении в замкнутом санаторно-усадебном пространстве парадигм *мечты* и *действительности* как важных модусов человеческого существования, приобретает экзистенциальный и архетипический характер.

Ключевые слова: К. А. Федин, К. Гамсун, Т. Манн, Э. М. Ремарк, Л. Н. Толстой, усадьба-санаторий, русская усадьба, инициация, экзистенциальная «подлинность»

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Богданова О. А. Усадьба-санаторий в творчестве К. А. Федина: европейская парадигма и традиции русской классики. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 92–112. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-8>; EDN: PQOTEE

Estate-sanatorium in the work of K. A. Fedin: The European paradigm and traditions of Russian classics

Olga A. Bogdanova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

olgabogda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Abstract. For the first time in science, the novel by Soviet writer K. A. Fedin “Sanatorium ‘Arcturus’” (1940) is analyzed as an artistic representation of an estate-sanatorium, which was also represented in the first half of the 20th century both in Western Europe (K. Hamsun, T. Mann, E. M. Remarque, etc.) and in the USSR (N. A. Ostrovsky, B. N. Polevoy, etc.). It turns out, in addition to the class-ideological (confrontation between socialism and capitalism), the philosophical-existential (common with European writers) and national-mythological (dating back to the “estate text” of Russian classics, primarily to L. N. Tolstoy) problematics of the Fedin’s novel. The paper concludes that due to its inclusion in a large literary genealogy, the main conflict of the “Sanatorium ‘Arcturus’” goes beyond the socialist realist canon and, when comparing the paradigms of *dreams* and *reality* as important modes of human existence in a closed sanatorium-estate space, acquires an existential and archetypal character.

Keywords: K. A. Fedin, K. Hamsun, T. Mann, E. M. Remarque, L. N. Tolstoy, estate-sanatorium, Russian estate, initiation, existential authenticity

Acknowledgements. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: the Fate of the National Ideal” (project manager O. A. Bogdanova), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Bogdanova O. A. Estate-sanatorium in the work of K. A. Fedin: The European paradigm and traditions of Russian classics. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 92–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-8>; EDN: PQOTEE

Введение

Усадьба-санаторий – важнейшая модификация «усадебного топоса» в советской литературе. Она является одним из идейно-композиционных центров в знаменитых романах Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (1934) и Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» (1947), а также в менее известном романе К. А. Федина «Санаторий “Арктур”» (1940), который и станет предметом исследования в данной статье. В отличие от Н. А. Островского и Б. Н. Полевого, санаторий К. А. Федина находится не в СССР, а на швейцарском высокогорном курорте – Давосе, куда до Второй мировой войны съезжались туберкулезные больные со всей Европы, в том числе из России, а затем – из СССР. В западной литературе первой половины XX в. усадьба-санаторий также представлена в романистике первостепенных писателей – это «Санатория “Торахус”» (1923) К. Гамсуна¹, «Волшебная гора» (1924) Т. Манна, «Три товарища» (1938) Э. М. Ремарка. В статье рассмотрена и повлиявшая на «Санаторий “Арктур”» традиция «усадебного текста» русской классической литературы, прежде всего в творчестве Л. Н. Толстого. Наряду с историко-литературным и сравнитель-

¹ Другое название – «Последняя глава».

ным изучением, использованы элементы биографического, контекстуального, мифопоэтического и тезаурусного подходов.

Основная часть

В Советском Союзе 1920–1930-х гг. санатории для трудящихся и ветеранов Гражданской войны нередко устраивались в бывших владельческих усадьбах, национализированных новой властью. Таков «коллективный рай» приморского крымского санатория «Майнак» и горного кавказского санатория «Мацеста», где лечился Павел Корчагин. В них сохранялись традиционные усадебные характеристики «рая на земле»: природная умиротворенность, эстетическая гармония, культурно-интеллектуальная насыщенность, отгороженность от тревог большого мира и психологически поддерживающее окружение, атмосфера спасения, душевного и физического возрождения утомленных жизнью героев, но главное – их духовно-нравственного роста, мутации, инициации. Так и в русской классике именно усадьба становилась местом внутреннего кризиса многих героев – Евгения Онегина из одноименного произведения А. С. Пушкина, Дмитрия Рудина из «Рудина» И. С. Тургенева, Константина Левина из «Анны Карениной» Л. Н. Толстого и др.

В то же время усадьба-санаторий оказывается территорией болезни, нередко и смерти, а для деятельного героя Н. А. Островского – вынужденной изоляции от социалистической «мировой стройки»¹. «Постепенное осознание серьезности своего диагноза и невозможности, как другие, подлечившись, вернуться в строй, ставят Павла перед экзистенциальным выбором между жизнью и смертью»². Санаторный парк «становится пространством инициации главного героя, принятия им судьбоносного решения о себе»³ – преодолеть искушение самоубийством и снова стать полезным членом общества в другом качестве. Удастся же это Корчагину благодаря преемству от русской классики и коллективному характеру советской усадьбы-санатория, изображенной в романе «Как закалялась сталь»: «дружба, солидарность, взаимопомощь <...> необходимое условие для духовного исцеления Корчагина, обретения им чувства целостности жизни, своего нового писательского призвания»⁴. По сути ту же динамику наблюдаем в судьбе Алексея Мересьева, искалеченного войной героя «Повести о настоящем человеке» Б. Н. Полевого. Отметим также, что, как правило, советские санатории были для пациентов или совсем бесплатными, или обходились до 30 % стоимости сравнительно недорогой путевки.

¹ Островский Н. А. *Как закалялась сталь*: роман. Пермь: Книжное издательство, 1982, с. 344.

² Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 340. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345>; EDN: NGAGMM

³ Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 340. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345>; EDN: NGAGMM

⁴ Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 341. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345>; EDN: NGAGMM

Иная картина в санаториях у К. Гамсуна, Т. Манна и Э. М. Ремарка. При той же усадебной «райскости» (близости к природе, культурных развлечений, интеллектуальной активности, комфорте, внешнем покое) здесь – каждый сам за себя и, за редкими исключениями, переживает свою трагедию в душевном одиночестве. Так, расположенный в норвежских горах санаторий «Торахус» становится приютом не только для страдающих разнообразными недугами, в том числе неизлечимым до середины XX в. туберкулезом, но и для просто потерявших в жизни, психологически травмированных и утративших внутреннюю опору людей со всей Европы (Самубийцы, фрекен Д'Эспар, лесопромышленника Бертельсена, английской «принцессы», ректора Оливера и др.). Стоимость пребывания и лечения в санаториях западноевропейских стран была очень высокой и целиком ложилась на плечи пациентов. Порядки в гамсунском «Торахусе» – модели большой европейской жизни, находившейся в тяжелом ценностном кризисе, – описываются следующим образом: «Люди ползают и ползают, некоторые здесь, другие там. Порою ползают вместе, порою встречаются и не желают уступить дорогу друг другу. А иногда переползают через труп друг друга. И разве может быть иначе? Разве они не люди?»¹. Обреченность их существования маркирована сценой ночного пожара в санатории, несущей очевидные апокалипсические коннотации.

В «Волшебной горе» у Т. Манна намного больший философский диапазон: в замкнутом пространстве «санаторской усадьбы»² сталкиваются и искрят друг о друга идеи «философии жизни» А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, «заката Европы» О. Шпенглера, психоанализ З. Фрейда и учение о «коллективном бессознательном» К.-Г. Юнга, мистицизм и спиритуализм, либерально-гуманистические, революционно-анархистские, марксистские, масонские и прочие теории, изложенные в дискурсах многочисленных интернациональных персонажей. Все они – «гонимы и посланцы, представляющие духовные сферы, принципы и миры»³. Так как «Волшебная гора» несколько раз упоминается в проблемно насыщенных контекстах фединского «Санатория «Арктур»», то выделим в этом произведении черты, важные для будущего анализа романа советского писателя.

«Замкнутый мирок» «Бергхофа» находится «наверху» в альпийских горах, вдали от повседневных тягот «равнины», поэтому время в санатории сгущено и циклично наподобие вечности. В силу этого он становится местом инициации главного героя, обыкновенного немецкого юноши – Ганса Касторпа – с практичным инженерным образованием – ведь в «атмосфере бездумного и легкого, но в то же время овечьего дыханием смерти существования <...> есть нечто значительное, открывающее без-

¹ Гамсун К. *Последняя глава*: роман, перевод с норвежского Э. Л. Вейнбаум и Е. М. Лазаревской. Москва; Ленинград: Петроград, 1924. с. 208.

² Манн Т. Волшебная гора: роман. *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 3. Москва: ГИХЛ, 1959, с. 350.

³ Манн Т. Русская антология. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 236.

брежные просторы для мысли»¹. «Для автора и смерть, и болезнь, и все жуткие приключения, через которые он заставляет пройти своего героя, – это лишь *педагогическое*² <...> средство, с помощью которого достигается <...> приподнимание заурядного героя над его первоначальным уровнем. <...> Это понимание болезни и смерти как необходимого этапа на пути к мудрости, здоровью и жизни делают “Волшебную гору” романом о посвящении в таинства (initiation story)»³.

Как видим, в замысле Т. Манна было преодоление фрейдовского Тánатоса как «влечения к смерти» в «закатных», по О. Шпенглеру, лучах как будто угасавшей европейской культуры. Отметим, что именно такое пессимистичное настроение безальтернативно пронизывает гамсуновскую «Санаторию “Торахус”», вторя представлению об окончательной гибели «усадебной культуры» в военно-революционном огне 1917–1922 гг., распространенному в русской эмиграции первой волны. Не случайно Т. Манн находил в К. Гамсуне значительное «русское влияние»⁴. У самого же автора «Волшебной горы» территорией такого преодоления становится тот же «усадебный топос», хорошо знакомый немецкому писателю по горячо любимой им «святой русской литературе». Именно «русская идея», выраженная в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. Сологуба и др. (заметим, «усадебных» писателей), способна уберечь, как надеется Т. Манн, межвоенный европейский мир от духовной смерти⁵.

Показательно в романе Т. Манна и новое понимание человека, личности, по сути – новая концепция гуманизма. Ведь «соприкосновение с болезнью и смертью сулит» Гансу Касторпу «ясновидение, прозрение, чудесный взлет его “я” <...> предчувствие новой, грядущей человечности <...>»⁶. Поэтому задачу немецкого писателя можно усмотреть в манифестации такого «нового» человека, «подлинность» которого открывается в «бытии к смерти», на пороге «ничто». Мы намеренно воспользовались экзистенциалистской терминологией, к которой логически подводит нас интерпретация Т. Манном в 1939 г. своего романа, написанного в 1924 г. Ведь к 1930-м гг. идеи экзистенциализма в европейской философии уже были сформулированы (например, в трактате «Бытие и время» М. Хайдеггера) и получили литературно-художественное воплощение (например, в романах «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя, «Тошнота» Ж.-П. Сартра, «Три товарища» Э. М. Ремарка и др.). При

¹ Манн Т. Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 229, 231.

² Здесь и далее в цитатах курсив мой. – О. Б.

³ Манн Т. Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 237.

⁴ Манн Т. Русская антология. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 91.

⁵ Манн Т. Русская антология. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 92–93.

⁶ Манн Т. Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 241.

этом герои всех названных произведений, сделавшие выбор в пользу своей экзистенции, сразу оказывались лицом к лицу с абсурдностью и пустотой окружающего мира, которые трагически переживали. Так и манновский Ганс исчезает из поля зрения читателя, теряясь в слепом хаосе сражений Первой мировой войны. Фединский же персонаж, пройдя сходную инициацию, приобщается к великим смыслам своей родины.

Кроме того, в «Санатории “Арктур”» обыгрываются и медицинские разоблачения в «Волшебной горе», которые обсуждаются героями обоих романов, – это нечестность ряда врачей в постановке диагнозов, процессе лечения больных и как можно более долгом их удержании в легочном санатории ради получения немалых денег, что является «отражением капиталистического общества довоенной Европы»¹. На протесты, «поступившие из медицинских кругов», немецкий писатель ответил в открытом письме «О духе медицины»: «...социальная критика не является моей страстью и не относится к сильным моим сторонам, <...> в моем творчестве она, как бы случайно и мимоходом прихваченная, играет лишь *побочную роль*»². Главную же проблематику своей книги автор определил так: «Смерть и болезнь в “Волшебной горе” <...> изображаются в виде мощного *познавательного средства*, а также как “гениальный” путь к человеку и любви», «к предчувствию *нового гуманизма*»³.

Если указанные романы К. Гамсуна и Т. Манна упомянуты К. А. Фединым в переписке и художественном дискурсе и потому сомнений в их известности советскому писателю не возникает⁴, то из произведений Э. М. Ремарка может быть доказано по дневниковым записям К. А. Федина только прочтение романа «На Западном фронте без перемен», который он считал «лучшей книгой о Первой мировой войне»⁵. В 1936 г. в СССР в русском переводе был напечатан роман Э. М. Ремарка «Возвращение». Изданный в Амстердаме в 1938 г. в период эмиграции немецкого писателя-антифашиста из Третьего Рейха роман «Три товарища» (русский перевод – 1958 г.) вполне мог быть прочитан К. А. Фединым на немецком языке (которым он свободно владел), несмотря на запрет его автора в СССР начиная с 1937 г. Но даже если этого не случилось, мы вправе говорить о типологическом сходстве обоих произведений: в нескольких главах «Трех товарищей» изображен тот самый Давос с

¹ Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 47.

² Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 47.

³ Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 50–51.

⁴ См. письмо К. А. Федина к жене из Давоса от 9 октября 1931 г. Цит. по: Оклянский Ю. Федина в Давосе. *Октябрь*, 1982, № 2, с. 157–158.

⁵ Трубилова Е. М. Германия в жизни и творчестве К. А. Федина: от 1914 к 1945. «Они сражались за Родину»: литература и история, ответственные редакторы – Ю. А. Азаров, А. Г. Гачева, Е. М. Трубилова. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2025, с. 460. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0822-6-447-467>; EDN: KXGZZS

туберкулезными санаториями, который уже знаком нам по романам Т. Манна и К. А. Федина.

Как и у Т. Манна, давосская усадьба-санаторий в «Трех товарищах» видится местом прорыва к «новому гуманизму», но теперь уже очищенному от «больших нарративов»¹, проникнутому конечностью человеческого существования как единственной данностью. Такой гуманизм Ж.-П. Сартр приравнял к экзистенциализму, то есть к полной ответственности самого человека за свой жизненный выбор, оптимизму и учению о действии². Подобно Т. Манну, давосский санаторий у Э. М. Ремарка далеко не только лечебница со скорбными переживаниями, но и настоящая усадьба с уютными интерьерами и садово-парковым окружением, с приятельским и любовным общением, прогулками, разговорами, совместными трапезами, праздниками, красивыми нарядами, музицированием, чтением...

Обратимся, наконец, к непосредственному анализу романа К. А. Федина «Санаторий “Арктур”» в свете усадебной традиции как русской, так и западноевропейской литературы XX в. Для начала остановимся на ряде биографических моментов. К. А. Федин вошел в литературу в начале 1920-х гг. как участник группы «Серапионовы братья», под влиянием которой первостепенное значение придавал художественной форме своих произведений и включенности в общий эстетический поиск западноевропейской литературы³. По свидетельству В. А. Каверина, К. А. Федин в те годы ценил «нетленное в литературе», обладал «искренним и независимым голосом»⁴. Ю. М. Оклянский пишет о том, что в 1930-е гг. К. А. Федин «открыто говорил близким друзьям об установлении в СССР личной диктатуры», в НКВД за «антисоветские настроения» и «политически вредную роль в литературе» на него было заведено досье и готовился его арест⁵. Доверенный друг К. А. Федина – Б. А. Пильняк – показал на следствии в декабре 1937 г., что они «часто вели разговоры о невыносимом режиме в партии, о том недоверии, которым окружен человек. Этот режим рассматривался нами как террор <...> аресты, непонятные и необъяснимые, обернули К. А. Федина против всей партии – Сталина и Ежова. <...> мы сходились на том, что <...> положение в партии и стране грозит катастрофой»⁶. К. А. Федина «били» и на

¹ Выражение Ж. Ф. Лиотара, писавшего о кризисе «больших нарративов» (идейно-религиозных комплексов, сформировавшихся в культуре модерна) в эпоху постмодерна.

² Сартр Ж.-П. *Экзистенциализм – это гуманизм*, перевод с французского М. Грецкого. Москва: Издательство иностранной литературы, 1953, с. 9, 19, 29.

³ *Серапионовы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания*, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова. Москва: Школа-Пресс, 1998, с. 57–61.

⁴ *Серапионовы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания*, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова. Москва: Школа-Пресс, 1998, с. 105.

⁵ Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 14, 83.

⁶ Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 82.

собраниях Союза советских писателей, и в печати. И ходил он «часто помятый и неуверенный», испытывая «беспросветный страх» перед арестом¹.

В то же время В. А. Каверин свидетельствует о нарастающей в К. А. Федине «перемене», о «краздвоении»², в 1950-е гг. завершившемся поглощением талантливого художника чиновником-функционером, занимавшим высокие посты в писательской иерархии СССР. «Многослойность» К. А. Федина отмечает и Оклянский³, по наблюдению которого в 1930-е гг. «Федин-художник, чтобы уцелеть, вынужден был изощряться в изобретении компромиссов», «следы» которых присутствуют не только в «антикапиталистическом романе» «Похищение Европы» (1935), но «отчасти и в романе “Санаторий ‘Арктур’”»⁴.

Важно отметить автобиографичность давосских страниц Т. Манна, Э. М. Ремарка и К. А. Федина, их пропущенность через личный опыт. Так, Т. Манн в 1912 г. навещал жену, лечившуюся в одном из давосских туберкулезно-легочных санаториев, где прогостил рядом с ней несколько недель. Также и Э. М. Ремарк в 1929–1930 гг. проводил время в Давосе со своей больной туберкулезом женой Юттой. В свою очередь К. А. Федин попал в 1931–1932 гг. в давосский высокогорный санаторий «Гелиос», заболев наследственным туберкулезом. Так что внешний антураж и медицинские реалии давосских картин «Волшебной горы», «Трех товарищей» и «Санатория “Арктур”» практически идентичны. Разве что у Э. М. Ремарка нет обвинений в нечестности врачебного персонала санатория, хотя немало говорится о дороговизне лечения Патриции, для оплаты которого друзьям пришлось продать любимый, собранный своими руками автомобиль. К. А. Федин же воспроизвел «нравственный климат уединенной альпийской лечебницы для тяжелых чахоточных хроников, где вырванный из привычного существования человек в принудительном кругу ему подобных ежедневно ведет сражение за самое дорогое, что даровано свыше, – за глоток воздуха, за луч солнца, за собственную жизнь. В романе много выстраданного, пережитого»⁵. На наш взгляд, это касается не только давосского, но и советского опыта писателя в годы работы над «Санаторием “Арктур”» (1937–1940), самые мрачные в плане политических репрессий в СССР. Разлитая на его страницах атмосфера страха смерти, жизненной неопределенности, непредсказуемости будущего коррелирует с психологическим состоянием К. А. Федина в это время.

¹ Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 86–87.

² *Сератионовы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова*. Москва: Школа-Пресс, 1998, с. 105.

³ Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 17.

⁴ Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 138.

⁵ Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 139.

Свой «камерный роман» советский автор назвал «лучшим» у себя «в смысле законченности характеров» и «по построению»¹, так как стремился прежде всего к решению художественных задач, релевантных этико-эстетическому поиску современной ему западноевропейской литературы, а также к соответствию высокой планке, заданной русской классикой. В одном из писем автор признавался: «Я люблю “Санаторий “Арктур”». По письму <...> это лучшая моя вещь. Думаю – и в смысле точности выраженности темы»². Недаром первоначально К. А. Федин хотел назвать роман «Вечная книга»³... И тем не менее в «Арктуре» на авансцену выдвинуто противостояние социалистического и капиталистического миров. Еще в письмах из «Гелиоса» К. А. Федин критиковал устройство буржуазной медицины: «тут оплачивается все, вплоть до улыбки» (к жене от 11 сентября 1931 г.); «...санаторий – это аппарат, выделяющий из кохových бацилл швейцарские франки» (к А. М. Горькому от 22 марта 1932 г.)⁴, что нашло отражение в сюжетной линии владельца «Арктюра» – доктора Клебе. Да и условия советской печати 1930-х гг. требовали непрямого соответствия соцреалистическому канону, принятому на I съезде писателей в 1934 г.

С этих позиций и оценивался советской критикой 1940–1941 гг. давосский роман К. А. Федина, хотя большинство рецензентов сразу почувствовали в нем второй план: «...автор задался целью показать гибель, умирание людей буржуазного мира, а показал умирание вообще, болезнь как таковую, вновь разработал тему, уже широко использованную» К. Гамсуном и Т. Манном⁵. «Федин ответил на роман Т. Манна произведением, проникнутым духом <...> советского гуманизма, в котором преодолевается и снимается трагизм жизненных противоречий»⁶. Связь с Москвой, благодаря которой главный герой, по замыслу автора, единственный выздоровевший в швейцарском санатории, противоречит «логике образа Левшина», на деле далекого от «полновесной, дородной, клокочущей жизни» в СССР⁷. «Главным врачом Левшина была советская родина», подарившая ему «смысл выздороветь»⁸. Мир фединского романа отражает состояние буржуазного общества накануне Второй мировой войны, однако Левшин – «неудачное олицетворение советского мира»⁹. В приведенных оценках заметны противоречия и нестыковки. С одной стороны, рецензенты отмечают разоблачение западной жизни «с позиций социалистического мировоззрения»¹⁰, с другой – критикуют образ Левшина, который «не может быть полпредом

¹ Цит. по: Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985, с. 156.

² Федин К. А. Письма о литературе. *Литературная Россия*, 1981, 26 июня, с. 9.

³ Федин К. А. Письма о литературе. *Литературная Россия*, 1981, 26 июня, с. 153.

⁴ Цит. по: Окланский Ю. Федин в Давосе. *Октябрь*, 1982, № 2, с. 156, 167.

⁵ Панов Н. «Санаторий “Арктур”». *Октябрь*, 1941, № 1, с. 227.

⁶ Оксенов И. О новом романе К. Федина. *Звезда*, 1940, № 8–9, с. 286.

⁷ Рунин Б. Рецензия на «Санаторий “Арктур”». *Литературное обозрение*, 1941, № 3, с. 12.

⁸ Серебров Н. Санаторий, где не выздоравливают. *Литературная газета*, 1940, 5 июля.

⁹ Гоффеншефер В. Заметки о художественной прозе 1940 г. *Новый мир*, 1941, № 2, с. 183.

¹⁰ Кузнецов Н. И. *К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля*. Томск: Издательство Томского университета, 1980, с. 153.

советского общества в романе, ему не хватает для этого многих черт, характерных для советского человека в его лучшем выражении»¹.

Более определенно советская исследовательская мысль смогла высказаться лишь в эпоху практического отказа от соцреалистического канона. Так, Н. И. Кузнецов выделил в «Санатории «Арктур»» два плана: «конкретно-бытовой, психологический и подтекстный, философско-обобщающий, символический», а в качестве основного художественного приема – «испытание человека смертельной опасностью» для выяснения, зачем люди живут², что вплотную подводит к осознанию экзистенциальной проблематики фединского произведения. Б. Я. Брайнина признала главной в давосском романе К. А. Федина философскую «вечную тему жизни и смерти», одновременно и «остро социальную» благодаря неоднозначному, трагическому образу хозяина санатория Клебе как «жертвы собственности», вызывающего скорее сострадание, чем осуждение³. Вывод исследовательницы бесспорен: «Советская литература неотделима от <...> развития всей мировой литературы». К. А. Федину «кровно были близки <...> искания, темы, проблемы мировой литературы XX века. <...> И, может быть, нигде эта близость не выступает с такой наглядностью, как в романе «Санаторий ‘Арктур’»»⁴. А. Н. Старков за внешним планом соревнования западного и советского миров в 1930-е гг. разглядел в фединском романе универсальный конфликт между *мечтой* и *действительностью*, сопровождающий человека во все исторические эпохи⁵.

По этой логике, Клебе, Инга Кречмар, майор Пашич, увлекающиеся «мечтательной» художественной литературой⁶, тратящие свои душевные силы на воображаемые приключения и удовольствия, а не на борьбу с реальными жизненными сложностями, истощают свой внутренний потенциал и в результате погибают душевно или физически. И даже Левшин, единственный представитель социалистического мира в произведении, по сути, такой же мечтатель, когда думает или говорит о советской Москве. Вспомним, как грек-парикмахер в санатории слушает рассказы Левшина о столице СССР: «со сдвленным дыханием, держась за сердце», так «много было *таинственно-влекущего* в этих рассказах...»⁷. Сходно реагирует и неисправимый фантазер Клебе: «сколько раз я думал о Москве, исцеляющей эту страшную болезнь», то есть зависимость от собственности, – отвечает он Левшину. «Я иногда *мечтал о чуде*, которое меня спасет», – пишет Клебе перед самоубийством. <...> Говорят, есть

¹ Смирнова В. В. *О литературе и театре*: статьи. Москва: Советский писатель, 1956, с. 24–25.

² Кузнецов Н. И. *К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля*. Томск: Издательство Томского университета, 1980, с. 150.

³ Брайнина Б. Я. *Федин и Запад*. Москва: Советский писатель, 1980, с. 92, 103–105.

⁴ Брайнина Б. Я. *Федин и Запад*. Москва: Советский писатель, 1980, с. 110.

⁵ См.: Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985, с. 160.

⁶ Не случайно в романе К. А. Федина большое внимание уделено чтению этих героев, подробно охарактеризованы книги, которые они любят читать.

⁷ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 38.

на свете страна, где чудеса случаются с людьми, у которых денег нет. Если бы я был здоров, я пошел бы туда пешком, чтобы убедиться, что это – сказка»¹. И если сопоставить оценку Левшина как «принципиально схожего с другими персонажами» произведения, то есть с интернациональными обитателями «Арктур», и мнение о том, что он не раскрывается как «носитель нового, советского мироощущения»², с тяжелым эмоциональным состоянием К. А. Федина в период работы над своим давосским романом, то многое в его глубинной проблематике начинает проясняться.

На фоне арестов близких друзей, неуверенности в завтрашнем дне и страха репрессий в советской жизни создателя Левшина, воспоминание этого героя о пуске ДнепроГЭС в 1932 г. и решение «выздороветь, выздороветь, выздороветь и вернуться туда, домой, к смыслу и цели всего будущего!»³ видятся утопией, наподобие мечтаний майора Пашича о дореволюционной России, в которой он воспитывался до начала Первой мировой войны, или фантазий Клебе о голландском миллионере, будто бы возжелавшем «воскресить из захудалости “Арктур”»⁴. Ключом же к экзистенциальному смыслу фединского романа представляются как бы невзначай брошенные майором слова: «...русские умеют заразить мечтательностью»⁵. Однако «мечтательность» может быть понята не только как экзистенциалистская «мнимость» или «неподлинность», но и как верность временно утраченному идеалу, как проективное мышление, формирующее будущую действительность⁶. Именно поэтому левшинская мечта, в отличие от иллюзий других персонажей романа, проявила целительную силу – герой действительно выздоровел, стремясь *домой*, хотя в исторической реальности представляемого им *дома* уже не было. Его спасла мечта о *подлинном доме*, под которым К. А. Федин, судя по всему, подразумевал не только СССР с его урбанизацией, индустриализацией, принудительной идеологией и т. д., но и традиционную Россию, классическую литературу, писательскую усадьбу Ясную Поляну, в которой он в 1940-м г. дописывал свой «Санаторий “Арктур”». Разовьем, однако, эту мысль чуть дальше. Сейчас же завершим обзор исследовательских оценок давосского романа.

Уже в XXI в. о его противоречивости открыто высказалась молодая учная С. В. Кудрицкая: «Если Федин-идеолог во многом формировался под влиянием советской коммунистической пропаганды, то Федин-художник <...> вступал в полемику с идеями большевизма <...> самим своим творчеством, созданием неоднознач-

¹ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. Федин К. А. Собрание сочинений: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 128.

² Панов Н. «Санаторий “Арктур”». Октябрь, 1941, № 1, с. 226.

³ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. Федин К. А. Собрание сочинений: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 64.

⁴ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. Федин К. А. Собрание сочинений: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 113.

⁵ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. Федин К. А. Собрание сочинений: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 56.

⁶ Омельченко Н. В. О значении мечты. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Философия. Социология и социальные технологии, 2006, № 5, с. 5–8. EDN: KNPEMP

ных художественных образов. <...> Сегодня классовое звучание конфликта не представляется столь всеобъемлющим, зато на первый план выступает экзистенциальный уровень понимания общечеловеческих проблем. Люди, оказавшиеся на пороге смерти, столкнувшиеся с неразрешимыми ситуациями, – именно это интересно в первую очередь читателям»¹. Ею сформулирована задача – вычлениить у К. А. Федина следы «идеологического нажима и подлинных авторских интенций»². Последнее мы и попытаемся осуществить в дальнейшем анализе, причем впервые – с точки зрения усадебной топики, которая, на наш взгляд, определяет идейно-художественное целое «Санатория “Арктур”».

В первую очередь обратимся к названию фединского произведения. В фокусе писательского внимания не какой-либо из персонажей, не противостояние двух социально-экономических и идеологических систем, но сама усадьба-санаторий: «Центральной осью является именно санаторий “Арктур” – *судьба “дома”*, его обреченность на фоне нынешней Европы <...>»³, – писал автор жене 18 февраля 1940 г. из Ясной Поляны. Ю. М. Оклянский передает сказанные ему слова К. А. Федина, проливающие свет на «подлинные интенции» автора давосского романа: «Художнически я принял и понял Льва Толстого где-то к сорока годам (то есть в 1930-е гг. – О. Б.), когда он стал для меня наивысшим авторитетом <...>. Несколько позднее я стал посещать Ясную Поляну. Особенно запомнился мне один из первых приездов – зимой. Был страшный мороз. На станции Засека меня встретил закутанный в овчину кучер толстовских времен. В доме ждала внучка Софьи Андреевны Толстая-Есенина. <...> В доме все поддерживалось, как при хозяевах. Кухарка, которая готовила Толстому, подала ужин при свечах – молоко и хлеб. Ночью я слушал тишину. <...> Фантастическая тишина. Там, в Ясной, я жил полтора месяца и окончил “Санаторий ‘Арктур’»»⁴. Как видим, толстовская усадьба проявила устойчивость, национально-культурную укорененность даже в самые неблагоприятные для русской «усадебной культуры» времена. И в нестабильном мире первой половины XX в. Стала якорем «вечных» ценностей

Мемуарист отмечает, что К. А. Федину с юности была присуща «устремленность к русской национальной самобытности»⁵, о чем, в частности, свидетельствует его полувековая дружеская переписка с писателем И. С. Соколовым-Микитовым, к которому автор «Санатория “Арктур”» многократно приезжал в деревню поохотиться и приобщиться к родному быту и природе. В письме к И. С. Соколову-Микитову от 19 февраля 1940 г. К. А. Федин признавался, что «наполнен Толстым», читает «его и

¹ Кудрицкая С. В. *Европа и европейцы в творческом сознании К. А. Федина*: дипломная работа. Москва: Московский государственный университет, 2016, с. 3, 54.

² Кудрицкая С. В. *Европа и европейцы в творческом сознании К. А. Федина*: дипломная работа. Москва: Московский государственный университет, 2016, с. 3.

³ Цит. по: Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985, с. 159.

⁴ Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 140.

⁵ Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 141.

о нем, и многое заново понимает, заново открывает», часто ходит через парк на могилу Л. Н. Толстого, а вокруг – зима, морозы, метели, сугробы, снежные заносы¹. Все это напоминает мастерские зимние пейзажи в «Санатории “Арктур”»: «снега лежали обильные, в горах – уже голубые, в долине – еще подрумяненные чистым розовым утром»²; «Неизменная, насыщенная покоем даль простиралась перед “Арктуром”». Изломанные зазеленелые вершины, в подножиях – темные окаймления лесов, едва заметные в снегах избушки пастбищ на склонах, неподвижное солнечное небо. Как привычно вселяло это <...> спокойствие и ровность!»³. Отметим, что зимние пейзажи типичны для русского «усадебного текста», в том числе для произведений Л. Н. Толстого («Война и мир», «Анна Каренина» и др.), так как «усадебная культура» связана с круглогодичным, а не сезонным (летним) проживанием в имении.

Таковы, помимо западноевропейских претекстов фединского романа, его отечественные истоки в русской классической литературе, сердцем которой был «усадебный текст». Критика, не акцентируя толстовского влияния в «Санатории “Арктур”», все же отметила и великолепные пейзажи, и «диалектику человеческих чувств и отношений» в фединском психологизме, и сходство сцен умирания Инги Кречмар со «Смертью Ивана Ильича»⁴, и передачу «диалектики души» главного героя романа Левшина⁵, а в пребывании автора в толстовской Ясной Поляне – «сознательно избираемую соразмерность замысла и обстановки»⁶.

Однако думается, что преемственность давосского романа К. А. Федина художественному миру Л. Н. Толстого шире. В первую очередь это касается так и не понятой до конца фигуры Левшина, вызвавшей разочарование у советских критиков. Известно, что К. А. Федин считал этот образ «слабым», но не по замыслу, а по исполнению – из-за чрезмерной близости к самому себе как автору. Первоначально герой назывался Ивановым, однако 18 февраля 1940 г. писатель сообщил жене о переименовании Иванова в Левшина: «не хочу давать повод к обвинению меня в претензии создать общественный тип»⁷. В самом деле, Левшин отнюдь не плакатный представитель советского строя, но сложный противоречивый образ, частично восходящий к Гансу Касторпу у Т. Манна (как средний, обыкновенный человек, попавший в осо-

¹ «Свела нас Россия». Переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974, под редакцией И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2008, с. 291–292.

² Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. Федин К. А. Собрание сочинений: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 7.

³ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. Федин К. А. Собрание сочинений: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 79.

⁴ Оксенов И. О новом романе К. Федина. Звезда, 1940, № 8–9, с. 284.

⁵ Хусиханов А. М. «Санаторий “Арктур”» в творческой биографии К. А. Федина. Актуальные проблемы современной филологии: сб. трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1964, с. 34.

⁶ Окладский Ю. Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева. Москва: Вече, 2015, с. 140.

⁷ Цит. по: Кузнецов Н. И. К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля. Томск: Издательство Томского университета, 1980, с. 155.

бую жизненную ситуацию; не случайно оба инженеры) и полемически – к Роберту Локампу у Э. М. Ремарка (в экзистенциальной ситуации с умирающими девушками: Роберт самоотверженно разделяет участь больной Патриции; Левшин отстраняется от Инги ради «удовольствия от собственного здоровья»¹). Но есть, на наш взгляд, и третий источник, на что указывает выбранная для этого персонажа фамилия, созвучная любимому, во многом автобиографическому герою Л. Н. Толстого – Константину Левину. И если допустить, что фединский Левшин – субститут толстовского Левина, многое встает на свои места: и яркая жизненность героя давосского романа, и его противоречивость, и любовное влечение к здоровой женщине (доктору Гофман), и этические переживания в отношениях с больной Ингой Кречмар (раскаивание в эгоистической лжи и в недостатке сострадания), и совесть, и душевная отзывчивость (по отношению к доктору Клебе), и особенно – преодоление страха смерти (разлитого в пространстве давосской усадьбы-санатория и бывшего проблемой в усадебном мире Л. Н. Толстого) – все это с очевидностью роднит обоих героев. Провиденциальным оказывается даже совпадение имен толстовского Левина и самого К. А. Федина – Константин. Однако более подробно аргументировать высказанную гипотезу в рамках небольшой статьи не представляется возможным, поэтому перейдем к дальнейшему рассуждению.

«Арктур» воспринимается как усадьба с особой функцией – излечением туберкулезных больных. Здесь есть медицинская лаборатория, рентгеновский кабинет, врачебная приемная, многочисленные балконы для лежания пациентов на воздухе. Однако это не только лечебница, но и пространство для многогранной жизни усадебного сообщества с уютным холлом, удобной столовой, вместительной гостиной, где музицируют на рояле, комнатами для гостей, коридорами с красными коврами дорожками, гаражом, садом с аллеями, красивой каменной оградой и т. п. Гости выглядят здоровыми и загорелыми, хотя, по наблюдению Инги, внутренне надломленными. По замыслу своего хозяина – Клебе – «Арктур» должен был «лечить и оплачивать лечение», «стать вечностью и в то же время ценою, которою приобретается вечность. А он стал пожирателем здоровья доктора Клебе, стал пагубой»². При всей привлекательности, что-то неправильное было в этой усадьбе, и автор прямо указывает что – ее владельческий статус, к тому времени упраздненный в Советской России. Ведь Ясная Поляна уже стала музеем, общественным достоянием, да и сам Л. Н. Толстой при жизни сводил к минимуму свое положение собственника. Жалобы Клебе на «вероломную природу собственности»³, по-видимому, имеют обобщающий характер и восходят к биографии позднего Л. Н. Толстого, а не только вызваны экономическим кризисом в Европе 1930-х гг. Ведь Клебе, будучи хорошим, образованным человеком, компетентным врачом, как собственник вынужден идти на безнравственные поступки ради удержания платежеспособных пациентов в «Арктуре». Та-

¹ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 67.

² Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 96.

³ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 42.

ким образом, ценой существования владельческой усадьбы в капиталистическом мире становится сначала деградация, а затем ее хозяев. Недаром «Арктур» видится Левшину «высоким, легким, *чересчур узким домом*»¹, непрочно стоящим на земле.

Тем не менее Левшин сожалеет о «падении» «Арктура» как о «драгоценной утрате»: «все, что было в нем чуждое, будто взял с собою Клебе, и, точно в воспоминании о детстве, в “Арктуре” засветилось все только хорошее <...>»². В самом деле, «в старом, навсегда погибшем “Арктуре”»³ Левшин различал близкие ему по русской культуре усадебные черты, там он пережил «второе рождение», связанное не только с выздоровлением от смертельной болезни, но и с переходом на новую ступень внутреннего развития (как бы из детства – во взрослость), благодаря полученному в стенах санатория опыту: знакомству со множеством людей разных национальностей, социальных слоев и жизненных ценностей, близостью к смерти в ее уродливых обликах, переживанию конечности человеческих взаимоотношений и относительно-сти чувств. Другими словами, усадьба-санаторий стала для Левшина, как ранее для героев Т. Манна и Э. М. Ремарка, пространством инициации и экзистенциального личностного выбора.

Однако есть у Левшина еще и нечто сверх этого – спасительная мечта о *подлинном доме*, которой нет и не может быть у остальных, нерусских героев. Да, это Россия, русская усадьба не как барское владение, но как «культурное гнездо» и территория высоких бытийных смыслов – толстовская Ясная Поляна, сохранившаяся, несмотря на исторические катаклизмы 1910–1930-х гг. И технические достижения советской России – трубы торфяных топок, гидроэлектростанции, опоры высоковольтных передач – воспринимаются в романе К. А. Федина продолжением, а не отрицанием прежней высокой традиции. Как нам представляется, инициация Левшина, помимо вышесказанного, состояла еще и в том, что из *советского* он преобразовался в *русского* человека, за спиной которого – великая тысячелетняя история и культура. Вот то чудо, которое спасло фединского героя. Мы различаем его благодаря «криптоусадобной мифологии», нередкой в произведениях социалистического реализма, где прежний «усадобный миф» «присутствует как бы в снятом виде, прикровенно, под слоем новой мифоидеологии строительства справедливой социальности и формирования советского человека»⁴. С ее помощью утверждаются, казалось бы, навсегда утраченные «усадобные» ценности, способность выпрямить и духовно напитать человека.

¹ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 128.

² Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 129.

³ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 129.

⁴ Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 9. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 81. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>; EDN: YKMFAP

Более того, не только имя главного фединского героя связано с «Анной Карениной», но и само название давосской усадьбы-санатория. Так, в этом романе Л. Н. Толстого есть упоминание звезды Арктур на ночном небе во время охоты со Стивой Облонским, приехавшим погостить в усадьбу Левина: «Стало темнеть. Ясная серебряная Венера низко на западе уже сияла из-за березок своим нежным блеском, и высоко на востоке уже переливался своими красными огнями мрачный Арктурус. Над головой у себя Левин ловил и терял звезды Медведицы. Вальдшнепы уже перестали летать; но Левин решил подождать еще, пока видная ему ниже сучка березы Венера перейдет выше его и когда ясны будут везде звезды Медведицы»¹. Исследователи отмечают, что Арктур и Венера в этом описании представляют собой как бы космические ипостаси героев романа: сам Левин – Арктур (еще «мрачный», но полный «красного огня»), Кити, на брак с которой он продолжает надеяться, несмотря на первоначальный отказ, – созвездие Медведицы, а любовь Левина к Кити символизируется Венерой².

Таким образом, совокупность приведенных факторов (завершение фединского романа в Ясной Поляне, созвучие фамилий Левшина и Левина, типологическое сходство этих героев, созерцание Левиным звезды Арктур в окрестностях своей усадьбы и даже отождествление героя с этой звездой) позволяет достаточно убедительно говорить о преемственности «усадебного текста» «Санатория “Арктур”» толстовской «Анне Карениной», имплицитно воплощенной советским писателем с помощью «криптоусадебной мифологии».

Симптоматично, что давосский роман начинается и завершается «мечтательными» эпизодами, связанными с линией Клебе: в 1-й главе он прославленный дирижер берлинской филармонии, объездивший с гастрольями весь мир; в предпоследней – министр здравоохранения у самого дуче; а в последней главе приводится его предсмертная записка с мечтой о чудесной стране СССР. Однако мечтателями, как уже было показано, являются все герои, включая Левшина. Реальность же их санаторной жизни – это не только долги, кредиторы, процедуры, рентген, постельный режим, но и великолепие горных ландшафтов, и катание на санях, и спортивные соревнования, увлекательные прогулки, совместные праздники, музицирование, легкое чтение, словом – болезнь и развлечения. В отличие от настоящей усадьбы, в первую очередь русской (у Л. Н. Толстого и др.), обитателям санатория не хватает занятости нужным делом и серьезности, судьбоносности переживаний. Даже санаторные врачи (за исключением Штума) не столько лечат пациентов, сколько вытряхивают из них деньги. И когда Штум, после смерти Инги убедившийся в медицинской несостоятельности «Арктюра» как всего лишь «личины земного рая»³, покидает санаторий, – тот обречен, так как больше не укоренен в бытии: «дом плыл в мире синего неба, снежных

¹ Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 18. Москва: ГИХЛ, 1934, с. 173.

² Леннkvист Барбара. *Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: «Анна Каренина»*. Москва: Языки славянской культуры, 2010, с. 99.

³ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 107.

гор, светло-зеленых лугов, мохнатых черных окаймлений леса»¹. Его роль – как пространства инициации, места обретения экзистенциальной «подлинности» главным героем, – сыграна. Звезда «Арктур» закатилась, в судьбе Левшина восходит солнце России, вбирающей в себя и созидательные советские годы, солнце Ясной Поляны...

Выводы

Благодаря включенности в большую литературную генеалогию, основной конфликт в романе «Санаторий “Арктур”» имеет не столько социальный, сколько философско-экзистенциальный характер, являясь сопоставлением в замкнутом санаторно-усадебном пространстве парадигм *мечты* («мнимости») и *действительности* («подлинности») как важных модусов человеческого существования. Топос западной усадьбы-санатория в литературе первой половины XX в. (К. Гамсун, Т. Манн, Э. М. Ремарк, К. А. Федин) оправдан исключительно как «пограничная ситуация» перед лицом смертельной болезни, ведущая к инициации и / или к экзистенциальной «подлинности» героя. В силу владельческого, корыстного по отношению к пациентам характера он не имеет иной положительной ценности, поэтому после выполнения своей *педагогической* функции исчезает. У К. А. Федина западный санаторий вдобавок имплицитно сопоставлен с русской усадьбой как топосом многовековой национальной силы и высокой культуры, поэтому его прошедший инициацию и достигший экзистенциальной «подлинности» герой, в отличие от своих западных аналогов, получает возможность обрести *прочный дом* на родине. И, по сравнению с А. Н. Островским и Б. Н. Полевым, родина для Федина не только СССР, но также историческая Россия.

Список литературы / References

Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скорыходов. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 9. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024. 560 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>; EDN: YKMFAF

Bogdanova O. A. *Hermeneutics of the literary estate: Theory, history, modernity*; edited by M. V. Skorokhodov. Series: Russian Estate in a Global Context, iss. 9. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024. 560 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>; EDN: YKMFAF

Брайнина Б. Я. *Федин и Запад*. Москва: Советский писатель, 1980. 376 с.

Brainina B. Ia. *Fedin and the West*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1980. 376 p. (In Russ.)

¹ Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 129.

² «Мнимость» и «подлинность» – категории философии экзистенциализма, в частности у М. Хайдеггера в трактате «Бытие и время» (1927): подлинность – это способность Dasein (здесь-бытия) быть самим собой, удовлетворять своему существу и осуществлять свой проект, а мнимость – это состояние, при котором Dasein отдаляется от себя, отворачивается, скрывается в серой массе и тем самым предает себя.

Гамсун К. *Последняя глава*: роман, перевод с норвежского Э. Л. Вейнбаум и Е. М. Лазаревской. Москва; Ленинград: Петроград, 1924. 358 с.

Hamsun K. *The last chapter*: A novel, translated from Norwegian by E. L. Weinbaum and E. M. Lazarevskaya. Moscow; Leningrad: Petrograd, 1924. 358 p. (In Russ.)

Гоффеншефер В. Заметки о художественной прозе 1940 г. *Новый мир*, 1941, № 2, с. 178–203.

Goffenshefer V. Notes on fiction in 1940. *New World*, 1941, no. 2, pp. 178–203. (In Russ.)

Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 328–345. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345>; EDN: NGAGMM

Knorre E. Ju. Estate-sanatorium and garden-city: “Happy Spaces” in the N. A. Ostrovsky’s novel “How Steel Was Tempered”. *Studia Litterarum*, 2024, vol. 9, no. 3, pp. 328–345. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345>; EDN: NGAGMM

Кудрицкая С. В. *Европа и европейцы в творческом сознании К. А. Федина*: дипломная работа. Москва: Московский государственный университет, 2016. 58 с.

Kudritskaya S. V. *Europe and the Europeans in the creative consciousness of K. A. Fedin*: Graduation thesis. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 2016. 58 p. (In Russ.)

Кузнецов Н. И. *К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля*. Томск: Издательство Томского университета, 1980. 276 с.

Kuznetsov N. I. *K. A. Fedin as an artist. Problems of method and style*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1980. 276 p. (In Russ.)

Леннkvист Барбара. *Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: «Анна Каренина»*. Москва: Языки славянской культуры, 2010. 127 с.

Lönnqvist Barbara. *A journey deep into the novel. Leo Tolstoy: “Anna Karenina”*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010. 127 p. (In Russ.)

Манн Т. Волшебная гора: роман. *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 3. Москва: ГИХЛ, 1959. 500 с.

Mann Th. The magic mountain: A Novel. *Mann T. Works in 10 vol.*, vol. 3. Moscow: GIKhL, 1959. 500 p. (In Russ.)

Манн Т. Волшебная гора: роман. *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 4. Москва: ГИХЛ, 1959. 544 с.

Mann Th. The magic mountain: A Novel. *Mann T. Works in 10 vol.*, vol. 4. Moscow: GIKhL, 1959. 544 p. (In Russ.)

Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 45–51.

Mann Th. About the spirit of medicine. An open letter to the publisher of the German Medical Weekly. *Mann T. Works in 10 vol.*, vol. 9. Moscow: GIKhL, 1960, pp. 45–51. (In Russ.)

Манн Т. *Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 226–241.

Mann Th. *The way to the Magic Mountain*; compiled and commented by S. K. Apt. Moscow: Vagrius, 2008, pp. 226–241. (In Russ.)

Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015. 384 с.

Oklyansky Iu. *Riddles of Soviet literature. From Stalin to Brezhnev*. Moscow: Veche, 2015. 384 p. (In Russ.)

Оклянский Ю. Федин в Давосе. *Октябрь*, 1982, № 2, с. 154–173.

Oklyansky Iu. Fedin in Davos. *October*, 1982, no. 2, pp. 154–173. (In Russ.)

Оксенов И. О новом романе К. Федина. *Звезда*, 1940, № 8–9, с. 283–286.

Oksenov I. About the new novel by K. Fedin. *The Star*, 1940, no. 8–9, pp. 283–286. (In Russ.)

Омельченко Н. В. О значении мечты. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*, 2006, № 5, с. 5–8. EDN: KNPEMP

Omelchenko N. V. On the meaning of dreams. *The Science Journal of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies*, 2006, no. 5, pp. 5–8. (In Russ.) EDN: KNPEMP

Островский Н. А. *Как закалялась сталь*: роман. Пермь: Книжное издательство, 1982. 362 с.

Ostrovsky N. A. *How Steel was Tempered: A Novel*. Perm: Knizhnoe izdatel'stvo, 1982. 362 p. (In Russ.)

Павлова Н. С. Интеллектуальный роман. *История немецкой литературы. Новое и новейшее время*, под редакцией Е. Е. Дмитриевой. Москва: РГГУ, 2014, с. 612–616. EDN: YHCOBL

Pavlova N. S. The intellectual novel. *History of German Literature. New and Modern Times*, edited by E. E. Dmitrieva. Moscow: RGGU, 2014, pp. 612–616. (In Russ.) EDN: YHCOBL

Панов Н. «Санаторий “Арктур”». *Октябрь*, 1941, № 1, с. 225–227.

Panov N. “Sanatorium ‘Arcturus’”. *October*, 1941, no. 1, pp. 225–227. (In Russ.)

Рунин Б. Рецензия на «Санаторий “Арктур”». *Литературное обозрение*, 1941, № 3, с. 10–13.

Runin B. Review of the “Sanatorium ‘Arcturus’”. *Literary Review*, 1941, no. 3, pp. 10–13. (In Russ.)

Сартр Ж.-П. *Экзистенциализм – это гуманизм*, перевод с французского М. Грецкого. Москва: Издательство иностранной литературы, 1953. 50 с.

Sartre J.-P. *Existentialism is humanism*, translated from French by M. Gretskey. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1953. 50 p. (In Russ.)

«Свела нас Россия». *Переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974*, под редакцией И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 482 с.

"Russia brought us together". Correspondence between K. A. Fedin and I. S. Sokolov-Mikitov. 1922–1974, edited by I. E. Kabanova, I. V. Tkacheva. Moscow: Tovarithchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2008. 482 p. (In Russ.)

Серapiоновы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова. Москва: Школа-Пресс, 1998. 640 с.

The Serapion Brothers. Anthology: Manifestos, declarations, articles, selected prose, memoirs, comp., preface. and notes by T. F. Prokopov. Moscow: Shkola-Press, 1998. 640p. (In Russ.)

Серебров Н. Санаторий, где не выздоравливают. *Литературная газета*, 1940, 5 июля.

Serebrov N. Sanatorium, where they do not recover. *Literary Gazette*, 1940, July 5th. (In Russ.)

Смирнова В. В. *О литературе и театре*: статьи. Москва: Советский писатель, 1956. 409 с.

Smirnova V. V. *On literature and theater: Articles*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1956. 409 p. (In Russ.)

Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985. 336 с.

Starkov A. N. *Skill stages. An essay on Konstantin Fedin's work*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1985. 336 p. (In Russ.)

Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 18. Москва: ГИХЛ, 1934. 557 с.

Tolstoy L. N. *Complete works*: In 90 vol., vol. 18. Moscow: GIKhL, 1934. 557 p. (In Russ.)

Трубилова Е. М. Германия в жизни и творчестве К. А. Федина: от 1914 к 1945. «Они сражались за Родину»: литература и история, ответственные редакторы – Ю. А. Азаров, А. Г. Гачева, Е. М. Трубилова. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2025, с. 447–467. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0822-6-447-467>; EDN: KXGZZS

Trubilova E. M. Germany in life and creative work of K. A. Fedina: From 1914 to 1945. *"They fought for their Homeland": Literature and history*, edited by Iu. A. Azarov, A. G. Gacheva, E. M. Trubilova. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2025, pp. 447–467. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0822-6-447-467>; EDN: KXGZZS

Федин К. А. Письма о литературе. *Литературная Россия*, 1981, 26 июня, с. 9.

Fedin K. A. Letters about literature. *Literary Russia*, 1981, June 26, p. 9. (In Russ.)

Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 7–134.

Fedin K. A. Sanatorium "Arcturus": A Novel. *Fedin K. A. Works in 10 vol.*, vol. 5. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1971, pp. 7–134. (In Russ.)

Хусиханов А. М. «Санаторий "Арктур"» в творческой биографии К. А. Федина. *Актуальные проблемы современной филологии*: сборник трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1964, с. 31–36.

Khusikhanov A. M. "Sanatorium 'Arcturus'" in the creative biography of K. A. Fedin. *Topical Issues of Modern Philology: Collected Works*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1964, pp. 31–36. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ольга Алимовна Богданова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>, olgabogda@yandex.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); **Olga A. Bogdanova** – Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>, olgabogda@yandex.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 113–130.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 113–130.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19/21"

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-9>

<https://elibrary.ru/opkpod>

**«Усадьба-ковчег-корабль»:
гетеротопия дома в усадебно-дачном мифе А. Г. Битова**

Елена Юрьевна Кнорре

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

lana12pk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3272-8659>

Аннотация. Статья посвящена исследованию гетеротопии дома в «усадебном сверхтексте» А. Г. Битова, создаваемом на русско-евразийской цивилизационной платформе. На материале сборника ранних повестей А. Г. Битова «Дачная местность» (1967), романов «Пушкинский дом» (1964–1971) и «Улетающий Монахов» (1990), вошедших позднее в состав тетралогии «Империя в четырех измерениях» (1960–2011), исследуется усадебно-дачная топика А. Г. Битова, ставшая основой «криптоусадебной мифологии» писателя, где объединяется традиционный «усадебный миф» Серебряного века с его элегическими мотивами тоски по раю и «усадебный топос» советского времени, в основе которого архетип «города-сада», мечта об идеальной «коммуне-соборе» как пространстве идеального общежития народов на земле. Делается вывод, что усадебно-дачный миф в произведениях А. Г. Битова оформляется как часть нарратива собирающей культурной памяти, в которой пересекаются пространственные и временные горизонты личной истории героя, а также истории России. Топика дома и сада в страннических сюжетах А. Г. Битова, маршруты которых простираются от Ташкента до Хабаровска, объединяет Узбекистан, Грузию, Армению советского времени в пространство «одной страны». Гетеротопия усадьбы-дачи в неореализме А. Г. Битова строится на основе диффузии культурных концептов Европы и Азии, а также включает в себя архетипы «леса», «дома-корабля», «ковчег-собора», «дома-органа», «сада», «родословного древа», «империи» как собирания земель и народов в единое географическое и культурное целое.

Ключевые слова: А. Г. Битов, «усадебный миф», «гетеротопии усадьбы и дачи», «усадебность», «криптоусадебная мифология», петербургский текст, китежский миф

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Кнорре Е. Ю. «Усадьба-ковчег-корабль»: гетеротопия дома в усадебно-дачном мифе А. Г. Битова. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 113–130. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-9>; EDN: OPKPOD

“Estate-Ark-Ship”: The heterotopia of the home in A. G. Bitov’s estate-dacha myth

Elena Yu. Knorre

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Lena12pk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3272-8659>

Abstract. This article examines the heterotopia of the home in A. G. Bitov’s “estate supertext”, created on the Russian-Eurasian civilizational platform. Drawing on Bitov’s early short story collection, “Dacha Neighborhood” (1967), and the novels “Pushkin House” (1964–1971) and “The Flying Monk” (1990), which later formed part of the tetralogy “Empire in Four Dimensions” (1960–2011), this article explores Bitov’s dacha-estate theme, which became the basis for the writer’s crypto-estate mythology, combining the traditional 19th century estate myth with its elegiac motifs of longing for paradise and the nostalgic topos of the Soviet era, based on the archetype of the “garden city,” the dream of an ideal “commune-cathedral” as a space for the ideal community of peoples on earth. It is concluded that the estate-dacha myth in Bitov’s works is framed as a narrative of a gathering cultural memory, in which the spatial and temporal horizons of the protagonist’s personal history intersect, as well as those of Russian history. The theme of house and garden in Bitov’s travelogues, whose routes stretch from Tashkent to Khabarovsk, unites the spaces of Soviet-era Uzbekistan, Georgia, and Armenia into a single space of “one country”. The heterotopia of the estate-dacha in Bitov’s neorealism is constructed on the basis of the diffusion of cultural concepts from Europe and Asia and also incorporates the archetypes of the “forest,” “ship-house,” “ark-cathedral”, “organ-house”, “garden”, “family tree”, “empire” as the gathering of lands and peoples in a single geographical and cultural whole.

Keywords: A. G. Bitov, estate myth, heterotopia of estate and dacha, estateness, crypto-estate mythology, St Petersburg text, Kitezh myth

Acknowledgments. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal” (project manager O. A. Bogdanova), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Knorre E. Yu. “Estate-Ark-Ship”: The heterotopia of the home in A. G. Bitov’s estate-dacha myth. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 113–130. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-9>; EDN: OPKPOD

Введение

Исследование «усадебного топоса» в период упразднения традиционной владельческой усадьбы Серебряного века актуализирует различие терминов «усадебного текста» (термин введен В. Г. Щукиным в 1990-е гг. по аналогии с «петербургским текстом» В. Н. Топорова), в основе которого элегически-идиллический миф «дворянского гнезда», и «усадебного свертхтекста», который О. А. Богданова предлагает наполнить семантикой, «релевантной новому качеству “усадебной” литературы XX и начала XXI в., обращенной или к переформатированным в новых социокультурных условиях, или к отсутствующим усадьбам»¹. Как отмечает О. А. Богданова, во второй половине XX столетия «при увеличивающейся дистанции по отношению к аутентичным владельческим усадьбам Золотого и Серебряного веков и, главное, к их

¹ Богданова О. А. Невидимые звенья «усадебного свертхтекста». *Вестник славянских культур*, 2023, т. 69, с. 224. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236>; EDN: DPNSMQ

литературным отражениям, приобретает актуальность термин “усадебность”, маркирующий окончательный переход традиционной “усадебной культуры” в ментальное измерение – сферу культурной памяти, этической и эстетической идеализации, национальных архетипов¹. Помимо «усадебности», инструментами анализа «усадебного свертхтекста» в его новом понимании становятся категории «усадебного габитуса» и «криптоусадебной мифологии»².

В предлагаемой статье с помощью структурно-семантического метода исследования на примере усадебно-дачной топики и мифопоэтики в творчестве А. Г. Битова 1960–1990 гг. рассматривается реализация «внутренних сценариев» русской «усадебной культуры» XIX – начала XX в., составляющей ядро «усадебных» произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина и др., ставшей основой «криптоусадебной мифологии» в советскую эпоху.

Основная часть

«Четыре окна открывались на все четыре стороны света»

А. Г. Битов

Меридианы «одной страны»

В советской литературе 1920–1980-х гг. происходит реактуализация «усадебного топоса»: усадебно-дачные мотивы становятся частью художественного языка позднесоветского времени, создавая своеобразный палимпсест традиционного усадебного мифа XIX в. с его элегическими мотивами тоски по раю и ностальгического топоса советского времени, в основе которого архетип «города-сада», мечта об идеальной «коммуне-соборе» как пространстве идеального общежития народов на земле. Особым образом этот процесс проявляется в различных направлениях советской литературы – от произведений с элементами соцреализма, где усадебные мотивы становятся частью аллюзийного слоя, отсылающего к культуре XIX в. и составляющего преемственную с нею связь (Н. А. Островский «Как закалялась сталь», М. Горький «Жизнь Клима Самгина», А. П. Гайдар «На графских развалинах», А. Н. Рыбаков «Бронзовая птица» и др.)³, до неореализма позднесоветского времени. Можно найти

¹ Богданова О. А. Феномен «усадебности» и контекстуальный подход к литературной усадьбе начала XXI в. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 158. <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-157-160>; EDN: GQENWG

² Богданова О. А. Невидимые звенья «усадебного свертхтекста». *Вестник славянских культур*, 2023, т. 69, с. 224. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236>; EDN: DPNSMQ

³ См. подробнее: Богданова О. А. Готический модус и криптоусадебная мифология в литературе СССР (А. П. Гайдар и др.). Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор М. В. Скороходов. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 83–105; Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 328–345. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345>; EDN: NGAGMM; Кнорре Е. Ю. Неомифология усадьбы в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 19–26. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-19-26>; EDN: IZVRGJ

глубинную общность усадебной топики и мифологии в разных изводах неореализма в советской литературе 1920–1980-х гг.: от ностальгии и ее творческого преображения в произведениях раннесоветского времени и первой волны русской эмиграции до переживания дома-усадьбы как многоуровневой реальности в культурно-географическом целом единой евразийской цивилизации, включающей метафизические странствия героя в произведениях позднесоветского времени.

Неореализм 1960–1980-х (А. Г. Битов, Ю. В. Трифонов, А. И. Солженицын, В. С. Маканин и др.) разворачивает переживание дома как подлинной реальности в пространстве собирающей культурной памяти, как единства географической и метафизической родины, объединяющей топику многонационального советского государства.

В основе неореализма А. Г. Битова – представление о пространстве и времени, которые расщепляют бытие человека, заслоняя от него подлинную реальность, а память возвращает на «родину», собирает распавшееся целое. Путешествия А. Г. Битова становятся частью традиции русских странствий, собирающих разные полюса земли в чувстве единой родины. В его произведениях реальная география преломляется в неореалистическом фокусе в пространстве надысторической памяти, где топосы леса, дома, сада, родословного древа объединяют «родное и вселенское» пространства личной судьбы и пространства общего дома – в истории России: «И не уверен я, что в моем лице путешественник сильно отличается от бродяги. Потому что бродягой я и был на самом деле. Был странствующим таким суфием. Смотрел на жизнь как на странствие и свою страну видел как чудо. Задолго до того, как все начало рушиться, я уже знал, что империя – это то, что надо успеть разглядеть. Это я знал начиная с 70-го года»¹.

Вместе с тем путешествие у А. Г. Битова включает семантику возвращения с ее аллюзийным библейским слоем – возвращения блудного сына в дом Отца, покаянного внутреннего обращения человека и человечества, обретающего вновь родину. В связи с этим актуальным представляется исследование романов-странствий А. Г. Битова в оптике усадебно-дачного мифа писателя, объединяющего мотивы странствия и возвращения героя в «событийной схеме инициации» (В. И. Тюпа), состоящей из нескольких фаз: фаза обособления, фаза (нового) партнерства, когда «действующее лицо часто подвергается разного рода искушениям»; «лиминальная» (пороговая) фаза испытания смертью, которая «может выступать в архаических формах ритуально-символической смерти героя или посещения им потусторонней “страны мертвых”»; фаза преображения – символическое «новое рождение», которое «сопровождается возвращением героя к месту своих прежних, ранее расторгнутых или ослабленных связей, на фоне которых и акцентируется его новое жизненное качество»².

Рассмотрим пространственные модусы топоса дома (дачи-усадьбы) в страннических сюжетах А. Г. Битова на примере сборника повестей «Дачная мест-

¹ Смирнова Н. Бродяга. *STORY. Интернет-журнал*. URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/puteshestvie/brodyaga/> (дата обращения: 05.02.2026).

² Тюпа В. И. *Анализ художественного текста*. Москва: Академия, 2009, с. 39–40. EDN: QTXIYT

ность» (1967) и романа «Пушкинский дом» (1964–1971), а также более позднего романа-пунктира «Улетающий Монахов» (1990).

В книге «Поэтика пространства» Г. Башляр говорит о пространстве дома как о «пространстве переживаемом» человеком, которое «переживается <...> не в силу его объективных качеств, но со всей пристрастностью, на какую способно воображение»¹. Дом – одно из «счастливых пространств», «всцело нам принадлежащих, защищенных от враждебных сил, пространств, нами любимых»².

А. Г. Битов уже в раннем своем сборнике «Дачная местность» очертил горизонты своего переживания пространства дома. Дом ощущается многомерным: он соединяет и разные пространства, и разные времена. Можно говорить о «гетеротопии усадьбы» (О. А. Богданова) и дачи в произведениях Битова, сочетании в одном времени нескольких пространств: сквозь распавшийся на враждующие части мир героя открывается внутреннее целое. В отличие от утопии, гетеротопия, в понимании М. Фуко, – это «реальные подлинные места», гетеротопия «имеет свойство сопоставлять в одном-единственном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы»³.

Как и в неореализме М. М. Пришвина и С. Н. Дурылина, где «усадьбный топос» в годы Гражданской войны становится «топосом совладания»⁴, рассыпающееся бытие у А. Г. Битова («на него накинута мелкий и злобный, его раздробленный мир и вошел в него»⁵) собирается в творческом внимании писателя-странника.

Первая повесть сборника «Одна страна. (Путешествие Бориса Мурашова)» (1960) посвящена путешествию в Среднюю Азию. Архетип дома в повести – собирающий локус, через который мыслится пространство «одной страны» в ее различных измерениях. Пространство дома гетеротопично: как и «счастливое пространство» Г. Башляра, оно вмещает все обжитое как пространство «одной страны», где путешествие и возвращение домой становятся опытом инициации героя – обретением нового чувства мира и себя как части целого, которое его предшественник М. М. Пришвин называл «вселенским домом». Мотив путешествия сочетается с мотивом возвращения как обретения-собираения в каждом новом пространстве единой родины – одной страны: «я долго вышагивал по старому городу... Улицы метровой ширины и дома двухметровой высоты. Я шел, чуть не царапая плечами дувалы слева и справа. В гладких боках улочек время от времени были прорублены дырки и вставлены дверцы»⁶; «О, дом! У тебя – Ленинград, у меня – Уратюбе»¹.

¹ Башляр Г. *Избранное: поэтика пространства*. Москва: РОССПЭН, 2004, с. 23. EDN: QWVGJST

² Башляр Г. *Избранное: поэтика пространства*. Москва: РОССПЭН, 2004, с. 22. EDN: QWVGJST

³ Фуко М. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*, перевод с французского Б. М. Скуратова, ч. 3. Москва: Праксис. 2006, с. 196, 200.

⁴ См. подробнее о «сюжетной схеме инициации» как составной части «гетеротопии усадьбы» в ст.: Кнорре Е. Ю. Усадьба и война в эго-документах 1918–1922 гг. (дневники М. Пришвина и С. Дурылина). *Новый филологический вестник*, 2023, № 2 (65), с. 109–122. <https://doi.org/10.54770/20729316-2023-2-109>; EDN: VRACXK

⁵ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 199.

⁶ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 14.

Как отмечает О. А. Богданова, «важным элементом “усадебной культуры”, отразившимся в русской классике, была также межнациональная широта и терпимость – то, что Ф. М. Достоевский в Пушкинской речи 1880 г. назвал “способностью к всемирной отзывчивости” <...> В самом деле, указанная им “отзывчивость” проявлялась не только во владении языками западноевропейских и древних восточных культур, но и в обращенности к малым народам, населявшим империю, во включенности их в общероссийский контекст»².

Традиция родного и вселенского измерения дома-страны соединяет творчество А. Г. Битова с усадебной литературой XIX в., с А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Л. Н. Толстым, где мир иных народов (в частности, кавказских горцев) осваивается как близкий и родной. В его путешествиях диаметрально противоположные бывшей Российской империи – юга (Армения, Грузия), востока (Ташкент, Фергана, Уратюбе и т. д.), северо-востока (Омск, Иркутск, Хабаровск) и др., становятся различными локусами единого пространства родины, которую собирает душа странствующего героя.

Переживание новых земель как «счастливого пространства» «одной страны», где герой всегда найдет дом («Я отыскал и улицу, и дом. Здесь меня накормят и напоют»³), появится позже и в других путешествиях А. Г. Битова – в «Уроках Армении» (1969) и «Грузинском альбоме» (1985). Библейские мотивы позволяют выявить эсхатологический подтекст странствий, выводя их в метафизическое измерение духовной географии, где странником ковчега оказывается все человечество, которое, подобно Ною, находит в новых землях родное чувство дома: «Как естественно, что Ной приплыл именно сюда! Нет, он не сел на скалу Арарата, он причалил. Он не знал другой земли и приплыл на ту же землю. <...> Переселенец ставит новый сруб в том месте, в котором способен узнать родину»⁴.

Собирание дома в пространстве переходит в расширение дома во времени. Вторая повесть сборника «Путешествие к другу детства. (Наша биография)» (1963–1964) соединяет ретроспективу – воспоминания детства – и перемещение в пространстве, на Север, из Ленинграда в Хабаровск. Пространственное измерение времени проступает через полюса Дальнего Востока и Средней Азии (сквозной параллельный сюжет о детстве в Ташкенте и подвигах вулканолога Генриха Штейнберга). Письмо другу – это внутренний монолог, который длится во время перелета: «Вдруг в самолете я легко представил, что вовсе я не из дому лечу, а наоборот – домой возвращаюсь. Полная иллюзия. Словно летают все время одни и те же люди, и перезнакомишься один раз в самолете – потом всю жизнь встречать будешь»⁵. Самолет предстает как некое объединяющее пассажиров пространство дома-корабля,

¹ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 22.

² Богданова О. А. Невидимые звенья «усадебного свертка». *Вестник славянских культур*, 2023, т. 69, с. 229–230. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236>; EDN: DPNSMQ

³ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 15.

⁴ Битов А. Уроки Армении. Путешествие в небольшую страну. *Дружба народов*, № 5, 2017. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/5/uroki-armenii.html> (дата обращения: 05.02.2026).

⁵ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 84.

где внешняя география перемещения воздушного судна и внутренняя география полета души героя объединяют разнородные пространства в одно целое.

Два других путешествия сосредотачиваются в пространстве душевного мира героя. В повести «Сад» (1962–1963) Алексей пытается осмыслить свою любовь к Асе. Действие внешне и внутренне строится вокруг образа «сада», вмещающего несколько пространств и времен. Это и Ботанический сад, рядом с которым живет Алексей, одновременно это и сад какого-то другого времени и героя. Сквозь сад вдруг просвечивает пространство деревни, запах сена, подобно печеню Мадлен в романе М. Пруста, напоминает герою те места, в которых он никогда не бывал («Уже было так когда-то: и этот стог, и зима, и так же стояли деревья, и он, маленький мальчик с незнакомым лицом... Это было словно бы в детстве, но не в этом, а в другом – в одной из своих прошлых жизней»¹). Мотив встречи с возлюбленной в саду отсылает к любовным сюжетам усадебных романов И. С. Тургенева, рассказов И. А. Бунина, А. П. Чехова («Был прекрасный сад, и они там были вдвоем»²). В завершении повести образ сада приобретает черты вечного мира – «сознание того, что этот сад приснится через десять, двадцать, тысячу лет»; «Он испытывал нежность к саду, ему не хотелось возвращаться домой»³. Подобно раю, вечный сад таит в себе загадку и исток всякой любви («Вдруг, словно бы без всякого повода, следовало описание прекрасного сада <...> про бога он пропустил, но рассуждение о том, откуда же любовь <...> если не от нее и не из него, то откуда же? – очень поразило его»⁴).

Дача-остров-корабль

Повесть «Жизнь в ветреную погоду (дачная местность)» (1963–1964) завершает и обобщает страннические сюжеты сборника. Повесть написана на даче недалеко от тогдашнего Ленинграда, в пригородном Токсове. Селение Токсово как дачная местность начало складываться в середине XVIII в. Император Александр I называл Токсовские холмы «Петербургской Швейцарией». В XIX–XX вв. здесь отдыхают известные писатели, музыканты и художники, среди которых Иван Крылов, Алексей Венецианов, Карл Брюллов, Михаил Глинка, Самуил Маршак, Сергей Прокофьев и др.

Дачное путешествие замыкает горизонты больших странствий на юг и восток. Как и ранее, в центре сюжета повести – мотив возвращения домой. «Топосом инициации» становится дачная местность – дачный дом и окружающая его природа, где замедляется время: «переезд на дачу стал для него действительно переселением: изменились все параметры его существования, и время – в первую очередь»⁵. Траектория путешествия, в отличие от города, казалось бы, сокращается: «он <...> проложил маршруты к озеру и в магазин, и, когда опять очутился дома, было по-прежнему рано: в городе он бы еще спал»⁶. Но вместе с этим видимым малым маршрутом

¹ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 172.

² Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 169.

³ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 170.

⁴ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 186.

⁵ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.

⁶ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.

открывается более существенный путь – путь возвращения к подлинному и живому – инициация в творчестве.

Э. Г. Шестакова на примере творчества И. А. Бунина говорит о пространстве дачи и курорта как об «изначально промежуточных местах, но значимых именно этой временностью, переходностью»¹. Однако в случае А. Г. Битова дача героя представлена не как место временное и случайное, а как место давно обжитое, старый дом, корнями вросший в землю: «дача, все еще не достроенная, уже начала ветшать, сруб, так и не обшитый, почернел еще больше, и вся она, так нелепо и безвкусно торчавшая раньше, как бы обжилась, вросла и впервые понравилась ему»².

Образ «дачи» как некоего собирающего весь сборник пространства не случайно выбран А. Г. Битовым в качестве заглавия, обозначающего ключевую идею книги. Найденные ранее измерения (север и юг, запад и восток; райское измерение образа «сада» – места, где рождается любовь, соединяющая разрозненные части земли в целое) объединяются в символическом образе дачи как пространстве творческого собирания жизни – преображения жизни рутинной, распадающейся (шумная жизнь города), возвращения от стирающей имена и лица цивилизации к первозданной «пустоши», где герой начинает детскими глазами сына различать вновь, как Адам в раю, имена твари, открывая подлинное, не книжное, незбылемое ветрами времени измерение жизни: «Он водил сына по поселку, как по огромному букварю... <...> Он говорил сыну: вот дерево, вот мальчик, вот дом <...> Он ощущал нечто гениальное в этой назывной простоте вещей и слов, и ему казалось, он находится на каком-то высшем пороге, за которым-то все и начинается, и что на этом пороге новой логики, нового мышления, нового мира, наверно, что редко кто стоял»³.

«Дачный топос» А. Г. Битова тяготеет к пушкинскому пониманию усадьбы как места творчества, уединенного в глуши кабинета, где герой чувствует коренную связь с окружающим его миром. Как отмечает Е. Е. Дмитриева, «и все же для тех, кто собственно и составил определенные вехи в истории русской усадьбы, она означала прежде всего Дом, где люди живут (в то время как в городе – гостят). Это же отношение отражено и в известной формуле Пушкина из неоконченного “Романа в письмах”: “Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет” <...>. Это же отношение к усадьбе всегда поддерживал и Лев Толстой»⁴.

Образ дачного дома рифмуется с образами сада и леса, символизирует проявляемое сквозь меридианы времени собирающее пространство целого – «корабль-ковчег»: «Он выбрал второй, не достроенный еще этаж и внес туда стол, стул, нехитрый свой инвентарь. Времени за это время никакого не прошло. Оно

¹ Шестакова Э. Гетеротопии города-дачи-курорта в мире И. А. Бунина. *Гетеротопии: миры, границы, повествование*: сборник научных статей. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2015, с. 297.

² Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 189.

³ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 213.

⁴ Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос. *Имагология и компаративистика*, 2019, № 11, с. 142. <https://doi.org/10.17223/24099554/11/6>; EDN: CUEJOV

по-прежнему представлялось ему штилевым морем, его необходимо переплыть <...> Четыре окна открывались на все четыре стороны света. Они были на уровне крон»¹.

Метафора дома-корабля расширяется до собирающего пространственный, видимый мир и музыкальный мир звуков органа-собора: «и тогда уже не ветер, а этаж понесся с такой скоростью, что рассекал воздух и образовывал ветер, – замелькали, проносясь в окнах, деревья, леса и горы, сливаясь в неразличимую полосу. <...> можно было, слившись с ним, ощущать его напряжение, натяжку всяких там стропил, столбов, свай <...> все в целом он называл то кораблем, то органом»². Постепенно ветер уходит и проявляется остов незыблемого мира, дом ощущается как звучащий собор: «потолка над ним не было – была сразу крыша. Она то уходила вверх острыми углами, то приближалась к нему тупыми – это он называл про себя – сводами, тогда все его помещение обозначилось как собор, что уж совсем соединилось с представлением органа»³.

Мотив дома-корабля переходит в образ дома-острова, осмысляемый двояко: это остров, который, подобно соловьиному саду или острову сирен в странствиях Одиссея, удерживает героя в иллюзии счастливой жизни. Такой остров герой покидает, проводив гостей до электрички: «им овладело ощущение отрезанности от мира, и это было хорошо, остров... действительно, остров!»⁴. Однако, возвращаясь назад, он с благодарностью ощущает свою жизнь в семье, с женой и сыном как остров подлинного счастья, который хочется удержать и запомнить.

Аптекарский остров: научный институт и его «райский» ландшафт

Метафора собирающего пространство и время дома-собора разворачивается и в ключевом романе А. Г. Битова «Пушкинский дом» (1964–1971).

Роман, написанный в эпоху оттепели, исследователи сравнивают с «Домом на набережной» (1976) Ю. В. Трифонова. Однако в отличие от него «<...> ни до, ни после “Пушкинского дома” Битов в художественной прозе не обращался к историко-политическим реалиям, суждениям и оценкам. Зато культурологическая проблематика, соединяемая с антропологическими, метафизическими, теологическими рефлексиями, занимает все более важное место в его произведениях»⁵.

А. Г. Битов выходит из политического измерения, заостряющего злободневный конфликт времени, и строит пространство сложного исторического развития, где сквозь современную эпоху проявляется другое, прежнее время как неисчерпанная основа и источник культурной жизни.

Современность воплощается в образе дома без фундамента на окраинах города: «вышел он, как над обрывом – такая коробища! Смотрю – так он же просто на землю положен, ну, просто, как спичечный коробок <...> И живут все в этом доме, из трухи

¹ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.

² Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.

³ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 191.

⁴ Битов А. Г. *Дачная местность*. Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 221.

⁵ Амусин М. Ф. Несходство близкого. О художественных мирах Ю. Трифонова и А. Битова. *Вопросы литературы*, 2016, № 1, с. 132. EDN: WARCNF

сделанном, на землю просто так положенном»¹. Антитезой новым постройкам изображен исторический центр города, Петербург посреди Ленинграда – пространство, обустроенное по усадебной модели XIX в.

Главный герой романа Лева Одоевцев представлен как человек старого города-музея, похожего на усадебный дом: он «жил в этом музее, ни один его житейский маршрут не пролегал за пределы музейных же проспектов-коридоров и зал-площадей»². Дом Одоевцевых расположен на Аптекарском острове Петербурга, который, по преданию, еще до Петра I носил финское название Корписаари, что означает «глушь», «дремучий лес», или от «корппи», по-русски – «ворон». Дикий лесистый остров, удаленный от центра города, становится впоследствии особым заповедным пространством, усадебно-дачной утопией, уединенным раем вдали от современной жизни. Символом острова стал упомянутый ранее Ботанический сад, созданный Петром I, где собраны растения со всего мира. При Александре I Аптекарский остров получил известность особой дачной местности. В первые десятилетия XIX в. на Аптекарском острове появились усадьбы с большими пейзажными парками, многочисленными беседками и гротами. Здесь, в частности, располагались усадьбы купца В. Ф. Громова, князей Вяземских и Э. Г. Игеля. Усадьбы строились как двухэтажные особняки в русском стиле – с резными наличниками, ставнями и коньками. В них устраивали птичники, теплицы, а также оранжереи для прогулок и отдыха. Рядом строились домики для сдачи внаем, где петербургские чиновники могли отдохнуть после трудового дня в городе.

Несмотря на то, что А. Г. Битов считается лидером городской прозы 1960-х гг., которого критики противопоставляли писателям деревенской прозы, он «<...> тоже писатель-почвенник. Его малая родина – не вообще Ленинград, а его особый и достаточно автономный локус – Аптекарский остров. “Тихая у нас улица... Совсем рядом гудит туго натянутая магистраль: автобусы, люди, люди, машины. А здесь – тихо. Речка без набережной. Мост деревянный. А все остальное – сад. И мой дом”»³.

В «Пушкинском доме» пространство Аптекарского острова посреди шумного современного Ленинграда описано как особое место тишины и гармонии. Дом стоял «на пустой и красивой старой улице, прямо напротив знаменитого Ботанического сада и института»⁴. Сам дом, оформленный в стиле либерти⁵, представлял эклектическое сращение нескольких слоев времени – «вне всякой симметрии и, однако, с каким-то, с легкостью давшимся, чувством целого»⁶.

Ландшафт вынесенного за границы современности городского пространства представляется главному герою в идиллических тонах как «тихая юдоль науки», где

¹ Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 85.

² Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 60.

³ Бочаров С. На Аптекарский остров. *Бочаров С. Сюжеты русской литературы*. Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 540.

⁴ Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.

⁵ Стиль либерти сформировался под влиянием барочной эклектики форм и получил свое название в честь Артура Лазенби Либерти и основанного им в 1874 г. в Лондоне магазина, который специализировался на импорте украшений, текстиля и предметов искусства из Японии и стран Дальнего Востока.

⁶ Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 22–23.

«вдали от шума, от всей этой гремящей техники, люди заняты своим серьезным делом, своими растениями»¹. Здесь «самозабвенно и благородно трудятся люди в <...> большом белоколонном здании, а также в старинных, чуть ли не елизаветинских, деревянных домиках-лабораториях, разбросанных там и сям по прекрасному парку»².

Сложный палимпсест «криптоусадебной мифологии» А. Г. Битова можно выявить в контаминации созерцательного садово-паркового пространства XIX в. и социально заостренного, динамичного пространства советского времени, которая проявляется в описании вторгающейся в медленно текущее идиллическое время научного мира – политической реальности, когда «во время выборов в Советы, в Ботаническом институте помещался их избирательный пункт»³.

«Криптоусадебная мифология» в романе может рассматриваться в составе петербургского текста⁴, а также пушкинского мифа самого А. Г. Битова. Ведь двойственность усадебной культуры проявляется уже у А. С. Пушкина, определившего «в стихотворении “Деревня” <...> две стороны усадебного топоса: усадьба как “приют спокойствия, трудов и вдохновения” и усадьба как место рабского труда и разврата»⁵. Райский ореол уединенного пространства научной жизни острова (своеобразного «города-сада» ученых, объединенных творческим делом, прообразом которого можно считать артистическую усадьбу-коммуну в Ворпсведе⁶, ставшую основой концепции «города-сада» в советское время) несет в себе положительные коннотации «усадебного мифа» начала XX в. как топоса творчества, «трудов и вдохновения». Одновременно в жизненном мире Левы усадьба, которой у него нет, приобретает черты уютного мирка, отгораживающего героя от реальной жизни, возвышающего его над окружением, которое оставалось «внизу»: «он перестал отмечать про себя внешний мир. Внешний мир был тоже книжкой <...> он стоял в кавычках, он только что не был переплетен... И Лева, конечно, дружил с сыном дворника, его потягивало вниз, на капустный запах, он обижался, когда чего-нибудь там, среди “них”, не понимал, или его не принимали в компанию, или смеялись над его непониманием <...> Но все это было, за отсутствием усадьбы, приусадебными службами, а родители Левы были вовсе не против того, чтобы тот “понемногу узнавал жизнь”»⁷.

«Сюжетная схема инициации» героя, как и в «Дачной местности», становится основой его прохождения через «смерть»: из книжного мира готовых фраз – рождения в живое собственное слово. Местом рождения становится центральный образ романа – дом на набережной – «бывший дворец, а ныне НИИ, научный центр миро-

¹ Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.

² Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.

³ Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.

⁴ Топоров В. Н. *Петербургский текст русской литературы: избранные труды*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003, с. 84. EDN: VNJOIJ

⁵ Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос. *Имагология и компаративистика*, 2019, № 11, с. 141. <https://doi.org/10.17223/24099554/11/6>; EDN: CUEJOV

⁶ Дмитриева Е. Е. Артистическая усадьба-коммуна в Ворпсведе: между Германией и Россией. *Русская словесность*, 2020, № 6, с. 37–44. EDN: LWPGPF

⁷ Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 117.

вого значения»¹ – Пушкинский дом. Именно здесь «усадебный» замкнутый мир книжного слова героя размыкается в «усадебный», но уже живой, творческий, почти вакхический пир – дионисийское разрушение, карнавал, который «переворачивает» смерть в новую жизнь.

Пушкинский дом – «органическая империя» Битова

Метафора дома-музея продолжает мотив дома-корабля, «воздушного судна», дачи-собора, окна которого распахнуты на все стороны света. Как и оформленный в растительном стиле либерти «живой» дом Левы, Пушкинский «город-дом» изображен в движении, не растущим в вертикаль, но разомкнутым в горизонталь на все четыре стороны света: «А может, и так, без крыши? Чтобы стоял среди щепок, сквозя окнами во все стороны света: южный сквозняк, восточный лес, западный сосед, северный проселок?»².

А. Г. Битов следующим образом трактует символический смысл заглавия романа: «<...> и русская литература, и Петербург (Ленинград), и Россия, – все это, так или иначе, ПУШКИНСКИЙ ДОМ без его курчавого постояльца... Академическое же учреждение, носящее это имя, позднейшее в таком ряду»³. Лирические отступления в романе, как и в пушкинском «Евгении Онегине», продолжают сюжет странствий самого автора – собирания утраченной родины. Пушкинский дом оказывается островом живого мира, порождающим пространство империи как органического целого: «<...> нам важно изучить Россию в границах Пушкинского века <...> еще предстоит Финляндия и Аляска, прежде чем мы решимся выехать в Западную Европу или, скажем, в Японию <...> безнадежное стремление построек вверх, эту несчастную вертикаль, вызванную в нас малой площадью петербургского участка, хотим мы, в мечтах, претворить в горизонталь – для свободного и безвольного размещения в пространстве путешествия и в гостиничной принадлежности бытию... У нас далеко идущие планы: нам хочется понять страну в состоянии Империи»⁴.

В своей историософии А. Г. Битов различает государство и органическое целое империи: «Империи нелегко не потому, что она такая злобная и воинственная, а потому, что это организм! Это теплый организм! Расчленишь его оказалось слишком болезненно для всех! В отличие от государства, империя – это живой организм! Тем более территориальная империя»⁵. Советский Союз, по его мнению, является продолжением «территориальной империи»: «Дело в том, что я хорошо понимал, что СССР – империя. Думал о ней всю жизнь. И это определение родилось у меня, может быть, где-то в Армении, для которой турки были страшнее России»⁶.

¹ Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 123.

² Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 288.

³ Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 402.

⁴ Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 288–289.

⁵ Чхаидзе Е. К. «Россия – преждевременная страна...» Андрей Битов о себе, об Империи, о русском языке и литературе. *Вопросы литературы*, 2019, № 6, с. 130. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132>; EDN: ZZPLHE

⁶ Чхаидзе Е. К. «Россия – преждевременная страна...» Андрей Битов о себе, об Империи, о русском языке и литературе. *Вопросы литературы*, 2019, № 6, с. 121. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132>; EDN: ZZPLHE

В 1990-е гг. А. Г. Битов продолжает мотив собирания утраченной теперь уже дважды «империи» (Советский Союз, как уже было сказано, для Битова тоже империя). В своей тетралогии «Империя в четырех измерениях» (1960–2011) писатель прочерчивает утраченные связи мира. Подобно эмигрантам, потерявшим родину, А. Г. Битов видит ушедшую навсегда в даль страну как некий архипелаг, части которого он пытается собрать теперь в слове.

В романе-пунктире «Улетающий Монахов» (1990), вошедшем в первое измерение «империи», появляется рифма к «Дачной местности» раннего А. Г. Битова. Усадебно-дачный топос возникает здесь уже в московском загородном мире. Если в «Дачной местности» в центре повествования дача в знаменитом дачном уголке Токсове в окрестностях Петербурга, а в «Пушкинском доме» усадебно-дачный топос дан прикровенно в уединенном садово-парковом ландшафте творческой «коммуны» Аптекарского острова, то здесь контаминация советского коллективного «города-сада» и «приюта трудов и вдохновения» пушкинского Золотого века проявляется в изображении писательского поселка Переделкино: «Поселок дачного типа, – вдруг сказал он. “Зона отдыха трудящихся Одинцовского района”, – красовалось на платформе»¹.

Как и Сергей из повести «Жизнь в ветреную погоду (дачная местность)», главный герой романа-пунктира Алексей Монахов устремляется сюда в надежде убежать от городской путаницы своей жизни и найти уединение в творчестве. Однако мир предстает уже готовым, «выпитым до него», названным и прожитым не им: «Вид из окна был испит, в лице его не было ни кровинки, а Монахову предстояло два месяца вглядываться в него, черпая жизнь и равновесие. <...> Кто же это высмотрел дотла?»². Ландшафт писательского поселка не вдохновляет героя, его заслоняет фигура другого поэта – жившего и до сих пор живого во всей памяти места: «“Я живу напротив могилы...”», – повторял Монахов, нажимая на “живу”»³. Воспоминание о «Гамлете» в переводе Б. Л. Пастернака переводит оптимистическое «советское пространство» писательских дач в область эсхатологии последних вопросов о смысле жизни и смерти. «Зона отдыха трудящихся» переходит в ландшафт «вечного мира». Дачный поселок находит свое завершение в пространстве церкви и кладбища: «одна лишь церковь на пригорке горела с тою же силою, что и в стихах: “как печатный пряник”. Радовала глаз. Из-под нее, вниз по склону, вплоть до речки, спадало кладбище, на котором и был похоронен поэт»⁴. Именно в поисках его могилы, которую называют «сокровенной», устремляются герои на кладбище. Этот небольшой маршрут становится началом сюжета инициации Монахова, который, блуждая в поисках «заговоренной» могилы, чувствует себя пока только наполовину живым.

¹ Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир*. Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 130.

² Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир*. Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 130.

³ Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир*. Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 130.

⁴ Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир*. Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 131.

Подобно гоголевским «Мертвым душам», пространство мертвых оказывается «живым». На кладбище и сам герой постепенно оживает, начинает «воскрешать» подземных жителей, представлять их живыми собеседниками. Кладбищенский маршрут продолжается в другом эпизоде повести, где герой уже на Хованском кладбище хоронит свою бабушку-графиню. Вновь сквозь пространство настоящего проступает усадебный ландшафт прошлого. Герой вспоминает «Пиковую даму» А. С. Пушкина и усадебное прошлое своей бабушки, ключевой топос утраченного уже времени возрождается, как и в «Пушкинском доме», в карнавальном образе усадебного пира, жизнеутверждающее настроение которого перекрывает и все горести последующего времени: «Бабка смеялась и рассказывала почему-то именно с весельем, что они едали у себя в поместье (“в той жизни”, – смеясь, говорила она), ели они, получалось, все время и много (вкусно, само собой) <...> Дальше почему-то, с тем же колокольчиком смеха, шел рассказ об аресте (вхожу в камеру: мне: “Ставь самовар!”, а я по сторонам зыркаю, где он? а надо было ответить: “Варенье под столом” <...>»¹.

Кульминацией пробуждения героя от смерти к жизни становится эпизод похорон, где оказывается, что единственной живой землей посреди глинистой кладбищенской почвы становится горстка земли родного имения, которая, как маленький островок живого мира, станет залогом и будущей жизни вокруг: «Была еще железненькая, дореволюционная еще, коробочка из-под зубного порошка с землею из родного имения (Псковской губернии), единственное, что осталось у старушки, кроме шляпки. Монахов, потрясенный, машинально ее открыл и закрыл, потрясенный еще больше: земля была старая, тоже как пепел. Эту коробочку она хранила, чтобы быть похороненной в своей земле»². Мотив возвращения в родное имение завершает эпизод похорон, являя собой топос преодоления смерти, преображения каменной земли в родное целое: «Будто бабка знала, что не будет более земли, как в этой коробочке!.. И ведь внесла, последнее, что сделала, внесла единственную живую щепотку на эту глину...»³.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что «криптоусадебная мифология» А. Г. Битова формируется как часть петербургского мифа писателя, его китежской вариации, где пушкинско-гоголевский «живой» и «мертвый» мир («Пиковая дама», «Гробовщик», «Мертвые души») образуют своеобразное двоемие – гетеротопию усадебно-дачного топоса А. Г. Битова.

Усадьба у А. Г. Битова понимается в пушкинском ореоле как место творчества, открывающее человеку жизнь, расширяющее его сознание в горизонты большого мира. Пространство видимого города, современных Ленинграда и Москвы, приго-

¹ Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир*. Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 143.

² Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир*. Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 142.

³ Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир*. Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 147.

родных дачных местностей Токсова и Переделкина, где герой начинает свой духовный поиск, подобно Гамлету Б. Л. Пастернака, проявляет невидимый, целостный ландшафт подлинного мира, возвращающего героя к органическому целому жизни. Этим целым становится вновь обретенный загородный мир дачи, усадебные следы в родном городе, «органическая империя» как ковчег, сохраняющий живую землю будущего мира.

Список литературы / References

Амусин М. Ф. Несходство близкого. О художественных мирах Ю. Трифонова и А. Битова. *Вопросы литературы*, 2016, № 1, с. 116–141. EDN: WARCNF

Amusin M. F. Dissimilarity of the close. On the artistic worlds of Yu. Trifonov and A. Bitov. *Russian Studies in Literature*, 2016, no 1, pp. 116–141. (In Russ.) EDN: WARCNF

Башляр Г. *Избранное: поэтика пространства*. Москва: РОССПЭН, 2004. 376 с. EDN: QWGJCT

Bashliar G. *Selected works: Poetics of space*. Moscow: ROSSPEN, 2004. 376 p. (In Russ.) EDN: QWGJCT

Битов А. Г. *Дачная местность. Повести*. Москва: Советская Россия, 1967. 224 с.

Bitov A. G. *Summer cottage area. Stories*. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1967. 224 p. (In Russ.)

Битов А. Г. *Пушкинский дом*. Анн Арбор: Ardis, 1978. 412 с.

Bitov A. G. *Pushkin house*. Ann Arbor: Ardis, 1978. 412 p. (In Russ.)

Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир*. Москва: Молодая гвардия, 1990. 150 с.

Bitov A. G. *The Flying Monakhov: A Dotted Novel*. Moscow: Molodaia gvardia, 1990. 150 p. (In Russ.)

Битов А. Г. Уроки Армении. Путешествие в небольшую страну. *Дружба народов*, № 5, 2017. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/5/uroki-armenii.html> (дата обращения: 05.02.2026).

Bitov A. G. Lessons of Armenia. A Journey to a small country. *Druzhba Narodov*, no. 5, 2017. Available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/5/uroki-armenii.html> (accessed: 05.02.2026). (In Russ.)

Богданова О. А. Готический модус и криптоусадебная мифология в литературе СССР (А. П. Гайдар и др.). Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 9. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 83–105.

Bogdanova O. A. Gothic mode and crypto-estate mythology in the literature of the USSR (A. P. Gaidar and others). Bogdanova O. A. *Hermeneutics of the literary estate: Theory, history, modernity: Monograph*, edited by M. V. Skorokhodov. Series: Russian Estate in a Global Context, iss. 9. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024, pp. 83–105. (In Russ.)

Богданова О. А. Невидимые звенья «усадебного свертхтекста». *Вестник славянских культур*, 2023, т. 69, с. 224–236. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236>; EDN: DPNSMQ

Bogdanova O. A. Invisible links of the “Estate supertext”. *Bulletin of Slavic Cultures*, 2023, vol. 69, pp. 224–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236>; EDN: DPNSMQ

Богданова О. А. Феномен «усадебности» и контекстуальный подход к литературной усадьбе начала XXI в. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 157–160. <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-157-160>; EDN: GQENWG

Bogdanova O. A. The phenomenon of “homesteadness” and the contextual approach to the literary estate of the early 21st century. *Scientific notes of Orel State University*, 2024, vol. 2, no. 103. 2024, pp. 157–160. (In Russ.) <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-157-160>; EDN: GQENWG

Бочаров С. На Аптекарский остров. *Бочаров С. Сюжеты русской литературы*. Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 535–550.

Bocharov S. To Aptekarsky island. *Bocharov S. Plots of Russian literature*. Moscow: Iazyki russkoï kul'tury, 1999, pp. 535–550. (In Russ.)

Дмитриева Е. Е. Артистическая усадьба-коммуна в Ворпсведе: между Германией и Россией. *Русская словесность*, 2020, № 6, с. 37–44. EDN: LWPGPF

Dmitrieva E. E. Artistic commune estate in Worpswede: Between Germany and Russia. *Russkaia slovesnost*, 2020, no. 6, pp. 37–44. (In Russ.) EDN: LWPGPF

Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос. *Имагология и компаративистика*, 2019, № 11, с. 140–173. <https://doi.org/10.17223/24099554/11/6>; EDN: CUEJOV

Dmitrieva E. E. Russian country estate: Semantics, Topos and Chromos. *Imagology and comparative studies*, 2019, no. 11, pp. 140–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/24099554/11/6>; EDN: CUEJOV

Кнорре Е. Ю. Неомифология усадьбы в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 19–26. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-19-26>; EDN: IZVRGJ

Knorre E. Yu. Neo-mythology of the estate in A. M. Gorky's novel “The Life of Klim Samgin”. *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 19–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-19-26>; EDN: IZVRGJ

Кнорре Е. Ю. Усадьба и война в эго-документах 1918–1922 гг. (дневники М. Пришвина и С. Дuryлина). *Новый филологический вестник*, 2023, № 2 (65), с. 109–122. <https://doi.org/10.54770/20729316-2023-2-109>; EDN: VRACXK

Knorre E. Yu. Estate and war in ego-documents of 1918–1922 (Diaries of M. Prishvin and S. Durylin). *The New Philological Bulletin*, 2023, no. 2 (65), pp. 109–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.54770/20729316-2023-2-109>; EDN: VRACXK

Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 328–345. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345>; EDN: NGAGMM

Knorre E. Iu. Estate-sanatorium and garden city: “happy spaces” in the novel “How the Steel Was Tempered” by N. A. Ostrovsky. *Studia Litterarum*, 2024, vol. 9, no. 3, pp. 328–345. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345>; EDN: NGAGMM

Смирнова Н. Бродяга. *STORY. Интернет-журнал*. URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/puteshestvie/brodyaga/> (дата обращения: 05.02.2026).

Smirnova N. Vagabond. *STORY. Online journal*. Available at: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/puteshestvie/brodyaga/> (accessed: 05.02.2026). (In Russ.)

Топоров В. Н. *Петербургский текст русской литературы: избранные труды*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2003. 616 с. EDN: VNJOIJ

Toporov V. N. *The Petersburg text of Russian literature. Selected works*. St Petersburg: Iskustvo-SPB, 2003. 616 p. (In Russ.) EDN: VNJOIJ

Тюпа В. И. *Анализ художественного текста*. Москва: Академия, 2009. 336 с. EDN: QTXIYT

Tiupa V. I. *Literary text analysis*. Moscow: Akademiia, 2009. 336 p. (In Russ.) EDN: QTXIYT

Фуко М. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*, перевод с французского Б. М. Скуратова, ч. 3. Москва: Праксис. 2006. 320 с.

Fuko M. *Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews*, translated from French by B. M. Skuratov, part. 3. Moscow: Praksis, 2006. 320 p. (In Russ.)

Чхаидзе Е. К. «Россия – преждевременная страна...» Андрей Битов о себе, об Империи, о русском языке и литературе. *Вопросы литературы*, 2019, № 6, с. 117–132. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132>; EDN: ZZPLHE

Chkhaidze E. K. “Russia is a premature country...” Andrei Bitov about himself, about the Empire, about the Russian language and literature. *Russian Studies in Literature*, 2019, no. 6, pp. 117–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132>; EDN: ZZPLHE

Шестакова Э. Гетеротопии города-дачи-курорта в мире И. А. Бунина. *Гетеротопии: миры, границы, повествование*: сборник научных статей. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2015, с. 295–306.

Shestakova E. Heterotopies of the city-dacha-resort in the world of I. A. Bunin. *Heterotopias: Worlds, Boundaries, Narration*: Collection of Scientific Articles. Vilnius: Vilnius University, 2015, pp. 295–306. (In Russ.)

Сведения об авторе

Елена Юрьевна Кнорре – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-3272-8659>, Lena12pk@yandex.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); доцент кафедры философии и религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (д. 6, стр. 1, Лихов пер., 127051 Москва, Россия); **Elena Yu. Knorre** – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, <https://orcid.org/0000-0002-3272-8659>, Lena12pk@yandex.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia); Associate Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Orthodox Saint Tikhon University for the Humanities (6, str. 1, Likhov per., 127051 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 131–138.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 131–138.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19/21"

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-10>

<https://elibrary.ru/owjvla>

Типология «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг.

Екатерина Олеговна Яцкив

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

katya.yatskiv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4871-5529>

Аннотация. Работа посвящена типологии «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. Автор статьи выделяет три типа «дачного топоса»: загородная дача, внутригородская дача, курортная (приморская) дача. Отмечая наличие общих констант (связь с темами памяти, ностальгии, взаимоотношений поколений), автор определяет индивидуальные особенности каждого типа. Для загородной дачи, в советское время взявшей на себя многие функции дореволюционной усадьбы, характерны такие черты, как семейственность, объединяющая судьбы нескольких поколений, доступная транспортная связь с городом, специфические формы досуга и возможность реализации творческого потенциала человека. Внутригородская дача поглощается цивилизацией, чем объясняются борьба за сохранение индивидуальности героев и мотив утраченного рая в произведениях. Приморская дача не является собственностью, а лишь арендуется, следствием чего становится отсутствие ощущения защищенности, обособленности, а описание быта и бытия обитателей курортной дачи приобретает сниженные коннотации.

Ключевые слова: «дачный топос», типология, загородная дача, внутригородская дача, курортная (приморская) дача

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Яцкив Е. О. Типология «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 131–138. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-10>; EDN: OWJVL A

Typology of the “dacha topos” in the prose of Yuri Trifonov in the 1960s and 1970s

Ekaterina O. Yatskiv

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

katya.yatskiv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4871-5529>

Abstract. The article explores typology of the “dacha topos” in the prose of Yuri Trifonov in the 1960s and 1970s. The author of the article identifies three types of the “dacha topos”: the country cottage, the inner-city cottage and the resort (seaside) dacha. Each type includes common features (connection with themes of memory, nostalgia, and intergenerational relationships) and individual features. The country cottage, which in Soviet times performed many functions of a pre-revolutionary estate, has such features as a sense of family uniting the destinies of several generations, accessible transport links to the city, specific forms of leisure and the possibility of achieving person’s creative potential. The inner-city cottage is absorbed by civilization, and this explains the struggle to preserve the individuality of the characters and the motif of the lost paradise. The seaside dacha is not property, but only rented, resulting in a lack of a sense of security, isolation; thus the description of the inhabitants’ life of the seaside dacha acquires derogatory connotations.

Keywords: “dacha topos”, typology, country cottage, inner-city cottage, resort (seaside) dacha

Acknowledgments. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal” (project manager O. A. Bogdanova), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Yatskiv E. O. Typology of the “dacha topos” in the prose of Yuri Trifonov in the 1960s and 1970s. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 131–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-10>; EDN: OWJVLA

Введение

Творчество Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. отличается повышенным интересом к темам города и дачи. Зачастую писатель, противопоставляя городской топос дачному, представленному несколькими типами, характеризует город как место физической и духовной тесноты, несвободы, а дачу – как место обретения гармонии с окружающим миром и с самим собой.

Изображая быт и нравы людей, автор осмысляет и духовную сторону их жизни, особое внимание уделяя психологии интеллигенции, выходя через бытовое в бытийное. Повседневность становится «центральной художественной и нравственно-философской категорией его творчества, синтезирующей бытовое и бытийное содержание жизни»¹.

В «Московских повестях» город подавляет волю человека, удушает его, лишает возможности чувствовать себя свободно. Многие герои Ю. В. Трифонова ощущают тесноту физически. Так, в одной комнате, разделенной на две части ширмой, живут герои повести «Обмен» (1969) – Дмитриевы и их дочь Наташка; со свекровью, мате-

¹ Селеменова М. В. Поэтика повседневности в городской прозе Ю. В. Трифонова. *Известия Уральского государственного университета*, 2008, № 59, с. 195. EDN: KIZTXT

рю покойного мужа, делит кров Ольга Васильевна – героиня повести «Другая жизнь» (1973). Теснота физическая порождает тесноту духовную, и человек перестает чувствовать себя свободно в собственном доме рядом с самыми близкими людьми.

Маленьким, давящим на сознание героев комнатам или более просторным, но все же порожденным городской культурой квартирам противопоставлена *дача* как особое пространство, позволяющее стать ближе к природе, снова почувствовать себя свободным и живым.

В монографическом исследовании О. А. Богдановой «Герменевтика литературной усадьбы» дача анализируется как феномен, определяющий специфику русской культуры и ментальности в XX в. По мнению исследователя, в связи с исчезновением владельческой усадьбы в советское время ряд ее функций («единство природы и культуры, хранение семейно-родовой памяти и проч.»¹) перешли именно к даче, в результате чего с 1920-х гг. формируется *поэтосфера дачи*, а в 1960–70-е гг., когда дачная застройка становится явлением массовым, *дачная культура* наделяется новыми смыслами, приобретая особый флер «романтики индивидуальной предприимчивости»². Дача оказывается местом самовыражения, проявления индивидуальности, пусть и в относительно несвободных условиях (застройка массовая, дача – часть поселка, дачного товарищества, площадь участка небольшая по сравнению с дореволюционной усадьбой). Именно в этот период литература окончательно перестает наделять *дачный топос* негативными коннотациями, что было свойственно, например, Серебряному веку, но определяет его, подобно прежней усадьбе, как «рай на земле». «Раем на земле» дача становится и для многих героев Ю. В. Трифонова, детство которого прошло в Серебряном Бору, в дачном поселке, расположившемся на левом берегу Москвы-реки. Известно, что писатель любил те места, ассоциируя их с самыми счастливыми и беззаботными днями своей жизни.

Основная часть

Дачный топос, как и городской, особенно важен для прозы Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. При этом можно выделить несколько типов дач в произведениях указанного периода: загородная дача, внутригородская дача, курортная (приморская) дача.

Загородная дача – это дом с участком земли, находящийся на территории поселка или дачного кооператива. Такой тип дачи представлен в повестях «Обмен» (1969) и «Другая жизнь» (1973), а также в романе «Старик» (1978). Дача данного типа – настоящее семейное гнездо, родовое владение, объединяющее судьбы нескольких поколений. Так, например, дача в Павлинове («Обмен») была построена руками отца Виктора Дмитриева, главного героя повести. Причем по соседству были расположе-

¹ Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 106. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>; EDN: YKMFAF

² Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 106. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>; EDN: YKMFAF

ны домики его братьев, предложившие родственнику построиться в поселке Красных партизан, считавшемся еще в дореволюционное время дачным местом, добраться до которого прежде можно было конкой от заставы. Сейчас же до Павлинова можно доехать на автобусе, в духоте. Будучи ребенком, Виктор, добравшийся до Павлинова, с трепетом ждал, когда городские пейзажи сменятся сельскими – с полями, церковью, огородами, запрудами, усеянными фигурами рыбаков. Даже повзрослев, герой с любовью продолжает осматривать изменившиеся с тех давних пор места.

Тяготы транспортного сообщения между городом и дачей отмечены и в повести «Другая жизнь»: «Приезжать на дачу в будни было тяжело...»¹. Однако Ольга Васильевна, главная героиня произведения, выйдя из электрички и оказавшись в Василькове, каждый раз с наслаждением ощущала, как медленно проходит усталость, какой покой дарует ей окружающий пейзаж. Троллейбусы и электрички помогают и героям романа «Старик» из мира города перемещаться в особый дачный мир. Таким образом, *собственно дача* не оказывается оторванной от городской цивилизации, но становится ее продолжением. Например, Лукьяновы («Обмен») занимаются «модернизацией» дачного домика и усовершенствуют его коммунальные удобства, упрощая жизнь своей родне. Однако в то же время *собственно дача* в творчестве Ю. В. Трифонова не подобна городу, она тесно связана с природным миром. В Павлинове пышным цветом манила сирень, радовали глаз шиповник, бузина, сосны. В сосновом бору стоит домик старика Павла Евграфовича Летунова («Старик»). При этом город все-таки стремится поглотить мир, в котором каждый может приблизиться к естественному ощущению себя и окружающей природы. Виктор Дмитриев замечает, что там, где раньше были луга, теперь – оборудованный пляж с небуксированными шезлонгами. Территории дачного поселка в романе «Старик» будут отведены под строительство санатория городского типа.

Дачный топос данной разновидности определяет и специфический досуг героев: рыбалка, купание, прогулки в лесу, собирание грибов. Горожанину все это кажется особенным, экзотическим, возможным только в контексте дачной культуры. В повести «Другая жизнь» герои трапезничают под раскидистыми ветвями садовых деревьев. Виктор («Обмен») вспоминает китайскую игру в маджонг, привезенную дядей, а также совместное прослушивание патефонной музыки всей семьей.

Дача оказывается и местом уединения, дающим возможность реализовать свой творческий потенциал, что вполне соответствует реалиям советского времени. Переделкино и творческая элита, проживавшая в нем, Дунино, Болшево, Комарово – все эти места оказались вдохновляющими для Б. Пастернака, М. Пришвина, М. Цветаевой, А. Ахматовой: «жизнь в дачном доме в Комарово, общение с писателями и поэтами, литературное “наставничество” также стало своеобразным продолжением усадебной традиции»².

¹ Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 280.

² Михаленко Н. В. Усадебный и дачный топосы: Царское Село и Комарово в жизни и творчестве А. А. Ахматовой. *Mundo Eslavo*, 2023, № 22, с. 116. <https://doi.org/10.30827/meslav.22.25992>; EDN: DIGLUT

Сергей Троицкий («Другая жизнь»), испытывающий особый интерес к теме царской охраны в процессе работы над диссертацией, совершает «внутреннее бегство» – уезжает на дачу в надежде на то, что именно там он сможет реализовать свою главную идею и объяснить в научной работе хитросплетения исторических событий и человеческих судеб. Восстановлением исторической справедливости – созданием записок, посвященных жизни Сергея Кирилловича Мигулина, казачьего командира, красного военачальника времен Гражданской войны, несправедливо признанного изменником, – занимается Летунов («Старик»). Местом творческой встречи становится дачный дом в повести «Долгое прощание» (1971). Московская труппа во время гастролей в Саратове гостит в загородном доме провинциального драматурга Николая Демьяновича Смолянова. Однако творчески созидательное начало здесь нивелировано. Хозяин, принимающий гостей, – драматург второразрядный; актеры, оказавшиеся в доме Смолянова, прекрасно это осознают и даже позволяют себе подтрунивать над ним. Интересно и другое: спустя некоторое время, оказавшись в городе, Смолянов добивается успеха и даже становится популярным автором пьес. Дачное пространство, располагающее к искренности и естественности, обнажающее в человеке интуитивное, не дает посредственности скрыться за маской ложной талантливости, что позволяет сделать город.

Попытки героев осмыслить историческое прошлое напрямую связаны с желанием понять специфику взаимоотношений поколений, а также проанализировать, каким именно способом поколенческая связь может быть сохранена. И Троицкий, и Летунов осознают, что история целого народа крепкими узелками сплетается с историей отдельного человека, а канвой, сохраняющей узор времени, становится память. Возможно, этим и обуславливается стремление героев сохранить знания или воспоминания на бумаге.

В уже упомянутой повести «Долгое прощание» находим второй тип дачного топоса в творчестве Ю. В. Трифонова – внутригородскую дачу или поглощенный разросшимся городом бывший загородный дачный участок. Петр Телепнев, отец главной героини произведения – Ляли, – вместе с семьей поселился в домике, который до революции, вероятнее всего, принадлежал фабричному служащему или чиновнику, не занимавшему особо важного поста. Лексемы «домик», «дача», использованные Ю. В. Трифоновым для описания дореволюционного этапа в жизни дома, характеризуются пренебрежительной коннотацией. Вероятно, это связано с отношением к дачной культуре в дореволюционную эпоху, когда дача оценивалась как опошленный вариант усадьбы.

В то время, когда Телепневы заняли дом, участок находился за чертой города. Однако сейчас он уже принадлежит Москве, все больше и больше поглощающей естественную, природную среду. Отец семейства, «по профессии мастер-котельщик, по призванию садовод», бережно хранит свой сад, главной ценностью которого оказываются прекрасные георгины: «Особенно богаты были георгины. Ими славился Телепнев по всей Москве. Среди цветоводов так и говорилось – “телепневские геор-

гины”, иногда даже просто “телепневские”, потому что каждый понимал, о каких цветах речь»¹.

К великому сожалению Петра Телепнева, его детище – чудесный сад, ботаническую ценность, выпестованную за тридцать лет, – грозятся уничтожить вместе с домом, а семью переселить в новое жилье. Борьба за сад, уподобленная войне, становится смыслом жизни Телепнева; из сада, как из «рая на земле», город с его техническим прогрессом и умалением отдельной судьбы, личности старательно выдавливает человека. Как бы уничтоженным садом оказывается и прежняя жизнь Реброва, зятя Телепнева, не сумевшего выстроить собственную карьеру, проявить силу духа, удержать возлюбленную: «Он еще не знал, что и его сад – когда-то тоже вся жизнь – может быть отринут навсегда»². В конце концов город побеждает – сад уничтожают, и на освободившемся месте строят многоэтажку с магазином «Мясо» на первом этаже: «А Москва катит все дальше, через линию окружной, через овраги, поля, громоздит башни за башнями, каменные горы в миллионы горящих окон, вскрывает древние глины, вбивает туда исполинские цементные трубы, засыпает котлованы, сносит, возносит, заливает асфальтом, уничтожает без следа, и по утрам на перронах метро и на остановках автобусов народу гибель, с каждым годом все гуще»³. Ребров расстается с Лялей, наконец-то добивается профессионального успеха, но навсегда лишается возможности быть по-настоящему счастливым. Сад души, как и сад с георгинами, вырублен. Быт уничтожил бытие.

Курортная (приморская) дача имеет принципиальное отличие от первых двух типов: она не является собственностью, а лишь арендуется человеком. Следовательно, ощущения домашнего, собственного, родного она лишена. Такой тип дачи представлен в повести Ю. В. Трифонова «Долгое прощание». Четверо молодых людей приезжают в Гагры, где снимают комнату и бунгало, лишенное всяких удобств. Кроме того, «хибарка», как называет ее автор, стоит в саду «особнячка», хозяева которого – богатые люди, собирающие гостей, – с удовольствием угощают молодежь деликатесами. Мир райского блаженства и юношеской бедности (но и счастливой беззаботности) разделены садом, в котором постоянно гуляют хозяйские гости, норовящие приударить за Ольгой – главной героиней произведения, от чьего лица ведется мемуарный нарратив. Если загородная и внутригородская дачи создают ощущение защищенности, уединенности, то бунгало – это практически открытое, незащищенное пространство, не позволяющее его обитателям чувствовать себя как дома.

Ольга остро ощущает невозможность освободиться от назойливого внимания поклонников-южан, особенно пылко проявляющих свои чувства. Атмосфера дома, южный колорит, абхазские пейзажи – все это приобретает привкус пошлости. Жизнь гостей Порфирия Михайловича, арендодателя, представляется утомительной, гул-

¹ Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 162.

² Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 209.

³ Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 216.

кой, лишенной покоя, тишины, гармонии – они пьют, громко поют песни, танцуют и много едят. Их регулярные посиделки уподобляются вакхическим пирам и пляскам.

Досуг проживающих на приморской даче лишен интеллектуального или творческого начала. Даже попытки Ольги научиться играть в шахматы, которыми увлекался ее возлюбленный, ставший впоследствии мужем, превратились в безуспешные ухаживания со стороны преподавателя, у которого девушка решила взять несколько уроков.

Приморская дача становится и местом зарождения любви главных героев, проявления страсти. Любовному чаду аккомпанирует «одуряющая духота», «пылающее лето». Зародившаяся на морском берегу влюбленность перерождается в серьезное, глубокое чувство уже в Москве.

Выводы

Анализ типологии «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. показывает, что при наличии определенных констант (связь с темами памяти, ностальгии, взаимоотношений поколений) каждый из выделенных типов (загородная дача, внутригородская дача и курортная (приморская) дача) отличается от других по ряду критериев. Если первые два типа во многом принимают на себя характеристики упраздненной в советское время дореволюционной владельческой усадьбы (в миниатюре), то третий с очевидностью соответствует дореволюционной даче как топосу одуряющей праздности, скуки, бесцельного времяпрепровождения, пошлых разговоров и т. п. Не случайно при этом, что первые два типа дачи – владельческие, являющиеся собственностью своих хозяев, а третий – съемное, временное жилье. Представленная типология имеет базовый характер и содержит высокий потенциал для дальнейшего изучения «дачного топоса» в творчестве Ю. В. Трифонова.

Список литературы / References

Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024. 560 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>; EDN: YKMFAF

Bogdanova O. A. *Hermeneutics of the literary estate: Theory, History, Modernity*. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024. 560 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>; EDN: YKMFAF

Михаленко Н. В. Усадебный и дачный топосы: Царское Село и Комарово в жизни и творчестве А. А. Ахматовой. *Mundo Eslavo*, 2023, № 22, с. 111–120. <https://doi.org/10.30827/meslav.22.25992>; EDN: DIGLUT

Mikhalenko N. V. Estate and dacha topos: Tsarskoe Selo and Komarovo in the life and work of A. A. Akhmatova. *Mundo Eslavo*, 2023, no. 22, pp. 111–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.30827/meslav.22.25992>; EDN: DIGLUT

Селеменова М. В. Поэтика повседневности в городской прозе Ю. В. Трифонова. *Известия Уральского государственного университета*, 2008, № 59, с. 195–208. EDN: KIZTXT

Selemeneva M. V. The poetics of everyday life in Yuri Trifonov's urban prose. *Proceedings of Ural State University*, 2008, no. 59, pp. 195–208. (In Russ.) EDN: KIZTXT

Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 131–219.

Trifonov Iu. V. The long farewell. *Trifonov Iu. V. The Collected Works*: In 4 vol., vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986, pp. 131–219. (In Russ.)

Трифонов Ю. В. Другая жизнь. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 219–363.

Trifonov Iu. V. Another life. *Trifonov Iu. V. The Collected Works*: In 4 vol., vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986, pp. 219–363. (In Russ.)

Сведения об авторе

Екатерина Олеговна Яцкив – младший научный сотрудник, <https://orcid.org/0009-0001-4871-5529>, katya.yatskiv@mail.ru, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); Центр русского языка и культуры имени А. Ф. Лосева Института филологии Московского педагогического государственного университета (д. 64, ул. Усачева, 119048 Москва, Россия); **Ekaterina O. Yatskiv** – Junior Researcher, Master of Philology, <https://orcid.org/0009-0001-4871-5529>, katya.yatskiv@mail.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia); Losev Center for Russian Language and Culture, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University (64, ul. Usacheva, 119048 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 139–154.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 139–154.

Научная статья
УДК 821.161.1.09"19/21"
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-11>
<https://elibrary.ru/mhddfw>

Литературная дача в прозе Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой

Дарья Максимовна Борисова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
borisovadarya2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0454-5924>

Аннотация. Статья посвящена рецепции литературной дачи в прозе советских писателей 1950–1980-х годов – Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой. Предметом исследования стал корпус произведений, посвященных поселку «Советский писатель» (Красная Пахра), где длительное время проживали прозаики. Сопоставление художественных образов дачи у обоих авторов позволило сделать вывод о том, что они видели в своем загородном жилье место вдохновения и творческого труда, «окно в природу», подлинный дом. При этом в произведениях Ю. М. Нагибина поселок часто представлял местом столкновения творческой интеллигенции и простых людей, гармоничной природы и уродливой цивилизации; сатирические образы соседей по поселку в прозе Ю. М. Нагибина резко контрастируют с лирическими описаниями пейзажей. В свою очередь В. С. Токарева воссоздает уникальную творческую атмосферу дачного поселка, избегая идеализации его жителей; писательница видит в Красной Пахре прежде всего пространство культурной и исторической памяти.

Ключевые слова: литературная дача, Красная Пахра, Ю. М. Нагибин, «Лунный свет», «Морелон», «А льва жалко...» «Дневник», В. С. Токарева, «Дома стоят дольше, чем люди», «Дом за поселком»

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Борисова Д. М. Литературная дача в прозе Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 139–154. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-11>; EDN: MHDDFW

Literary dacha in the prose of Yu. M. Nagibin and V. S. Tokareva

Daria M. Borisova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
borisovadarya2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0454-5924>

Abstract. This article focuses on the representation of the literary dacha in the prose of Soviet writers of 1950s and 1980s Y. M. Nagibin and V. S. Tokareva. The focus of the study is the writers’

works about life in the settlement named “Sovetsky Pisatel” (“Soviet writer”) / (Krasnaya Pakhra / Red Pakhra). The comparison of the artistic image of the dacha in these authors’ works results in the conclusion that prose writers supposed our country houses as a place of creative work and communion with nature. In Nagibin’s works, the settlement often appears as a site of confrontation between the intelligentsia and the common people, and between harmonious nature and disharmonious civilization. Satirical portrayals of the neighbours sharply contrast with the lyrical descriptions of the landscapes. On the other hand, Tokareva recreates the unique creative atmosphere of the settlement but avoids the idealization of its dwellers; the writer sees Krasnaya Pakhra primarily as a space of cultural and historical memory.

Keywords: literary dacha, “Krasnaya Pakhra”, Yu. M. Nagibin, “Moonlight”, “Morelon”, “And I feel sorry for the lion...”, “Diary”, V. S. Tokareva, “Houses last longer than people”, “A house outside the village”

Acknowledgments. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal” (project manager O. A. Bogdanova), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Borisova D. M. Literary dacha in the prose of Y. M. Nagibin and V. S. Tokareva. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 139–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-11>; EDN: MHDDFW

Введение

Дача как историко-культурное и литературное явление привлекла внимание исследователей в 2000-е гг. В это время увидели свет труды В. Г. Щукина¹, Ст. Ловелла², коллективная монография “The Dacha Kingdom”³. Системное изучение литературной дачи началось в рамках проектов ИМЛИ РАН «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» (2018–2020, рук. О. А. Богданова) и «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (2022–2024, 2025–2026, рук. О. А. Богданова). За это время были опубликованы статьи о писательских дачах в Крыму⁴, Тарусе⁵, Комарове⁶, дачном топосе в творчестве А. М. Горького⁷, М. И. Цветаевой¹, В. В. Маяковского²,

¹ Щукин В. Г. *Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей*. Москва: РОССПЭН, 2007. 608 с. EDN: QSTQYL

² Ловелл Ст. *Дачники: история летнего жилья в России, 1710–2000*, перевод с английского Л. Г. Семеновой. Санкт-Петербург: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.

³ *The dacha kingdom: Summer dwellers and dwellings in the Baltic area*; edited by N. Baschmakoff and M. Ristolainen. Aleksanteri Series, 2009, vol. 3. 509 p. Available at: <https://litusadba.imli.ru/sites/default/files/thedachakingdom.pdf> (accessed: 10.01.2026).

⁴ Богданова О. А. К истории крымских «литературных гнезд» начала XX века: письма В. Л. Комаровича к М. А. Волошину. *Автобиография*, 2018, № 7, с. 63–71. EDN: YSAEАН

⁵ Скороходов М. В. Тарусская жизнь Константина Паустовского: в поисках гармонии. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 172–176. <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-172-176>; EDN: EQUIPLO

⁶ Михаленко Н. В. Станция «Ахматовка» – место творческого притяжения. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 177–180.

⁷ Богданова О. А. Усадьба и дача в драматургии А. М. Горького 1900-х гг. («Дачники», «Дети солнца», «Враги»). *Русистика без границы (Болгария)*, 2020, т. IV, кн. 3, с. 59–66.

Ю. В. Трифонова³, Ю. В. Мамлеева⁴ и др. Теоретическим аспектам исследования посвящены работы О. А. Богдановой⁵ и М. В. Скороходова⁶. В научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте» вышла монография О. А. Богдановой «Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.» (2019) и коллективная монография «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения» (2024). Изучение литературной дачи логически продолжило литературоведческое усадебоведение: в советскую эпоху дача превратилась в субститут усадьбы, став местом вдохновения и творческого труда, «окном» в природу и народную жизнь, пространством культурной и исторической памяти, родовым гнездом.

Знаковым явлением советского времени стали писательские поселки, создававшиеся в целях поощрения литераторов и контроля за ними. В 1920-е гг. возникает дачный кооператив для работников Академии наук и искусства (РАНИС) (Николина Гора). В 1930-е гг. появляются «Городок писателей» в Переделкине⁷ и «Московский писатель» во Внукове⁸, в 1950-е строятся «Советский писатель» (Красная Пахра) и дачи деятелей науки и искусства в Комарове (бывших Келломяках). Элитарный статус места, особняки с большими, по меркам рядовых советских граждан, земельными участками, наличие «обслуги» в виде домработниц, шоферов, поселковых рабочих или «шабашников» из местных жителей – все это сближало писательские дачи с владельческими усадьбами дореволюционного прошлого.

¹ Акимова М. С. «Дачный топос» в творчестве Марины Цветаевой. *Вопросы культурологии*, 2018, № 12, с. 51–61.

² Михаленко Н. В. Поэтосфера дачи в творчестве В. В. Маяковского. *Литературный факт*, 2022, № 3 (25), с. 233–251. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251>; EDN: DVWYWG

³ Яцкив Е. О. Эволюция литературной дачи и творчество Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 47–51. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51>; EDN: WWWOMV

⁴ Богданова О. А. «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX–XXI вв.: случай Юрия Мамлеева. *Studia Litterarum*, 2023, т. 8, № 2, с. 200–219. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219>; EDN: EETZBN

⁵ Богданова О. А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. *Studia Litterarum*, 2022, т. 7, № 3, с. 10–29. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29>; EDN: IEZXEY; см. также: Богданова О. А. «Дачный топос» в русской литературе XIX–XXI вв.: генезис и эволюция. *Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения*: коллективная монография. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 474–489. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-474-489>; EDN: HCSYSD

⁶ Скороходов М. В. От литературной усадьбы к литературной даче (на материале русской литературы XX – начала XXI в.). *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 156.

⁷ Основан постановлением Совнаркома «О строительстве “Городка писателей”» от 19 июля 1933 года.

⁸ ДСК «Московский писатель» был образован в 1934 году Постановлением № 2408 президиума Московского областного исполнительного комитета советов РК и КД от 1 декабря 1934 года «Об отводе из квартала 114 Внуковского Леспромхоза при ст. Внуково, Западной железной дороги, Кунцевского района, участка площадью 50 га под дачное строительство РЖСКТ “Московский писатель”».

Одним из самых известных поселков творческой интеллигенции стал дачно-строительный кооператив «Советский писатель». В книге «Взлет и падение “Советского писателя”» (2013) А. А. Ганулич выделил в истории поселка несколько этапов.

1. «Рождение (1952–1961)». К концу периода «поселок сложился, обзавелся всей необходимой инфраструктурой»¹. В число первых писателей-дачников вошли К. М. Симонов, В. С. Розов, П. Г. Антокольский, Ю. М. Нагибин.

2. «Расцвет (1961–1970)». В 1960-е гг. в Красной Пахре приобрели дачи Ю. В. Бондарев, В. Ф. Тендряков, А. Т. Твардовский, Ю. В. Трифонов. «Такой состав новых членов <...> не мог не отразиться на поселковой жизни. Она была, пожалуй, гораздо вольнолюбивей, чем жизнь в Москве или в стране в целом»². В поселок часто приезжали поэты-шестидесятники А. А. Вознесенский и Е. А. Евтушенко, барды Б. Ш. Окуджава, М. Л. Анчаров, Е. И. Клячкин; Б. А. Ахмадулина 8 лет прожила на даче своего супруга Ю. М. Нагибина (1961–1969), а после развода с ним приезжала в гости к переводчику В. М. Россельсу.

3. «Застой (1972–1985)». В этот период уходит из жизни ряд крупных деятелей науки и искусства: Р. Л. Кармен, П. Г. Антокольский, К. М. Симонов, Ю. В. Трифонов, В. С. Высоцкий, А. Я. Каплер, В. З. Масс. «Их уход не просто обеднил прозу, поэзию, кинематографию, он послужил толчком к изменению атмосферы поселка, стал началом наследственных споров, разделения паев и участков между наследниками, массовой продажи дач»³.

4. «Агония (1985–2011)»⁴. В 1990-е гг. приватизация, потеря писателями привилегий и их обнищание привели к тому, что из писательского поселок превратился в «просто» элитный; многие дома были проданы и снесены, новая застройка значительно изменила вид поселка и окружающего ландшафта.

Прежний облик «Советского писателя» сохранился только на старых фотографиях и на страницах книг. В Красной Пахре, в отличие от Переделкина, не было создано мемориальных музеев, позволивших сохранить писательские дачи вместе с обстановкой. Разной оказалась и судьба архивов: часть перешла в фонды Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), часть – продолжает храниться у родственников.

Основная часть

За время существования поселка сложился корпус документальных, художественных и публицистических текстов о Красной Пахре, конечно, несколько уступающий переделкинскому по объему и степени изученности. Перечислим лишь наиболее известные из них. Жизнь в «Советском писателе» отражена в дневниках А. Т. Твардовского и Ю. М. Нагибина, «Записках соседа» (1972) Ю. В. Трифонов, воспоминаниях В. С. Розова («Удивление перед жизнью», 2000), В. С. Токаревой («Между прочим...», 2023), современных писателей, выросших в поселке –

¹ Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 24.

² Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 156.

³ Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 262–263.

⁴ Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 362.

А. В. Масс («Вахтанговские дети», 2005; «Писательские дачи. Рисунки по памяти», 2012), Д. А. Симукова («Обратный отсчет. Записки ин'язовца», 2010), Д. В. Драгунского («Подлинная жизнь Дениса Кораблёва», 2023). Большой интерес представляет вышеупомянутая книга А. А. Ганулича «Взлет и падение «Советского писателя»» (2013), написанная на стыке мемуаристики и краеведения. Из художественной литературы стоит выделить произведения Ю. М. Нагибина («Лунный свет», 1979; «Морелон», 1980; «А льва жалко...», «Рассказ синего лягушонка», 1991), Д. В. Драгунского («Нет такого слова», 2009), К. В. Драгунской («Заблуждение велосипеда», 2010), В. С. Токаревой («Дома стоят дольше, чем люди», 2017; «Дом за поселком», 2018).

Настоящее исследование посвящено литературному наследию Ю. М. Нагибина (1920–1994) и В. С. Токаревой (р. 1937). Ю. М. Нагибин был старожилом поселка, лично знал многих советских классиков, стал свидетелем всех эпох Красной Пахры; В. С. Токарева успела застать «расцвет» «Советского писателя», но собственную дачу смогла приобрести уже в период его «агонии». В наши дни Виктория Токарева остается одним из последних хранителей памяти и традиций знаменитого писательского поселка.

Юрий Маркович Нагибин узнал и полюбил загородную жизнь еще в детские годы. Памятная писателю дача около подмосковной деревни Акулово отразилась в документальных «Воспоминаниях» (1969), цикле рассказов «Лето моего детства» (1969, второе название – «Лето»), предисловии к «Московской книге» (1985), повести «Встань и иди» (1987). По собственному признанию, именно там он проникся красотой и таинственностью природы; затопленная при строительстве водохранилища дача представляется рассказчику затонувшей Атлантидой, символом незабываемого и невозвратимого детства.

В 1950-е гг. к писателю пришла литературная известность, а после и сценаристская – эта деятельность приносила значительные гонорары. Ю. М. Нагибин приобрел пай в дачно-строительном кооперативе и построил дом на Южной аллее Красной Пахры. В 1956 г. он записывает в дневнике: «Живу на даче, гляжу на сосны, наверное, это и есть счастье, но я так не привык к счастью, что чувствую себя здесь словно на чемоданах»¹. Вскоре дача становится для писателя вторым домом – с годами он проводит все больше времени в подмосковном поселке, живя там практически круглогодично. В 1960-е гг. для своей жены Беллы Ахмадулиной писатель возводит второй этаж: «чтобы ей было уютнее писать стихи, сидя в “скворечнике”, созерцая мир сверху»². Последняя его супруга, Алла Григорьевна Нагибина, с которой писатель прожил четверть века (1969–1994), «превратила дачу <...> в самый стильный дом поселка»³. Активное участие в преображении интерьера принимал и сам писатель: «дом был полон антиквариата, ценных картин, миниатюр, но при этом нисколько не напоминал музей, а создавал ощущение уюта»⁴.

¹ Нагибин Ю. М. *Дневник*. Москва: Книжный сад, 1996, с. 122.

² Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 115.

³ Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 122–123.

⁴ Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 123.

Удобство и комфорт загородного дома были для писателя принципиальными, хотя в путешествиях и на охоте он спокойно мирился с бытовыми неудобствами. У «барина», как часто называли Ю. М. Нагибина, служили домработница и даже личные шоферы. На участке рос сад, за которым ухаживала мать писателя – Ксения Алексеевна. У Нагибиных постоянно жили питомцы – кошки и собаки. Последние пользовались особой любовью писателя, сопровождали его на охоте и прогулках, становились героями его произведений. Из соседей писатель общался с П. Г. Антокольским, Ю. В. Трифоновым, В. Ф. Тендряковым, Э. Я. Володарским, М. А. Светловым; принимал на даче гостей, любил широкие и шумные застолья. Однако «сосдружество муз» в «Советском писателе» вызывало у Ю. М. Нагибина двойственные чувства. В дневниках писателя периодически встречаются резкие характеристики соседей; нередко признания, что дачное общество вызывает раздражение и усталость, а «персонал» поселка возмущает «плебейским» поведением. А. А. Ганулич объясняет это тем, что по характеру Ю. М. Нагибин «был выраженным индивидуалистом <...>. Людей, в отличие от животных, Юрий Маркович, нужно признать, не жаловал. Это касалось и коллег по писательскому цеху, и простого люда»¹. Отметим, что двойственное отношение к писательскому поселку объяснялось не только характером писателя, но и его внутренним неприятием пороков советской литературной жизни (конъюнктуры; «лакировки» действительности; выдвижения малоталантливых, но партийных и тенденциозных авторов). После кончины Юрия Нагибина вдова продала большую часть участка с домом; новые хозяева снесли дачу, и теперь о писателе в поселке напоминает только улица, носящая его имя.

Образ «Советского писателя» в творчестве Ю. М. Нагибина сложен и амбивалентен. В рассказе «Морелон» (1980) дачный поселок показан как место соприкосновения города и деревни, интеллигенции и простого народа. И те, и другие описаны Ю. М. Нагибиным с нескрываемой иронией: с одной стороны – беспомощность в быту, отсутствие привычки к физическому труду и легковёрность, с другой – лень, пьянство, привычка полагаться на «авось», вечное стремление хоть в чем-то да обмануть городских «простаков». «Поселок оброс, как пень грибами, разными умелыми людьми, которые могли “выручить”. <...> По правде, эти люди мало что умели, но брались решительно за все»². Воплощением всех пороков таких «умельцев» становится жалкий и смешной «никчемный человек»³ по прозвищу Морелон. Все его «мастерство» состоит в умении выпрашивать деньги и сбывать дачникам не нужные им вещи. В поселке этого нахлебника почему-то терпят, а знаменитый Писатель даже делает своим собутыльником. Размышляя над этим феноменом, рассказчик задумывается: «А ведь недаром провел он столько часов с покойным Писателем. <...> Морелон умел слушать молчание Писателя. <...> Он научился чему-то более важ-

¹ Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 116–120.

² Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книгоvek, 2020, с. 395.

³ Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книгоvek, 2020, с. 396.

ному, чем всякая ручная работа»¹. Герой начинает чувствовать к «никчемному человеку» интерес и уважение, впервые называет его не по прозвищу, а по имени-отчеству. Но братского единения интеллигенции и народа не происходит: «Тишина. Затем тихо и сумрачно донеслось: – Ну, чего тебе еще?...»².

В рассказе «А лъва жалко...» (1991) «Советский писатель» – место столкновения природы и мира людей. Дачное общество, представляющее цивилизацию в миниатюре, становится объектом едкой сатиры. Приезд в поселок знаменитого ручного лъва Чанга³ задуман как торжество гуманизма, праздник дружбы людей и животных, но встреча с четвероногой «кинозвездой» только показывает, как «жалки и бессильны <...> дети человеческие»⁴ перед царственным зверем. Праздник выявляет худшие стороны творческой интеллигенции: эгоизм, тщеславие, позерство, лицемерие и корыстолюбие. Перед читателем проходит ряд злых и пристрастных карикатур на жителей поселка: «витии» Антокольский и Кирсанов, «умеющие слушать лишь себя», самовлюбленные «прозаические первачи», «близкий и желанный любому начальству» «перестраховщик»⁵ Симонов. Сочувствие рассказчика вызывает только лев, утомленный бесконечными киносъёмками и вниманием людей: «он лежал посреди сада, свободный, никем не охраняемый, грозный царь пустыни, символ той могучей силы, имя которой природа, чьи последние бастионы разрушает человек, дабы прекратить жизнь во Вселенной»⁶. Повествователь предчувствует неминуемую трагическую развязку: люди, поверившие в свое всемогущество, забывают о древней мощи природы и расплачиваются за свою самонадеянность.

Собственная дача и окрестные леса – место обретения вдохновения, напряженного, но радостного творческого труда. В рассказе «Река Гераклита» (1984) автобиографический герой отмечает, что «два-три часа <...> в лесу» играли ключевую роль в творчестве: «Здесь, а не за письменным столом, происходила главная работа сочинительства. И вовсе не потому, что исхоженный вдоль и поперек лес помогал внутренней сосредоточенности, а потому что он меня все время будоражил, загадывал разные загадки и тем поощрял душевную работу <...>»⁷. Ежедневное «погружение в неведомое»⁸ так захватывало рассказчика, что летом он нередко отказывался от путешествий – «слишком жадно работаете и хорошо думается»⁹. В «Лунном свете» (1979) зимняя дача дает герою уединение и покой, необходимые для упорной

¹ Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 404.

² Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 404.

³ Прототипом стал знаменитый лев Кинг I, живший в семье Берберовых (в рассказе – Бедуинских).

⁴ Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи*. Москва: Подкова, 1998, с. 422.

⁵ Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи*. Москва: Подкова, 1998, с. 433–434.

⁶ Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи*. Москва: Подкова, 1998, с. 431.

⁷ Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 3. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 529.

⁸ Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 3. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 529.

⁹ Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 3. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 529.

работы над словом, не знающей выходных и отпуска. Красота и тишина зимнего дня противопоставлена равнодушной к этой «нежной дремлющей благодати» «мировой суете», «неумолимым посланцем»¹ которой оказывается приезжий журналист. Отметим, однако, что дачный пейзаж меняется по мере развития сюжета: после «страшного» рассказа гостя и наступления лунной ночи знакомые места кажутся пугающими и мистическими.

В фантастическом «Рассказе синего лягушонка» (1991), посвященном Алле Нагибиной, дача – идиллический топос, место, где царствуют любовь и гармония. Главный герой после смерти утратил человеческий облик, но не смог полностью забыть о прежней жизни. Из самого светлого ее периода – времени позднего супружеского счастья – рассказчику вспоминаются именно дачные картины: «Я видел <...> террасу в дождливый день исхода августа. <...> Заросший, в туманной влаге сад походил на морское дно. <...> Казалось, вот-вот сквозь боярышник, рябину и яблони поплывут большие рыбы с жалобными ртами <...>. Алиса лежала на тахте, к ней приставал щенок эрдель, требуя, чтобы его почесали»². Образ дачи, погружившейся на морское дно, как бы продолжает изображение затопленного акуловского дома – прежнее счастье для героя недостижимо.

Превращение, лишившее героя привычного облика и «нормального» человеческого существования, дало ему возможность посмотреть на прошлое со стороны. Когда-то рассказчик и его жена любили путешествовать и жадно искали новых впечатлений. Лишь под конец жизни супруги перестали «слоняться по миру»: «куда увлекательнее оказалось непрекращающееся путешествие друг к другу»³. После перевоплощения герой с удивлением осознает, что прежние яркие впечатления поблекли, а привычная загородная жизнь предстала в ином свете: «в нашей долгой жизни с Алисой – мы и серебряную справили – было столько Берендеевых лесов, столько Средиземноморья, островов, лагун, столько храмов и старинных городов, дивной музыки и нетленной живописи, а образом счастья оказался мокрый сад, терраса и длинные пальцы, погруженные в жесткие завитки эрдельей шерсти»⁴. Дачная повседневность и связанные с ней традиции и ритуалы – игры с собакой, прятки в доме – становятся символом гармоничной, основанной на подлинной любви жизни. Не случайно рассказчик-фантаст, узнав любимую в образе косули, играет с ней в прятки в лесу – для героя это не пустая забава, а связь с прошлым.

Сложное, амбивалентное отношение Ю. М. Нагибина к дачному топосу нашло отражение в его последней книге – «Дневнике» (1994). Записи 1942–1986 гг., собранные в единую книгу незадолго до смерти автора, охватывают практически весь период его жизни в «Советском писателе». Лейтмотивом «Дневника» становится противопоставление природы и общества. Дача предстает местом, где на фоне есте-

¹ Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 318.

² Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 291.

³ Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 283.

⁴ Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 291–292.

ственной красоты и гармонии бушуют человеческие страсти, присущие и самому повествователю: «Как все прекрасно и трогательно в мире природы, как все грязно и мерзко в мире людей!»¹. В то же время именно загородная жизнь дает выход из плена этих страстей. Саркастический тон рассказчика, резко критикующего соседей по поселку и себя самого, в описании картин природы сменяется лирическим и восторженным: «Сколько раз хожу на это место, и всякий раз по-новому ему радуюсь. Какая неисчерпаемость в этом скудном пейзаже!»²; «Начало июня. Каждый день совершаю изумительные прогулки в лес. Места, открытые зимой, предстали в своем летнем, еще более прекрасном обличье. Боже, до чего же там хорошо! <...> И все, что ни видишь, поражает до слез, до спазма»³. Даже в собственном саду может явиться подлинное чудо: солнце, «сказочно» осветившее стайку воробьев, превращает их в загадочных райских птиц⁴. Соприкосновение с природой, окружающей дачу, исцеляет и облагораживает душу. Прогулки по окрестностям способны примирить рассказчика с жизненными трудностями и с самим собой: «Да, необыкновенно хорошо было в лесу. Я шел и подводил итоги своей жизни и неожиданно остался доволен ею. В наше чудовищное время я жил почти как хотел, это, конечно, чудо. И грех мне сетовать на малые неудачи»⁵.

Виктория Самуиловна Токарева (р. 1937) впервые побывала в Красной Пахре в 1963 г. Начинаящая писательница приехала на слет молодых талантов, проходивший в соседнем Доме отдыха Минспецмонтажстроя. Руководитель семинара – Георгий Семенов – познакомил ее с Юрием Нагибиным. Эта встреча запомнилась В. С. Токаревой на всю жизнь: «Нагибин уже читал мой первый рассказ “День без вранья”. Он сказал: “Пишут все, а она – писатель”. <...> Душа моя была полна счастьем. Представляете, такое о себе услышать?»⁶. Впоследствии Ю. М. Нагибин напишет предисловие к дебютному сборнику рассказов В. С. Токаревой «О том, чего не было» (1969), высоко оценив талант молодого прозаика. Первое впечатление от посещения поселка, несомненно, повлияло на ее отношение к «Советскому писателю». С 1977 г. В. С. Токарева около 10 лет снимала там комнату у вдовы Виктора Драгунского. В 1990 г. писательница приобрела участок у наследников Павла Антокольского и построила двухэтажный кирпичный дом, исполнив давнюю мечту – поселиться в любимейшем месте.

Долгое время В. С. Токарева не планировала делать поселок «героем» своих произведений: «Боже упаси. Писать о соседях – значит наживать себе врагов»⁷. Только со второй половины 2010-х гг. стали выходить книги, включающие рассказы и очерки о жизни в «Советском писателе» – «Дома стоят дольше, чем люди» (2017),

¹ Нагибин Ю. М. *Дневник*. Москва: Книжный сад, 1996, с. 161.

² Нагибин Ю. М. *Дневник*. Москва: Книжный сад, 1996, с. 169.

³ Нагибин Ю. М. *Дневник*. Москва: Книжный сад, 1996, с. 170.

⁴ Нагибин Ю. М. *Дневник*. Москва: Книжный сад, 1996, с. 126.

⁵ Нагибин Ю. М. *Дневник*. Москва: Книжный сад, 1996, с. 222.

⁶ Токарева В. С., Раевская М. У меня настоящий домик Наф-Нафа. *Новые округа*, 2015, № 42 (162), с. 14.

⁷ Токарева В. С., Раевская М. У меня настоящий домик Наф-Нафа. *Новые округа*, 2015, № 42 (162), с. 14.

«Дом за поселком» (2018), «Ничем не интересуюсь, но все знаю», «Между прочим...» (2023).

Загородная жизнь в собственном доме представляется писательнице идеалом гармоничного, спокойного и независимого существования, необходимым условием полноценного творчества. «Я очень люблю свой дом. И куда бы я ни приходила, мне везде кажется неуютно. <...> Меня мой дом обнимает, как любимый человек. Хочется оставаться в его объятиях и не двигаться»¹, – признается рассказчица («Эльдар Рязанов»). В книгах В. С. Токаревой дача неоднократно сравнивается с райским садом. Например, в рассказе «Карантин» (2021) уютный дом с большим участком кажется раем по сравнению с «адам» тесной и шумной городской квартиры. Испытания нового времени только подтверждают жизнестойкость дачной модели существования: во время пандемии дача дает рассказчице чувство защищенности от пугающего и непонятного окружающего мира.

Рассказывая о знаменитых соседях, В. С. Токарева не идеализирует ни советское прошлое поселка, ни его обитателей – даже тех, кто восхищает своим талантом и по-человечески симпатичен автору. Поглощенность поэтическими и любовными переживаниями делает Антокольского по-детски эгоистичным («Дом Павла Антокольского»), богемная жизнь Ю. М. Нагибина и Б. А. Ахмадулиной становится саморазрушением («Юрий Нагбин»); бурные романы, семейные конфликты, алкогольная зависимость сопровождают многих писателей и артистов. Соседство творческих людей с непростыми характерами неизбежно порождает ревность, ссоры и сплетни («Эльдар Рязанов»). При этом в книгах писательницы нет столь резкой, уничтожающей критики, как у Ю. М. Нагибина. Рассказчица стремится к пониманию и признанию талантливых соседей со всеми их слабостями и недостатками, тем более, что многие из них были для писателей ее поколения уже классиками. Писательница любовно воссоздает уникальную творческую атмосферу поселка, в котором «проживал цвет советской литературы. <...> Каждое имя – бриллиант»². Она видит в Красной Пахре прежде всего пространство культурной и исторической памяти.

Присутствие одухотворенных творческих личностей, любовь и забота их жен преобразуют дома: писательские дачи сами «одухотворяются» и персонализируются, изменяются вместе с хозяевами. Великолепный дом Ю. М. Нагибина не только гармонировал с обликом своего хозяина – дворянина по происхождению, красавца и щеголя, – но и нес на себе отражение обретенного семейного счастья писателя. Алла Нагибина не только «перестроила», но и «как бы зачеркнула прежний дом»³, в котором когда-то шла беспорядочная богемная жизнь («Юрий Нагбин»). Дача Э. Я. Володарского со стеклянными дверьми похожа на «театральную декорацию к сказке»; рассказчице кажется, что «воры просто не смели вторгаться в это доверие и

¹ Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки*. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 106.

² Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки*. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 83.

³ Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки*. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 144.

красоту»¹ («Эдуард Володарский»). Дом М. В. Мироновой и А. С. Менакера напминает размерами то ларек, то будку – но его простота и изысканность отвечают артистизму и прекрасному вкусу владельцев: «известно, все талантливое просто». В. С. Токарева особо отмечает, что при строительстве старались сохранить великолепные сосны («Дом за поселком»)².

После смерти писателей и артистов их дачи нередко становились не только памятными, но и мистическими, сакральными местами. Великолепный кабинет в доме Нагибиных бесценен не только из-за красоты обстановки, обилия бронзы и ценного дерева – важнее всего то, что «в этих креслах сидел Юрий Маркович Нагибин – великий, как Вольтер, и жонглировал словами, как золотыми шарами. И они до сих пор летают в пространстве»³ («Юрий Нагибин»). Небольшой домик, принадлежавший Марии Мироновой и Александру Менакеру, кажется «намоленным, как маленькая церковь», в нем словно навсегда «застряли» «время, мысль и молодость талантливых людей»⁴. У рассказчицы неоднократно возникало впечатление, что покойная хозяйка строго следит за судьбой своей дачи и может наказать тех, кто покушается на фамильное добро («Дом за поселком»). Рано умерший Владимир Высоцкий, напротив, не успел обжить свою дачу – и «новый дом, выстроенный для счастья, превратился в дом скорби»⁵.

Подлинной трагедией для поселка становится скупка земли и снос писательских дач богатыми людьми, поднявшимися в 1990-е гг. Старая интеллектуальная элита сменяется новой буржуазной – малокультурными, но практичными «нуворишами», превыше всего ценящими материальные блага и престиж. Дорогим домам новых богачей не суждено стать подлинными семейными и культурными гнездами, поскольку в их созидание не вложены вдохновение и любовь. Отстроив и продав дачу, надменная и расчетливая бизнес-леди Фрида вскоре умирает («Дома стоят дольше, чем люди»). Финский дом, выстроенный на месте «артистической» дачи Мироновых, пустует: семья, для которой предназначался коттедж, распалась. Покупателей на дорогой дом не находится, и он превращается в обузу для владельцев («Дом за поселком»). Дачи «нуворишей», благополучно устроившихся в поселке, остаются лишь сомнительным памятником «лихим девяностым» и непомерным амбициям хозяев, выбившихся «из грязи в князи».

Прежний писательский поселок уходит в прошлое вместе с ветшающими дачами и последними старожилами. «Советские писатели вымерли, как мамонты», – с грустной иронией замечает рассказчица, вспоминая, как некий турист разыскивал «дом потомков Токаревой», – «видимо, <...> думал, что Токарева жила во времена

¹ Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки*. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 180–181.

² Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк*. Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 111.

³ Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки*. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 149.

⁴ Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк*. Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 136.

⁵ Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк*. Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 191.

Жорж Санд»¹. Но и в изменившемся до неузнаваемости поселке ощущается незримое присутствие его жителей: «Земля под ногами до сих пор слышит их шаги. Их мысли до сих пор витают в атмосфере»². Писатели и артисты становятся добрыми гениями, хранящими поселок.

Выводы

Сопоставив образ литературной дачи в произведениях Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой, мы выяснили следующее.

1. Писатели совпадали в оценке дачи как места творческого труда и подлинного – в отличие от городской квартиры – дома; видели в наличии собственного загородного жилья источник свободы, вдохновения, гармонии с миром и самим собой. При этом отношение прозаиков к другим дачникам и общей атмосфере Красной Пахры оказывается диаметрально противоположным.

2. В произведениях Ю. М. Нагибина местное общество предстает дисгармоничным и нездоровым; на фоне прекрасной природы резче выступают как общечеловеческие пороки (эгоизм, лицемерие, пьянство), так и проявления худших сторон советской литературной жизни (конъюнктурность, отсутствие гражданского мужества).

3. В. С. Токарева, не идеализируя своих героев, стремится к объективности, к пониманию и принятию сложности талантливых людей; соседство незаурядных личностей и творческая атмосфера «Советского писателя» выписаны в книгах автора любовно и подробно. Дисгармонию и разрушение приносят в поселок новые дачники – малокультурная и бездуховная буржуазная элита 90-х.

4. Различия в изображении местного общества объясняются не только разницей авторского миропонимания и идиостиля, но и временной дистанцией. Многие соседи по поселку для поколения В. С. Токаревой были классиками; драматические перемены рубежа веков также способствовали оценке «Советского писателя» как уникального пространства культурной и исторической памяти

Список литературы / References

Акимова М. С. «Дачный топос» в творчестве Марины Цветаевой. *Вопросы культурологии*, 2018, № 12, с. 51–61.

Akimova M. S. "Suburban topos" in the works of Marina Tsvetaeva. *Issues of Cultural Studies*, 2018, no. 12, pp. 51–61. (In Russ.)

Богданова О. А. «Дачный топос» в русской литературе XIX–XXI вв.: генезис и эволюция. *Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения*: коллективная монография. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 474–489. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-474-489>; EDN: HCSYSD

¹ Токарева В. С. *Ничем не интересуюсь, но все знаю: рассказы*. Санкт-Петербург: Азбука, 2023, с. 50.

² Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк*. Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 198.

Bogdanova O. A. "Country topos" in Russian literature of the XIX–XXI centuries: Genesis and evolution. *Estate and dacha in the literature of the Soviet era: Losses and gains*: Collective monograph. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024, pp. 474–489. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-474-489>; EDN: HCSYSD

Богданова О. А. «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX–XXI вв.: случай Юрия Мамлеева. *Studia Litterarum*, 2023, т. 8, № 2, с. 200–219. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219>; EDN: EETZBN

Bogdanova O. A. The "dacha myth" in Russian literature of the turn of the 20th–21st centuries: The case of Yuri Mamleev. *Studia Litterarum*, 2023, iss. 8, no. 2, pp. 200–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219>; EDN: EETZBN

Богданова О. А. К истории крымских «литературных гнезд» начала XX века: письма В. Л. Комаровича к М. А. Волошину. *Автобиография*, 2018, № 7, с. 63–71. EDN: YSAEАН

Bogdanova O. A. On the history of the Crimean "literary nests" at the beginning of the 20 century: Letters from Vasilii Komarovich to Maksimilian Voloshin. *Autobiography*, 2018, no. 7, pp. 63–71. (In Russ.) EDN: YSAEАН

Богданова О. А. Усадьба и дача в драматургии А. М. Горького 1900-х гг. («Дачники», «Дети солнца», «Враги»). *Русистика без границы (Болгария)*, 2020, т. IV, кн. 3, с. 59–66.

Bogdanova O. A. Estate and dacha in the dramaturgy of A. M. Gorky in 1900s ("Dacha dwellers", "Children of the sun", "Enemies"). *Russian studies without borders (Bulgaria)*, 2020, vol. IV, book 3, pp. 59–66. (In Russ.)

Богданова О. А. *Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография*, ответственный редактор – Е. Е. Дмитриева. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 1. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2019. 288 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8>; EDN: KBOVXR

Bogdanova O. A. *Estate and dacha in Russian literature of the 19th–21st centuries: Topics, dynamics, mythology*. Series: Russian estate in a world context, iss. 1. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2019. 288 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8>; EDN: KBOVXR

Богданова О. А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. *Studia Litterarum*, 2022, т. 7, № 3, с. 10–29. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29>; EDN: IEZXEX

Bogdanova O. A. Formation of the research thesaurus in study of the phenomenon of dacha in Russian literature of the 19th–21st centuries. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 3, pp. 10–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29>; EDN: IEZXEX

Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013. 384 с.

Ganulich A. A. *The rise and fall of the "Soviet writer"*. Moscow: Agraf, 2013. 384 p. (In Russ.)

Ловелл Ст. *Дачники: история летнего життя в России, 1710–2000*, перевод с английского Л. Г. Семенов. Санкт-Петербург: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.

Lovell St. *Summerfolk: A history of the dacha, 1710–2000*, translated from English by L. G. Semyonova. St Petersburg: Akademicheskii projekt: DNK, 2008. 347 p. (In Russ.)

Масс А. В. *Писательские дачи. Рисунки по памяти*. Москва: Аграф, 2012. 448 с.
Mass A. V. *Writer's dachas. Drawings from memory*. Moscow: Agraf, 2012. 448 p. (In Russ.)

Михаленко Н. В. Поэтосфера дачи в творчестве В. В. Маяковского. *Литературный факт*, 2022, № 3 (25), с. 233–251. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251>; EDN: DVWYWG

Mikhaleenko N. V. The poetosphere of the dacha in V. V. Mayakovsky's works. *Literary Fact*, 2022, no. 3 (25), pp. 233–251. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251>; EDN: DVWYWG

Михаленко Н. В. Станция «Ахматовка» – место творческого притяжения. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 177–180.

Mikhaleenko N. V. “Akmatovka station” is a place of creative attraction. *Scientific notes of Orel State University*, 2024, no. 2 (103), pp. 177–180. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Дневник*. Москва: Книжный сад, 1996. 704 с.
Nagibin Iu. M. *Diary*. Moscow: Knizhny sad, 1996. 704 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Лунный свет: повести и рассказы*. Минск: Вышэйшая школа, 1986. 448 с.
Nagibin Iu. M. *Moonlight: Novellas and stories*. Minsk: Vysheysshaia Shkola, 1986. 448 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи*. Москва: Подкова, 1998. 520 с.
Nagibin Iu. M. *Over the abyss in lies*. Moscow: Podkova, 1998. 520 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *О любви. Слезы и жизнь...* Москва: Подкова, 1997. 528 с.
Nagibin Iu. M. *About love. Tears and life...* Moscow: Podkova, 1997. 528 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений: в 7 т.* Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020.
Nagibin Iu. M. *Collected works: In 7 vol.* Moscow: Terra, Knizhnyi klub Knigovek, 2020. (In Russ.)

Скороходов М. В. От литературной усадьбы к литературной даче (на материале русской литературы XX – начала XXI в.). *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 156.

Skorokhodov M. V. From literary estate to literary dacha (on the material of Russian literature of the XX – early XXI centuries). *Scientific notes of Orel State University*, 2024, no. 2 (103), p. 156. (In Russ.)

Скороходов М. В. Тарусская жизнь Константина Паустовского: в поисках гармонии. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 172–176. <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-172-176>; EDN: EQUPL0

Skorokhodov M. V. Konstantin Paustovsky's life in Tarus: In search of harmony. *Scientific notes of Orel State University*, 2024, no. 2 (103), pp. 172–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-172-176>; EDN: EQUPL0

Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк*. Санкт-Петербург: Азбука, 2018. 253 с.
Tokareva V. S. *A house beyond the village: Stories and an essay*. St Petersburg: Azbuka, 2018. 253 p. (In Russ.)

Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки*. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017. 252 с.

Tokareva V. S. *Houses last longer than people: Novellas, stories, and essays*. St Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2017. 252 p. (In Russ.)

Токарева В. С. *Между прочим...* Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2023. 448 с.

Tokareva V. S. *By the way...* St Petersburg: Azbuka-Attikus, 2023. 448 p. (In Russ.)

Токарева В. С. *Ничем не интересуюсь, но все знаю: рассказы*. Санкт-Петербург: Азбука, 2023. 252 с.

Tokareva V. S. *I'm not interested in anything, but I know everything: Stories*. St Petersburg: Azbuka, 2023. 252 p. (In Russ.)

Токарева В. С., Раевская М. У меня настоящий домик Наф-Нафа. *Новые округа*, 2015, № 42 (162), с. 14–15.

Tokareva V. S., Raevskaia M. I have a real house of Naf-Naf. *New districts*, 2015, no. 42 (162), pp. 14–15. (In Russ.)

Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография, составление О. А. Богданова; ответственный редактор — В. Г. Андреева, О. А. Богданова. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 8. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024. 672 с.

The estate and the country house in Soviet-era literature: Losses and gains: A collective monograph, compiled by O. A. Bogdanova; edited by V. G. Andreeva and O. A. Bogdanova. Series: Russian Estate in a Global Context, iss. 8. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024. 672 p.

Щукин В. Г. *Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей*. Москва: РОССПЭН, 2007. 608 с. EDN: QSTQYL

Shchukin V. G. *The Russian genius of enlightenment. Studies in mythopoetics and the history of ideas*. Moscow: ROSSPEN, 2007. 608 p. (In Russ.) EDN: QSTQYL

Яцкив Е. О. Эволюция литературной дачи и творчество Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 47–51. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51>; EDN: WWWOMV

Yatskiv E. O. The evolution of the literary dacha and the work of Yu. V. Trifonov 1960–1970s. *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 47–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51>; EDN: WWWOMV

The dacha kingdom: Summer dwellers and dwellings in the Baltic area; edited by N. Baschmakoff and M. Ristolainen. Aleksanteri Series, 2009, vol. 3. 509 p. Available at: <https://litasadba.imli.ru/sites/default/files/thedachakingdom.pdf> (accessed: 10.01.2026).

Сведения об авторе

Дарья Максимовна Борисова – младший научный сотрудник, <https://orcid.org/0009-0002-0454-5924>, borisovadarya2015@yandex.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия);

Daria M. Borisova – Junior Research Fellow, <https://orcid.org/0009-0002-0454-5924>, borisovadarya2015@yandex.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 155–166.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 155–166.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19/21"

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-12>

<https://elibrary.ru/mmtqcj>

**Образ Ясной Поляны: мифы и реальность об усадебной жизни
в романе В. О. Пелевина «Т»**

Валерия Геннадьевна Андреева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. Роман «Т» содержит мифы о Л. Н. Толстом самых разных периодов. В некоторых случаях они развенчиваются автором полностью, порою только обозначаются, а иногда частично подвергаются демифологизации. Целью статьи является осмысление образа Ясной Поляны в романе В. О. Пелевина, анализ художественных элементов, соотносимых с усадебным топосом, их роли и значения. У В. О. Пелевина Л. Н. Толстой одновременно и путешествует, и находится в усадьбе. Значимость усадебного топоса в романе нельзя недооценивать, он оказывается фундаментальной точкой, базисом для странствующего графа. В. О. Пелевин показывает, что уход Л. Н. Толстого из Ясной Поляны был во многом условен, оказался вызван поиском себя и дома в себе. Покинув свою усадьбу, Л. Н. Толстой не потерял глубокой и прочной связи с ней. В статье анализируются различные мотивы, связанные с усадебной жизнью, прослеживается их воплощение в романе, их использование автором в процессе развенчания прежних мифов о писателе и создании своей легенды о нем.

Ключевые слова: В. О. Пелевин, Л. Н. Толстой, граф Т., усадьба, Ясная Поляна, усадебная жизнь, миф, деконструкция мифа, реальность

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Андреева В. Г. Образ Ясной Поляны: мифы и реальность об усадебной жизни в романе В. О. Пелевина «Т». *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 155–166. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-12>; EDN: MMTQCSJ

The image of Yasnaya Polyana: Myths and reality about the estate life in V. O. Pelevin's novel "t"

Valeria G. Andreeva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The novel "t" contains myths about Tolstoy from various periods. These myths from different eras are sometimes completely debunked by the author, sometimes only hinted at, and sometimes partially demythologized. The purpose of this article is to understand the image of Yasnaya Polyana in Pelevin's novel, to analyze the artistic elements associated with the estate topos, their role, and significance. In Pelevin's novel, Tolstoy simultaneously travels and resides at the estate. The significance of the estate topos in the novel cannot be underestimated; it proves to be a fundamental point, a foundation for the wandering count. Pelevin demonstrates that Tolstoy's departure from Yasnaya Polyana was largely arbitrary, caused by a search for self and home within himself. Having abandoned his estate, Tolstoy did not lose a deep and lasting connection with it. The article analyzes various motifs of estate life, traces their embodiment in the novel, their use by the author in the process of debunking previous myths about the writer and creating his own legend about him.

Keywords: V. O. Pelevin, L. N. Tolstoy, Count T., estate, Yasnaya Polyana, estate life, myth, deconstruction of myth, reality

Acknowledgements. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P "Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal" (project manager O. A. Bogdanova), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Andreeva V. G. The image of Yasnaya Polyana: Myths and reality about the estate life in V. O. Pelevin's novel "t". *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 155–166. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-12>; EDN: MMTQCJ

Введение

Постмодернистский, сложный с точки зрения воссоздания художественной целостности роман В. О. Пелевина «Т» продолжает привлекать читателей и исследователей не только своей уникальностью, специфическими решениями и сюжетными ходами, но и тем, что в центре произведения находится фигура графа Т., близкая к образу Л. Н. Толстого, или, лучше сказать, почти полностью отождествляемая с ним. М. Н. Иванова пишет о том, что «с первых страниц романа акцентируется сходство главного героя графа Т. и великого русского писателя, в романе широко представлены биографические и портретные детали, с которыми для массового читателя связан образ писателя Толстого. <...> Пелевин, взяв за основу этот образ Толстого (каким его видит массовый читатель, поверхностно знакомый с его биографией и произведениями), трансформирует его, превращает великого писателя в супергероя наподобие Джеймса Бонда: он неуловим, неуязвим, ловок. Но это превращение выглядит

вполне убедительным, потому что сохраняется общая канва толстовского биографического мифа»¹.

Интерес к личности одного из выдающихся классиков русской литературы, его образу мыслей и поступкам, а также наследию был огромным как при жизни Л. Н. Толстого, так и после его смерти. Писатель стал легендарной фигурой для многих поколений, и у каждого исторического периода, который переживала наша страна после смерти Л. Н. Толстого, было свое понимание классика, его позиции и творчества.

В. О. Пелевину в романе «Т» удалось создать художественный мир, который вообрал в себя множество реальных фактов и сведений о Л. Н. Толстом и отсылок к его творчеству – чувствуется большое уважение В. О. Пелевина к классику, прекрасное знание современным писателем его творчества: «Пелевин <...> порождает у своих читателей интерес к истокам родной культуры, духовности. Кроме того, он открывает нам своего Толстого, прочитанного им от корки до корки (что подтверждают многочисленные аллюзии на толстовские сюжеты в его произведениях), Толстого-писателя, Толстого-мыслителя. Не принимая проповедь в искусстве, Пелевин отдает дань общественной позиции Толстого. На наших глазах происходит своеобразная реинкарнация Толстого, писателя и общественного деятеля»².

Порою В. О. Пелевин достаточно смело обращается с толстовскими идеями, мотивами и художественными находками, подвергая их иронии и вольному переложению. Однако нельзя забывать, что в художественном мире романа «Т» несколько реальностей, что автор высмеивает абсурд и мелочность, расчетливость современных людей. В. С. Симкина отмечает: «Виктор Пелевин, высвечивающий в своем творчестве контуры современного мира, образованного напластованиями языка (в соответствии с концепцией “мира как текста” Ж. Деррида), анализирует образы массового сознания, вскрывая их откровенную знаковую и условность, индуцирующие потребительский спрос»³.

Роман «Т» полон мифов о Л. Н. Толстом самых разных периодов. Порою они развенчиваются автором полностью, в некоторых случаях только обозначаются, а иногда частично подвергаются демифологизации, поскольку, как мы понимаем, сам роман «Т» содержит яркий авторский миф об исканиях и определенном отрезке пути графа Т.

В. В. Курьянова справедливо отмечает, что выбор вектора направленности мифа о Л. Н. Толстом в любом случае связан с авторским отношением к фигуре классика: «Толстовский текст как именной (персонический) свертхтекст проявляется в художественном творчестве по-разному. Выбор того или иного варианта интерпретации зависит от восприятия поэтом или писателем толстовского мифа, закрепленного ми-

¹ Иванова М. Н. Цитаты из биографического мифа в романе Виктора Пелевина “т”. *Известия Смоленского государственного университета*, 2012, № 1 (17), с. 76. EDN: OXURUZ

² Кириллина О. М. Проповедь в искусстве: Лев Толстой и Виктор Пелевин. *Художественное образование и наука*, 2014, № 1, с. 110. EDN: TCXDWF

³ Симкина В. С. Деконструкция мифа о духовном пути Л. Толстого в прозе В. Пелевина. *Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков: материалы XXIII Шеикуловских чтений*. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019, с. 138. EDN: KNPBMS

фологизированными константными представлениями в обществе. В основу именно-го сверхтекста положен биографический миф, который направлен двухвекторно: либо на сакрализацию личности того или иного художника, либо на ее профанирование. При этом выбор одного из двух возможных направлений связан с мироощущением автора, особенностями его биографии, отношением к конкретной исторической фигуре в семье создателя мифа»¹.

В задачи данной статьи не входит подробный анализ романа В. О. Пелевина. Нашей целью является осмысление образа Ясной Поляны, анализ художественных элементов, соотносимых с усадебным топосом, их роли и значения.

Основная часть

Большинство исследователей, которые пишут о романе В. О. Пелевина «Т», отмечают, что произведение прямо или косвенно связано с уходом Л. Н. Толстого из Ясной Поляны – потомственного имения, в котором писатель провел многие и лучшие годы своей жизни. На самом деле, роман издан к 100-летию со дня смерти писателя, так как вышел он в 2009 г., фактически за год до вековой даты, прошедшей со времени ухода Л. Н. Толстого из Ясной Поляны и его кончины.

О. М. Кириллина идею ухода Л. Н. Толстого из Ясной Поляны ставит в центр своей статьи о романе В. О. Пелевина: «возможно, Толстой бежал из Ясной Поляны от конфликтов в семье, от навязчивого внимания поклонников и противников, устав от необходимости доказывать свою точку зрения в словесных, интеллектуальных дуэлях, желая максимально сосредоточиться на духовных переживаниях»². Стоит отдать должное автору – этот отрывок написан *в форме предположения*. Однако вряд ли можно так настойчиво делать идею ухода Л. Н. Толстого из Ясной Поляны центральной для романа В. О. Пелевина. Действительно, великий классик умер не дома, ушел из Ясной Поляны, но ведь его уход и последующие две недели стали лишь завершающим этапом долгого, насыщенного, полного сложностей и прекрасных моментов жизненного пути.

Финальный уход Л. Н. Толстого из дома лишь косвенно и ассоциативно соотносится с путем графа Т., который ищет в романе Оптину Пустынь. Безусловно, многих читателей в данном случае не может не сбивать с толку появление в романе названия мужского монастыря, в который после отъезда из Ясной Поляны направился Л. Н. Толстой в конце октября 1910 г. Писатель провел там сутки, правда, так и не решился постучаться к старцам. Однако Л. Н. Толстой на протяжении жизни несколько раз бывал в Оптиной Пустыни. Поэтому, с нашей точки зрения, неверно однозначно соотносить путь графа Т. с дорогой ушедшего из усадьбы Л. Н. Толстого. Более того, в художественном мире романа В. О. Пелевина получается так, что Л. Н. Толстой *одновременно и путешествует, и находится в усадьбе*. Важность усадебного топоса в романе несомненна и значительна – он оказывается фундаментальной точкой, базисом для странствующего графа.

¹ Курьянова В. В. Толстовский неомиф в творческом сознании А. А. Ахматовой. *Наука и школа*, 2023, № 1, с. 12. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-1-11-16>; EDN: USXRYQ

² Кириллина О. М. Проповедь в искусстве: Лев Толстой и Виктор Пелевин. *Художественное образование и наука*, 2014, № 1, с. 106. EDN: TCXDWF

В отличие от критиков, любителей скандалов и семейных драм, В. О. Пелевин, представляющий в своем романе ряд биографических мифов о Л. Н. Толстом и их преодолевающий, показывает, что уход Л. Н. Толстого из Ясной Поляны был во многом условен. В. О. Пелевин настаивает, что, покинув свою усадьбу, Л. Н. Толстой *не потерял глубокой и прочной связи с ней*, что этот поступок графа Т. был вполне объясним – он был вызван *поиском себя и дома в себе*.

Символичны и значимы те факты, которые вспоминает о себе граф Т., частично потерявший память в ходе контузии: «Почему, кое-что приходит на ум. Вот Ясная Поляна, например. Беседки, борозда от плуга... Фру-Фру... Так лошадь зовут...»¹. *Усадьба оказывается на первом месте*: это не просто воспоминание, это своеобразная *идентификация себя*. Мы уже отмечали, что «усадебная тема, проблема правильного хозяйства в творчестве Л. Н. Толстого является одной из основных, поскольку именно к форме лучшего усадебного устройства всю жизнь стремился сам писатель, начиная со времени ухода из университета и определения плана собственного развития и будущего хозяйствования и до первого десятилетия XX в.»². Называя свое потомственное имение – Ясная Поляна, – доставшееся ему по наследству, в котором Л. Н. Толстой реализовывал планы семейной жизни, литературного труда, хозяйства, писатель по сути дела представляет себя как наследника Волконских, Голицыных, Трубецких, Еропкиных, Одоевских – самых родовитых русских семейств.

Л. В. Дубаков предлагает интересную трактовку названий в романе: «<...> в романе говорится не просто об Оптиной Пустыни, а об “Оптиной Пустыни соловьев”». Здесь Пелевин использует игру смыслов: с одной стороны, называя фамилию В. С. Соловьева, с другой – используя образ соловья как символа свободы. В буддийской традиции схожий по смыслу образ – образ кукушки, которая указывает на освобождение сознания. Важно также, что выходит граф Т. из Ясной Поляны. Этот топоним может быть истолкован подобно Оптиной Пустыни: *Ясная Поляна – состояние, в котором пребывает сознание, не отделенное от ясного света Дхармакайи*. Путешествие графа Т. таким образом оказывается путешествием ума (который изначально пробужден, но просто забыл об этом) – к самому себе»³ (курсив мой. – В. А.).

В плане духовного скитальчества и обретения себя, конечно, примечательна тяга графа Т. *домой* в финале романа («но теперь пора домой») и его диалог с лошадей, произносящей: «только сперва следовало бы подобрать этому дому название» (7). Однако в художественном мире романа сосуществуют несколько реальностей. И пока граф Т. метафизически путешествует, спящий или дремлющий Л. Н. Толстой находится в Ясной Поляне, в своем кабинете: «Он положил сложенные руки на стол и опустил на них голову, приняв ту же самую позу, в которой пришел в себя перед

¹ Пелевин В. О. *Т: роман*. Москва: Эксмо, 2023, с. 132. В дальнейшем в статье роман цитируется по данному изданию с указанием страницы в круглых скобках в тексте статьи.

² Андреева В. Г. Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле. *Филологический класс*. 2021, т. 26, № 2, с. 145. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-12>; EDN: MHGBSZ

³ Дубаков Л. В. Буддийские аспекты образа Льва Толстого и идеи философии Махаяны в романе Виктора Пелевина “Т”. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2024, № 1 (882), с. 129. EDN: PDNUDU

обедом» (447). Нельзя забывать о том, что вопрос Л. Н. Толстого о доме, его сомнения о цели движения в финале могут быть связаны с пожаром в Ясной Поляне, уничтожившим усадьбу во сне писателя и в реальности графа Т.

Своим романом В. О. Пелевин демонстрирует, что уход Л. Н. Толстого глубоко символичен, но при этом был подготовлен предшествующей жизнью писателя. Не случайно появляется *миф о двойнике Л. Н. Толстого* – подставном человеке, который изображает самого писателя и хозяина Ясной Поляны, пока тот отлучается из усадьбы: «<...> граф Т. завел себе двойника, высокого детину из крестьян. Сделал ему бороду из старого парика. И отправляет пахать к курьерскому каждый раз, когда хочет незаметно исчезнуть из усадьбы. А сам скрывается в переодетом виде» (10). Из романа мы узнаем, что это скорее даже побег из усадьбы, поскольку за графом Т. ведется полицейский надзор, и ему запрещено покидать место жительства. Мы видим сразу несколько коннотаций, связанных с усадьбой графа, – можем говорить об усадьбе-духовной колыбели, усадьбе-крепости, усадьбе-тюрьме и т. д.

Принципиально важно то, что усадьба в романе *сразу же называется*: «А знаете ли, что за таинственный замок на холме, отец Паисий? Это Ясная Поляна, усадьба графа Т.» (7). Автор романа легко вписывает Ясную Поляну в духовный путь Л. Н. Толстого. Согласно созданному В. О. Пелевиным мифу получается, что Л. Н. Толстой и не может уйти из Ясной Поляны, поскольку не просто отождествляется с ней окружающими людьми, но как бы несет ее образ в себе как образ истинного дома, настоящего автора-демиурга.

Образ дворянской усадьбы появляется на первой странице романа. Причем автор придает ему слишком бросающийся в глаза и запоминающийся вид. И дело даже не в состоятельности хозяина, о которой сказано, а в *мифе об узнаваемости Ясной Поляны*, ее круглых въездных башнях, ее скромных белых каменных постройках – флигелях. В. О. Пелевин намеренно делает главное здание усадьбы совершенно не похожим на него в реальности – писатель с первой страницы вовлекает реципиента в литературную игру: «Здание было красивым и странным: оно напоминало не то жилище эльфов, не то замок рыцарей-монахов. Белые шпили, стрельчатые окна, легкие мраморные беседки, поднимавшиеся из причудливо остриженных кустов парка – все это казалось нереальным на сквозном российском просторе...» (5).

Усадьба в романе одновременно оказывается и далеким краем, откуда *молодому графу Т.*, мастеру боевых искусств, поступает подкрепление в виде различных снарядов, метательных ножей, инновационных бомб и пр., и местом творческой силы уже *пожилого Л. Н. Толстого*, в усадьбу к которому стекаются многочисленные посетители со всего мира: «Прибыли новые гости <...> “Двое образованных рабочих, – насмешливо сказал вошедший вслед за лакеем сын Толстого Дмитрий Львович, – и еще девушка-курсистка. Кажется, из нигилистов – коротко стриженная, рыжая и курит папиросу. Хорошенькая» (446).

В обоих случаях хозяин прочно *связан с усадьбой духовно и физически* – это место его силы, подпитывающий его источник. О. А. Богданова очень точно подчеркивает этот факт: «<...> архетип Ясной Поляны – родового поместья Толстых – создает сквозную композицию произведения: в начале граф Т. сбегает из своей усадьбы в неведомую ему Оптину Пустынь <...>; на протяжении всего действия его стремятся насильно вернуть в Ясную Поляну, чему он всячески сопротивляется – тем не менее

оружие для борьбы с Ариэлем он получает именно из усадьбы как источника своей силы»¹.

Обратимся к двум обозначенным нами выше эпизодам подробнее. Когда речь идет об отправке помощи графу Т. (два раза) в виде оружия, сами посылки не только фактически спасают его, но и являются символичным жестом связи с домом, усадьбой, где о нем не просто помнят, где граф Т. – хозяин, распорядитель, ради блага которого трудятся люди. Исследователи отмечают, что «Ясная Поляна – место для тренировок, база, из которой протагонисту доставляются необходимое снаряжение и инвентарь <...>»². Чудесным образом в Ясной Поляне знают, что необходимо в данный момент их барину: «Рано с утра, когда Т. еще спал, из Ясной Поляны пришла подвода с вещами и оружием. Это было кстати <...>» (129). С одной стороны, перед нами фантастическое преувеличение, когда о потребностях графа Т. узнают в усадьбе даже без его письма и присылают оружие, по уровню далеко превосходящее степень развития науки и техники своего времени. С другой стороны, в этой заботе о барине, в готовности услужить ему в первую очередь («Один из свертков, прибывших из Ясной Поляны, был упакован с особым тщанием» (131)), а также в устроении бытия в усадьбе по его интересам и планам чувствуется один из основных законов дореволюционной усадебной жизни.

Толстовская идея непротivления злу силой толкуется в романе фактически противоположно, на основании одного из мифов об увлечении писателя азиатскими техниками боя, которые имеют своеобразную «декоративную философию». Интерес графа Т. к восточным боевым приемам выражается даже в создании своей школы рукопашного боя, которая «основана на обращении силы и веса атакующего противника против него самого с ничтожной затратой собственного усилия» (11). В том, что графу Т. в борьбе нет равных, есть большая заслуга его помощников и верных учеников из усадьбы. Достаточно прочесть руководство по эксплуатации к присланным бомбам, подпись верного кузнеца и оценить реакцию самого графа Т.: «Де Мартиньяк? – подумал Т., вынимая бомбу из алого бархатного гнезда. – Видимо, кто-то из последователей. Стал кузнецом, молодец» (132).

В. О. Пелевин вводит в роман *мотив усадебного оскудения*, произошедшего в результате несчастного случая в Ясной Поляне. В этом событии, о котором с горечью сообщает графу управляющий именем Семен Голубничий, показано печальное грядущее многих дворянских усадеб. Напомним, что реальность графа Т. видится во сне самому Л. Н. Толстому как проекция будущего или как будущее, пропущенное сквозь призму восприятия писателя. В реальности грабежи и поджоги, охватившие многие усадьбы летом 1905 г. и позднее, вплоть до революции 1917 г., не коснулись Ясной Поляны. Однако в семье Л. Н. Толстого, как писал в своих воспоминаниях ближайший друг и личный врач писателя Душан Маковицкий, летом и осенью

¹ Богданова О. А. *Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология*, ответственный редактор – Е. Е. Дмитриева. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2019, с. 220. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8>; EDN: KBOVXR

² Осьмухина О. Ю., Марьюшкина А. П. Интертекстуальное поле романа В. Пелевина «Т». *Филология и культура*, 2021, № 1 (63), с. 196. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-195-201>; EDN: ITTNGV

1905 г., в связи с негативными вестями о соседских имениях и прямыми угрозами в адрес хозяев Ясной Поляны, ожидали худшего: погромов, поджогов и т. п. «Ездивший в Тулу приказчик рассказывал, что там ходит слух, будто в Ясной Поляне скрывают разных социалистов, и мужики, наверное, придут к нам бить и грабить. Л. Н. встретил три раза какого-то незнакомого человека, который глядел в землю», – записал Маковицкий 5 ноября 1905 г.¹

Письмо о несчастьи в усадьбе приходит вместе со второй посылкой снаряжения из Ясной Поляны, граф чувствует упадок, уже глядя на снаряжение, еще даже не читая письма: «Что-то было не так. Нахмурясь, Т. внимательно оглядел снаряжение» (396). Граф Т. открывает посылку в гостиничном номере, и в этой столичной обстановке «казенного дома» чувствуется разница с положением уездных усадеб, которую Т. отмечает уже при виде прибывшей телеги. В письме рассказывается о беде, постигшей имение: «Перед тем две недели стояла засуха, а в ту ночь был ветер, и сгорело, ваше сиятельство, все – и дом, и флигель, и кузня, и пристройки. Сгорел и фехтовальный зал со всеми вашими чучелами да манекенами, хоть и стоял поодаль. И народу погорело немало, всех еще не сочли» (398).

Значимы последующие комментарии графа Т. С одной стороны, уже достаточно погрузившийся в теорию создания автором героя, он с большим недоверием относится к письму, которое должно его расстроить: «Отчего я так легковверен? Скорей всего, этот Семен Голубничий существует исключительно как подпись под этим письмом <...>» (400). С другой стороны, Т. метко характеризует цыгана Лойко, в духе тех мужиков-зачинщиков, которые затевали грабить и поджигать имения.

В «реалистичной» главе книги, становящейся своеобразным центром, вокруг которого организовано путешествие героя в его провидческом сне, Л. Н. Толстой в действительности живет в Ясной Поляне, быт и устройство которой в это время подчинены идеям писателя и его распорядку. Усадьба оказывается мало похожей на замок, представший перед попутчиками на первой странице романа. Читатель видит Л. Н. Толстого в его кабинете, в рабочей обстановке, причем интерьер составляют исключительно необходимые и предназначенные для работы вещи, в описании нет и намека на роскошь: «Толстой опустил взгляд. На подоконнике лежали сапожные инструменты. Под окном стоял деревянный ящик с колодками и обрезками кожи. Все вокруг выглядело как обычно» (433). В обращении со слугой, домашними и гостями, в поведении Л. Н. Толстого, в стилизации его записи в дневнике В. О. Пелевин достигает большого мастерства. Писатель передает деликатность, даже кротость Л. Н. Толстого, но при этом его внутреннюю силу и роль хозяина усадьбы. Комфорт Л. Н. Толстого заключается не в обладании дорогими вещами и использовании труда других людей, но в организации жизни в Ясной Поляне по своему разуму и усмотрению: «В отличие от многих потомственных дворян, привыкших к роскоши, Толстой отличался нетребовательностью. Даже в пожилом возрасте писатель старался не беспокоить слуг. Комфорт для Толстого был связан с привычной для него рабочей атмосферой, но отнюдь не с эгоистическими желаниями»².

¹ Маковицкий Д. П. *Яснополянские записки*. URL: <http://tolstoylit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopoljanskije-zapiski/index.htm> (дата обращения: 20.01.2026).

² Андреева В. Г. Лев Толстой и Ясная Поляна в 1909–1910 гг. (мемуаристика В. Ф. Булгакова, Н. Н. Гусева, А. Б. Гольденвейзера). *Вестник Костромского государственного университета*.

В главе о настоящем писателе, который видит сон о себе, В. О. Пелевин старается максимально воплотить детали быта семьи Л. Н. Толстых. Мы видим некоторые подробности обстановки в Ясной Поляне, к примеру, подобие приемной, отделенной от рабочего кабинета графа книжными шкафами. Подчеркивая великолепное знание Л. Н. Толстым иностранных языков, В. О. Пелевин упоминает о «полдюжине книг на немецком, английском и французском», лежавших на столе в приемной.

Большое внимание уделяет В. О. Пелевин описанию разговора Л. Н. Толстого, его гостей и близких в столовой – общая беседа пронизана нотами тонкого юмора, размышлений, воспоминаний. Называет имена реальных героев из своего сна сам Л. Н. Толстой, а пояснения по поводу этих лиц, их встреч с писателем в прошлом дает С. А. Толстая. О творческих беседах и философских разговорах с Л. Н. Толстым, происходящих в усадьбе в последнее время, говорит В. Г. Чертков. К примеру, он удачно комментирует переводчику смех Л. Н. Толстого по поводу того, что человек является божественным воплощением: «Он потому и смеется, что два дня назад мы говорили как раз об этом. И Лев Николаевич замечательно, по-моему, сформулировал ответ» (445).

Интересен оттенок общения Л. Н. Толстого с супругой: В. О. Пелевин показывает, что писатель относится к Софье Андреевне с нежностью и пониманием, но не упускает случая ироничных замечаний в ее адрес: «“Наверное, и про меня увидел какую-нибудь гадость, – весело сказала Софья Андреевна, – не так ли, Лева?” Толстой отрицательно помотал головой. “Тебя вообще не было”, – ответил он» (436). Отсутствие во сне Л. Н. Толстого супруги и присутствие любовницы – деревенской красавицы Аксиньи, встречающейся графу Т. по пути, говорит о представлении писателем себя еще совсем молодым, приблизительно тридцатилетним.

Еще один миф, не получивший в романе полной деконструкции, связан с доходами Л. Н. Толстого, точнее, с доходностью его имения. Аксинья, неплохо устраивающая свою жизнь, зарабатывает на нее литературным трудом – написанием романов невысокого качества. Она ловко использует знакомство с Л. Н. Толстым и близость с графом, разворачивая целое повествование «Моя жизнь с графом Т.: взлеты, падения и катастрофа». На несколько укоризненное замечание Л. Н. Толстого про книгу Аксинья отвечает: «Лева, людям надо зарабатывать на жизнь. *Не у всех есть усадьба на холме и белая лошадь с декоративным плугом*» (348) (курсив мой. – В. А.). Перед нами, конечно, миф о полной обеспеченности семьи Л. Н. Толстого и о его вольготной и устроенной жизни в Ясной Поляне. Усадьба нередко воспринимается персонажами как особенно благодатный топос, защищающий человека от всех внешних бед и тревог. Однако, по словам Ариэля, одного из авторов-переписчиков, Л. Н. Толстой в этом плане человек особенный: «Это только вас сомнения терзают. Так они вас и в усадьбе мучить будут» (309).

В продолжающемся сне Л. Н. Толстого графу Т. выносят серьезное обвинение во многих преступлениях и трагических смертях, причем появляется и мотив возможного и упущенного предотвращения преступлений, который был связан с пресечением намерений графа. И вновь базой для незаконной деятельности Л. Н. Толстого

названа Ясная Поляна, без которой писатель не обошелся бы, как и без своих верных слуг: «Еще при покойном министре Долгоруком у вас в Ясной Поляне были устроенны тайные ходы и лестницы на случай встречи с законом, знаем-знаем. А по ночам на караул выходило столько народу, сколько вокруг острога не ходит» (452).

В финале романа наблюдение графа Т. за букашкой с длинным зеленым брюшком отсылает читателя к открытиям Константина Левина, отраженным в финале «Анны Карениной», которыми так дорожил сам Л. Н. Толстой. И букашка в романе В. О. Пелевина, конечно, родственница той букашке, которой пытался открыть дорогу Левин, как и сам Л. Н. Толстой, размышлявший о жизни и ее смысле в своей усадьбе: «Да, надо опомниться и обдумать, – думал он, пристально глядя на несмятую траву, которая была перед ним, и следя за движениями зеленой букашки, поднимавшейся по стеблю пырея и задерживаемой в своем подъеме листом снытки. Все сначала, – говорил он себе, отворачивая лист снытки, чтобы он не мешал букашке, и пригибая другую траву, чтобы букашка перешла на нее»¹.

Выводы

Можно с уверенностью говорить о большом значении, которое В. О. Пелевин придает усадебному топосу во многих своих произведениях, в том числе и в романе «Т». Писатель продолжает рассуждать о различных особенностях и коннотациях усадебного топоса в русской жизни и литературе. О. А. Богданова в обзоре современной прозы уделяет внимание новому роману В. О. Пелевина “Transhumanism Inc.”, в котором «немалая часть действия происходит в сибирских усадьбах отдаленного будущего»². В романе «Т» Ясная Поляна предстает для Л. Н. Толстого одним из ключевых элементов жизненной силы. Она становится необходимой и важной точкой на пути писателя к самому себе (как отправной, так и заключительной). Ясная Поляна является первым в ряду ключевых понятий, связанных с Л. Н. Толстым в отечественной и мировой культуре. Образ потомственной усадьбы и ассоциирующиеся с нею мотивы позволили В. О. Пелевину развенчать множество мифов о писателе и создать свое представление фигуры и образа Л. Н. Толстого, подчеркнуть значение его наследия для будущих поколений. В романе «Т» В. О. Пелевин оценивает не определенный отрезок пути Л. Н. Толстого, не конкретные поступки и решения классика – уход из Ясной Поляны становится только внешним поводом для изображения духовных поисков и открытий Л. Н. Толстого.

Список литературы / References

Андреева В. Г. Лев Толстой и Ясная Поляна в 1909–1910 гг. (мемуаристика В. Ф. Булгакова, Н. Н. Гусева, А. Б. Гольденвейзера). *Вестник Костромского государственного универ-*

¹ Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 19. Москва: ГИХЛ, 1935, с. 378.

² Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 484. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAP>

сумма, 2022, т. 28, № 2, с. 117–125. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125>; EDN: EENNEZ

Andreeva V. G. Leo Tolstoy and Yasnaya Polyana in 1909–1910 (memoirs by V. F. Bulgakov, N. N. Gusev, A. B. Goldenweiser). *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 117–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125>; EDN: EENNEZ

Андреева В. Г. Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле. *Филологический класс*, 2021, т. 26, № 2, с. 144–154. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-12>; EDN: MHGBSZ

Andreeva V. G. Estates in L. N. Tolstoy's novel "Resurrection": From denouncing luxury to life on land. *Philological Class*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 144–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-12>; EDN: MHGBSZ

Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024. 560 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>; EDN: YKMFAF

Bogdanova O. A. *Hermeneutics of the literary estate: Theory, history, and modernity*, edited by M. V. Skorokhodov. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024. 560 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>; EDN: YKMFAF

Богданова О. А. *Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: тематика, динамика, мифология*, ответственный редактор – Е. Е. Дмитриева. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2019. 288 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8>; EDN: KBOVXR

Bogdanova O. A. *Estate and dacha in Russian literature of the 19th–21st centuries: Topic, dynamics, mythology*, edited by E. E. Dmitrieva. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2019. 288 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8>; EDN: KBOVXR

Дубаков Л. В. Буддийские аспекты образа Льва Толстого и идеи философии Махаяны в романе Виктора Пелевина «Т». *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2024, № 1 (882), с. 127–132. EDN: PDNUDU

Dubakov L. V. Buddhist aspects of Leo Tolstoy's image and ideas of Mahayana philosophy in Viktor Pelevin's novel "t". *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2024, no. 1 (882), pp. 127–132. (In Russ.) EDN: PDNUDU

Иванова М. Н. Цитаты из биографического мифа в романе Виктора Пелевина «Т». *Известия Смоленского государственного университета*, 2012, № 1 (17), с. 73–80. EDN: OXURUZ

Ivanova M. N. The biographical myth quotes in Viktor Pelevin's novel "t". *Izvestia of Smolensk State University*, 2012, no. 1 (17), pp. 73–80. (In Russ.) EDN: OXURUZ

Кириллина О. М. Проповедь в искусстве: Лев Толстой и Виктор Пелевин. *Художественное образование и наука*, 2014, № 1, с. 105–110. EDN: TCXDWF

Kirillina O. M. Preaching in art: Leo Tolstoy and Victor Pelevin. *Arts Education and Science*, 2014, no. 1, pp. 105–110. (In Russ.) EDN: TCXDWF

Курыянова В. В. Толстовский неомиф в творческом сознании А. А. Ахматовой. *Наука и школа*, 2023, № 1, с. 11–16. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-1-11-16>; EDN: USXRYQ

Kur'ianova V. V. Tolstoyan neomyth in the creative mind of A. A. Akhmatova. *Science and School*, 2023, no. 1, pp. 11–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-1-11-16>; EDN: USXRYQ

Маковицкий Д. П. *Яснополянские записки*. URL: <http://tolstoylit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskije-zapiski/index.htm> (дата обращения: 20.01.2026)

Makovitsky D. P. *Yasnaya Polyana Notes*. Available at: <http://tolstoylit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskije-zapiski/index.htm> (accessed: 20.01.2026) (In Russ.)

Осьмухина О. Ю., Марьюшкина А. П. Интертекстуальное поле романа В. Пелевина «Т». *Филология и культура*, 2021, № 1 (63), с. 195–201. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-195-201>; EDN: ITTNGV

Os'mukhina O. Ju., Mariushkina A. P. Intertextual field of V. Pelevin's Novel "t". *Philology and Culture*, 2021, no. 1 (63), pp. 195–201. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-195-201>; EDN: ITTNGV

Пелевин В. О. *т: роман*. Москва: Эксмо, 2023. 480 с.

Pelevin V. O. *t: Novel*. Moscow: Eksmo, 2023. 480 p. (In Russ.)

Симкина В. С. Деконструкция мифа о духовном пути Л. Толстого в прозе В. Пелевина. *Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков: материалы XXIII Шешуковских чтений*. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019, с. 138–144. EDN: KNPBMS

Simkina V. S. Deconstructing the myth of L. Tolstoy's spiritual path in V. Pelevin's prose. *Epic Tradition in Russian Literature of the 20th–21st Centuries: Proceedings of the 23rd Sheshukov Readings*. Moscow: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2019, pp. 138–144. (In Russ.) EDN: KNPBMS

Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 19. Москва: ГИХЛ, 1935. 528 с.

Tolstoy L. N. *The complete works*: In 90 vol., vol. 19. Moscow: GIKhL, 1935. 528 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Валерия Геннадьевна Андреева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>, lanfra87@mail.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); **Valeria G. Andreeva** – Doctor of Philology, Leading Research Fellow, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>, lanfra87@mail.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026